

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала — издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>) и веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница — 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovski@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

Журнал «Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит»

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
Сообщество: http://community.livejournal.com/ru_kontrabanda
E-мэйл: karakovski@gmail.com

Главный редактор — Алексей Караковский.
Литературный редактор — Сергей Алхутов.
Выпускающий редактор — Анна Герасимова.
Верстка — Алексей Караковский.
Фото — Наталья Караковская.
Художник — Владимир Дручин.

Редационный совет:

Сергей Алхутов (Москва) — прозаик, эссеист, член Союза писателей Москвы.

Анна Герасимова (Москва) — переводчик, эссеист.

Алексей Караковский (Москва) — прозаик, музыкант, переводчик, эссеист, издатель, член Союза писателей Москвы.

Андрей Моисеев (Москва) — критик, эссеист.

Екатерина Сергацкова (Волгоград) — критик, публицист.

Дэн Шорин (Тула) — писатель.

Организационная группа («Совет контрабандистов»):

Сергей Алхутов, Алексей Ануфриев, Кирилл Калинин, Алексей Караковский, Татьяна Рябова, Павел Соломатин, Татьяна Трусова, Алина Халзагарова, Александр Холмогоров.

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи (Москва) — поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.

Ирина Медведева (Москва) — руководитель литературного конкурса «Илья-премия».

Елена Рышкова (Франкфурт) — руководитель конкурса «Согласование времён» и литературного агентства «Русский автобан».

Евгений Степанов (Москва) — кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов разрешается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 11.01.11 в 18:40. Заказ № 4

Издатель Воробьев А.В. 117321, Москва, ул.Профсоюзная, 140, корп.2. E-mail: gorkom11@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Мульти Графика», 105483, г. Москва, ул. Никитинская, 5а, (495) 749-61-68

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15 декабря 2009 года.

В НОМЕРЕ:

Казны я не грабил, инородцев не эксплуатировал, контрабандой не занимался, никого не запарол до смерти, а потому судите: имею ли я право воссесть в первом классе, а тем паче причислять себя к российской интеллигенции?

А.П. Чехов, «Гусев»

Доктрина	2
Алексей Караковский. За что мы любим Москву	
Телега	3
Тайны московского метро Илья Криштул. Москва. Из цикла «Великие города мира» Андрей Налин. М.	
Рецепты чтения	8
Елена Бондаренко (Блонди). Бережные строки Ольги Татариновой.	
Сценография	9
Наталья Радько. Судьба и ремесло Алексея Баталова	
Перечитывая классику	20
Владимир Козаровецкий. Ход конём, или попытка плагиата.	
Исторический слой	15
Кирилл Ковальджи. Неизвестный журнал «Март».	
Консонанс	15
Виктор Кузнецов. Из песни слово выкидывали.	
Библиотека поэтического рока	15
Наталья Рубанова. Ольга Арефьева и Анастасия Гостева.	
История песен	15
Алексей Караковский. Velvet Underground: Sunday Morning («Воскресным утром»).	
Большая литература	22
Алексей Караковский. Большие надежды русской литературы.	
Сетевые раскопки	31
Андрей Гришин. Где публиковать поэзию.	
Точные координаты	38
Эдуард Абрамов. Интернет-журнал «Точка Зрения» (Lito.Ru) Стихи московских поэтов.	
Безумный словарь	34
Альтернативный энциклопедический словарь. Ша, Маня, я – Дубровский!	
Дикий гон	32
Сергей Алхутов. О происхождении человека от обезьяны.	
Контрабандное чтение	42
Наталья Иванова. Бог отвлекся, корабль утонул. Анна Максимова. Далеко, ещё дальше. Мария Полянская. Когда я замолчала. Ева Рапопорт. Рассказы.	
Литературный кроссворд	64

ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ МОСКВУ

В последнее время я часто задаю себе один вопрос, на который, на самом деле, не так уж легко ответить — что такое Москва?

В этом городе живёт более десяти процентов населения России. Местные жители давно ассимилировались среди приезжих, если к таковым относиться не только моих ровесников, но и их родителей. Москва — это палата общин, представительство всех регионов России и бывших союзных республик. По опросам, в Москве хотело бы жить ещё 20% населения страны.

С другой стороны, многие жители России считают своим долгом обвинять во всех своих бедах Москву и москвичей. Возможно, многие из обвинителей — тёмные и недалёкие люди. Возможно, обвиняемые к москвичам как таковым имеют отношение не большее, чем обвиняющие. Но ведь доля правды в этих претензиях тоже имеется.

В Москве хорошо. В основном потому, что интересно.

В Москве плохо. В основном потому, что дорого жить и нечем дышать.

15% жителей города даже хотели бы уехать из Москвы навсегда.

Но не зная ответа на вопрос, что такое Москва, невозможно однозначно сказать, любишь ты её или нет. Да я и не уверен, что это надо. Большинство москвичей относится к своему городу как к среде обитания. Может быть, поэтому самый важный символ нашего города — метрополитен.

И всё же в этом номере мы попробуем хотя бы слегка наметить образ Москвы — пусть эти штрихи и не дадут полностью законченного портрета.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

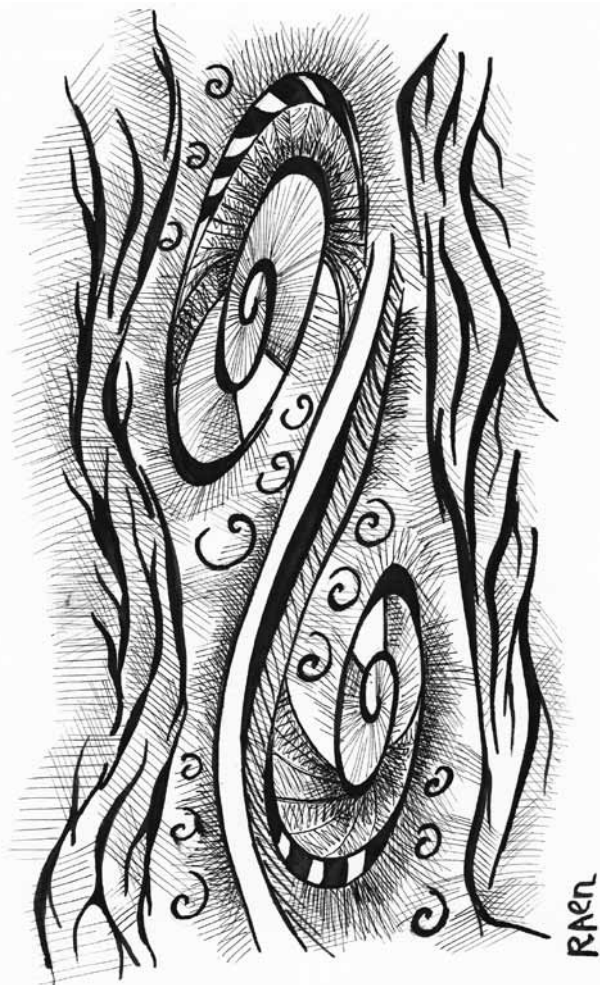
ТАЙНЫ МОСКОВСКОГО МЕТРО

Здравствуйте! Ваш специальный корреспондент Пти Фюить передаёт с Международной исторической конференции, которая проводится сегодня, 1 февраля 3007 года, уже в 119-й раз. Причудливая и прекрасная это картина — слёт великих учёных, припорхавших к нам из самых отдалённых и таинственных уголков планеты. С сенсационным докладом выступил норвежский этнограф и философ Кря Кря, потративший целых два месяца на изучение подземных пещер в центральной части Среднерусской возвышенности. Вот что он сообщил:

— Как известно, прежде мы думали, что «mossquitch» — это ископаемый генератор дыма и гари, применяемый исчезнувшими ныне цивилизациями в качестве средства передвижения. Археологические источники, найденные мной в среднерусских пещерах, свидетельствуют о том, что истинный «mossquitch» — не что иное, как нервное, измученное существо, обмотанное тряпками, вынужденное строить эти пещеры в качестве искусственной среды обитания. Но самое поразительное — то, что эти млекопитающие собирались в своих подземных «метро» для получения информации с помощью чтения! Более того, регион Среднерусской возвышенности считался самым читающим в мире!

Концепция норвежского учёного вызвала массу споров, так как не удалось выяснить, что именно читалось в «метро». Иногда интересные нас источники назывались «жёлтой прессой» (вероятно, из-за крайней ветхости). Впрочем, найденный при раскопках журнал под названием «Контрабанда» позволяет предположить, что с отдельными представителями рода «mossquitch» всё было не так плохо. То есть, совсем не плохо. То есть, очень хорошо!

Если вы ездите в метро, а не на «mossquitch'ах», читайте «Контрабанду» — о вас тоже вспомнят через тысячу лет.

МОСКВА. ИЗ ЦИКЛА «ВЕЛИКИЕ ГОРОДА МИРА»

860 лет назад по распоряжению Юрия Михайловича Лужкова была основана столица нашей Родины город-герой Москва. Сначала это был маленький населённый пункт, в нём жила дружина князя Долгорукого с жёнами да местные, которые ещё не знали, что стали москвичами. А когда узнали, очень этим загордились и придумали сначала прописку, потом регистрацию и четыре тысячи долларов метр. За это москвичей сразу не полюбил остальной народ и несколько раз сжигал весь город. Жгли все — татары, французы, братья-славяне... Но москвичи отстраивались заново, причём сами, без помощи турок и молдаван. В те давние времена они ещё умели это делать своими руками. Секрет строительства домов без участия турок и молдаван, к сожалению, утерян. Или украден молдаванами. А Москва после каждого пожара становилась всё краше. В ней появились первые достопримечательности — Черкизовский рынок, 3-е транспортное кольцо и станция «Выхино» в час пик. Кроме них, к московским красотам относится подземный переход под площадью трёх вокзалов, автовокзал на Щёлковском шоссе и, конечно, Кремль. Кремль это сердце Москвы. Капотня — лёгкие, оба Бутовых — отбитые почки, а Измайлово, судя по лицам жителей, давно и неизлечимо больная печень.

Шли годы. Москва превратилась в огромный мегаполис, в который рекой льются деньги и бомжи. Видимо, бомжи деньги привозят, прячут их, забывают, куда и идут спать в последние вагоны метро, несмотря на турникеты. Турникеты, кстати, изобрели тоже в Москве. Особенно нужны они в трамваях, которыми пользуются исключительно бабушки. Куда бабушки постоянно ездят в количестве, равном количеству сидячих мест, это загадка, над разгадкой которой бьются многие исследователи. Ближе всего к истине предположение, что до конечной остановки и обратно. Главное, что турникеты бабушкам не страшны, у них специальные проездные с фотографиями. А вот зайти в трамвай человеку с улицы стоит 25 рублей и 40 минут в очереди, так как бабушки никуда не торопятся. К счастью, не только турникетам слава наша столица. Всем известно, что в Москве обитают самые

добродушные и гостеприимные милиционеры страны. Мимо них невозможно пройти бесплатно. Это искусство, которым владеет далеко не каждый москвич, что уж говорить о гостях столицы.

Но Москва — это не только милиционерское гостеприимство. Москва — город, который приносит людям счастье. В Москве Наташа Королёва встретила Тарзана, а маленький Юрочка Куклачёв — свою первую кошку. В Москве нашёл работу В.В. Путин, а скульптор Церетели обрёл вдохновение и мастерскую. Как изменились улицы, украшенные его творениями! Как красив и высок Петр Первый! Говорят, что в голове Петра находится двухуровневый боулинг-центр, а в мизинце правой руки купил себе квартиру Роман Абрамович. Недалеко от Москвы расположена и знаменитая Рублёвка с её нефтяными фонтанами и газовыми факелами, где можно вкусно отобедать за 5000 долларов под пение живого Элтона Джона. И именно в Москве открылись самые крупные в Европе «Икеа» и «Ашан», «Мега» и «Арбат Престиж». В этих магазинах надо жить, что, кстати, многие москвичи и делают.

Но всё-таки не магазины являются лицом столицы. Недалеко от ресторана «Correa's» можно обнаружить Третьяковскую галерею, на задворках ЦУМа стоит Большой театр, из бутика «Giorgio Armani» виден Собор Василия Блаженного, а из одного ночного клуба даже краешек Пушкинского музея. В окружении такой красоты не хочется ни хамить, ни обманывать, поэтому в Москве вам никогда не нахамят и вас не обманут. Убить убьют, хотя это запрещено. Но, к сожалению, запреты в Москве не приживаются. Стоит мэру столицы что-нибудь запретить, как это что-нибудь появляется везде и в удвоенном количестве. После последних запретов теперь у каждого казино, на платных парковках, стоят девушки лёгкого поведения с шаурмой в руках, при этом распивая пиво в общественных местах и торгуя с рук собой же. А гей-парады проходят в лучших концертных залах. И во всех подземных переходах грузины продают молдавские вина из «Боржоми». Может, попробовать запретить в Москве море, пляж и обнажённых мулаток?..

Илья КРИШТУЛ

М **Объект:** М.
Автор: N (это «номер», так что, может быть, и №).
Жанр: роман-оливье.

После теракта в метро те, кому положено, разбирают документы, оставшиеся от одного пассажира, с целью определения его личности. Документы — это клочки его записной книжки и просто книжки, которую он читал. В общем, своего рода записки покойника. Причем очевидно сумасшедшего. Записки господина N (или №) касаются нескольких навязчивых идей: установления новых правил пешеходного движения, того, какие бабы сволочи, Америки, грядущей революции, величия СССР, опасности инопланетного вторжения... Типичный маниакально-депрессивный психоз, МДП.

Книжка, которую читал N, тоже еще та. Роман «Ветер» рабобавшего в Москве французского журналиста Андре Налина написан в традиции теории заговора: в связи с очередным кризисом правящей элиты осуществляется применение климатического оружия на собственной территории, и Москву сдувает очень сильным ветром (к счастью, москвичи успевают спрятаться в метро, где находят прекрасные подземные города и начинают новую счастливую жизнь). От книжки после взрыва осталось совсем мало, и даже этот сюжет почти не просматривается. В принципе, к концу идет сближение двух сюжетных линий, но тут автор погибает.

M — первый роман, который может существовать только в интернете, в электронном виде. M — первый роман, который является объектом современного искусства. M — первый роман, который физически не может быть напечатан, издан в виде книги. Правда, его можно экранизировать, но при этом экран придется разбивать на несколько частей: в одной действие должно идти задом наперед, в другой — в убыстренном темпе, дальше — в рапиде, потом должно быть пусто, а в других частях пусть транслируются какой-нибудь спортивный телеканал и мультики, чтобы никому не было скучно.

На главной странице сайта AndreNalin.ru ежедневно происходит генерация блока из случайных 20 текстов. В верхней части страницы помещается последний текст (Строящаяся линия). Все тексты присутствуют на Кольце, по 20 случайных на странице. Так же и в тематических разделах — на разноцветных линиях. Еще можно заказать CD.

В СССР в году было не триста шестьдесят пять дней, как сейчас, а четыреста семьдесят один. Потому что все в СССР было больше и лучше.

Упав под поезд метро, не стоит преувеличивать значимость этого события. Это просто несчастный случай и больше ничего. А ты мог родиться грязным московским голубем.

В СССР ежегодно население увеличивалось на миллион человек. А так как СССР существовал тысячу лет, в нем жило миллиард человек. И хорошо жило.

Алла Пугачева родила незаконнорожденного мальчика и назвала его Филипп Киркоров. Тогда в СССР с этим было строго, и ей пришлось отправить его к матери в Шахтинск. Потом она много лет искала его и не могла найти. Он нашел ее сам и женился на ней.

В СССР все было красного цвета. Даже голубое и зеленое было красным.

Че Гевара был министр иностранных дел СССР. Его знали и уважали во всем мире. А еще он написал бессмертную комедию «Горе от ума». Ее поставили в Большом и Малом театрах, где она шла с необыкновенным успехом. Че хотел даже писать продолжение, но тут американцы ворвались в посольство СССР и отрубили ему руки. Потом просили прощения, вернули нам Аляску и Калифорнию и еще четыре штата, не помню какие.

Брежнев был великий человек. После трех инсультов он по четыре часа читал доклады на съездах ЦК КПСС. Тот, кто сталкивался с этим заболеванием, понимает, что такое невозможно. Но для Брежнева не было невозможного.

Милосердие. Его не дожدهшься от московских властей. Их заботит не милосердие, а коррупция. Бессмысленно их призывать к милосердию, бессмысленно просить их засыпать метро. Никогда они не пойдут на этот акт милосердия, никогда не засыпят. Никогда. Но мы можем действовать сами. Пронести песок в спичечных коробках. Миллиард спичечных коробков — это миллион самосвалов с песком. Если дружно возьмемся, за неделю управимся.

Часто спрашивают, почему в СССР не было заказных убийств. А они были не нужны.

В СССР иногда пропадали люди. То есть был-был человек, и раз — нет. То есть вот борщ ест в столовке — а вот он уже исчез. Не то чтобы такое случалось часто, но — иногда. Квадратный кусочек говядины в тарелке остался — думал вкусенькое оставить под конец, — а самого человека уже нет. Природа этих загадочных исчезновений так и осталась нераскрытой.

Рассекать в метро с удовольствием. Главный принцип, который от нас скрывают. Ему надо следовать назло.

В СССР входило семьдесят восемь стран в разных концах света. Вступить в СССР, конечно, хотели и другие страны, но Брежнев выбирал только самые лучшие.

А Америка была совсем маленькой — меньше Ульяновской области.

Стаханов прожил четыреста лет. И триста из них работал в шахте. А потом спускался туда, только если угольной отрасли надо было перевыполнить план. Могучий старик один его перевыполнил в три-четыре раза.

• СОБЫТИЯ

У Стаханова было пятьсот человек детей. И все — шахтеры. Их так и называли: стахановцы.

Однажды метростроевцы встали на ударную вахту и целый месяц не выходили из шахты. А когда вышли, это был уже Ленинград. По этой ветке между Москвой и Ленинградом до сих пор ходят поезда. Но редко.

Мы уникальны. Хотя бы своей численностью. В любом поезде метро пассажиров больше, чем летающих тарелок, вмерзших в льды Антарктиды.

В СССР все эстонцы были русскими.

Ждановская (ныне — Выхино) называлась так в честь члена ЦК СССР Жданова, который пользовался уважением и любовью народа, потому что весил, как средний танк, — двадцать четыре тонны. А кто такой Выхин, никто не знает.

В СССР придумали ужасные автомобили жигули. Они были такие ужасные, что другого имени для них придумать не удалось. Вслушайтесь: жигули-и. Что-то слюденисто-слизистое. Советским людям не разрешалось ездить на жигулях. На них ездили только грузины, научные работники, которые придумали бесчеловечное оружие, и диссиденты, которые слушали КП. А граждане СССР ездили на метро. Тогда на метро можно было доехать от Калининграда до Петропавловска-Камчатского со всеми остановками.

СССР запустил в рамках своей марсианской программы зонд в Открытый космос. В нем была тугоплавкая пластина с текстом морального кодекса строителя коммунизма, а в палладиевой капсуле — локон Ленина. Найдя это, инопланетяне ничего не поймут и не захотят к нам прилетать. Может, они даже все сойдут с ума, и их цивилизация закончится. Вот чем СССР был лучше Америки. Морально.

Интернет в СССР был запрещен, поэтому люди научились обходиться без него, а воду брали в проруби.

В СССР каждый день делалось две тысячи научных открытий. Таков был научный потенциал СССР. Причем действительно каждый день — и по субботам, и по воскресеньям. Таков был энтузиазм в научной среде. Так вскоре стало бы нечего открывать, но правительство запретило публикации в научных журналах, и поэтому одно открытие делалось по несколько раз, иногда — десятки раз. А правительство выбирало из них лучшее и уж его публиковало в журнале Академии Наук. Разрешение на публикацию давало специальное учреждение под названием ОВИР.

Северный полюс открыл Ленин. Другие искали Северный полюс, но никак не могли его открыть. А Ленин один раз глянул и сразу говорит: «Вот он». Ему это было просто. Потому что Ленин был человеком огромного роста. И поэтому видел дальше всех.

Он был первым Генеральным Секретарем СССР.

Во времена СССР в метро было в четыре раза больше линий. Потом их засыпали. Ироды.

Трудно поверить в то, что метро вырыли обычные люди. Инопланетное происхождение этого циклопического сооружения кажется гораздо более объяснимым. Стоит вспомнить каналы на Марсе, и все встанет на свои места.

СССР любили все лучшие и самые знаменитые интеллектуалы в мире. Но это была любовь без взаимности. Знаменитый художник Дали сколько просил, чтобы ему дали написать фреску в Московском метро. Сначала предлагал всего за миллион долларов, потом и вовсе бесплатно. Когда стало ясно, что с фреской не выйдет, просил расписать хоть плафончик, хоть один. Но так и не смог осуществить свою мечту. Конечно, с Дали довольно строго поступили: предложили отказаться от модернизма, переехать в СССР и выучить русский — с этим-то со всем он согласился, — а также сбрить усы или хотя бы их распрямить, но лучше сбрить. Вот тут он заплакал и больше про плафончик не заикался.

В СССР октябрятам запрещалось читать «Пионерскую правду».

Все пионеры-герои остались живы, потому что были бессмертными. Это только говорилось, что они погибли, совершив подвиг. Так говорилось, чтобы простые пионеры росли бесстрашными и не боялись смерти, как самураи. А на самом деле после подвига каждый из пионеров-героев жил в Артеке. Правда, под другим именем.

Мы, свободно мыслящие граждане мира, должны потребовать от своих правительств, чтобы наша ежедневная доставка до рабочих мест на метро была заменена волновой передачей ДНК. Кто понимает, о чем я говорю, не может меня не поддержать.

В СССР никогда не было взрывов в метро. И если даже взрыв происходил, то КГБ просто откручивало время назад, арестовывало террористов и расстреливало их. Если не получалось сразу, то время откручивалось до тех пор, пока не удавалось добиться желаемого результата. Удавалось всегда: взрывов не было. И только росли горы из трупов в холодильных камерах спецморгов КГБ.

Жизнь похожа на поездку в такси. Она непредсказуема, довольно приятна и с разговорами. А в конце расплатиться нечем. Но все власти всегда хотят, чтобы жизнь каждого из нас была похожа на поездку в метро. Предоплаченной. Предсказуемой. Некомфортной. И без разговоров.

Одна из секретных веток метро ведет непосредственно из Мавзоля до Мавзоля-2. Точнее, до Вавзоля. Так правильно писать, потому что это подземное сооружение в тридцати километрах от Москвы представляет собой его точную копию, но в перевернутом виде.

Всего 25 лет назад на метрополитене было свыше 13 тысяч ударников коммунистического труда. Сейчас в это даже трудно поверить. Свыше ТРИНАДЦАТИ ТЫСЯЧ.

• СОБЫТИЯ

Если металл раскалить добела, а потом опустить в говно, то это будет сталь. Но довольно говенная.

Сталин живет в метро. Когда он ушел из Мавзолея на Красной площади секретными подземными ходами, с фасада пришлось убрать второе имя. С тех пор, вот уже полвека, его невысокую фигуру в военной форме старого образца можно увидеть — если поведет — неслышно ступающей среди мрамора и гранита на станциях старых линий. В последние пятнадцать лет его принимают за двойника и даже улыбаются. Кстати, улыбаться очень глупо. Это значит не понимать, что находишься в истинном Мавзолее Сталина, огромном, подземном, который он построил для себя и забрал с собой всех нас. Еще, говорят, от него исходит свечение. Но слабое.

И пусть нас уничтожают по миллиону в год, наши девушки в метро становятся все красивее. А их бабы, думаю, должны становиться все страшнее.

Во времена СССР метро было не только намного больше, но и гораздо глубже.

Пупочку на берете делали для того, чтобы его было удобно приподнимать и снимать пену с мозгов интеллигента.

Аркадий Гайдар был любимым писателем советской детворы. За это советское правительство бесплатно лечило его в сумасшедшем доме от психоза и алкоголизма.

Выйдя из психбольницы, благодарный Гайдар сразу писал новую книжку, в которой снова убивал одного или несколько пионеров.

В СССР в поездах было по сто вагонов.

Если бы второй фронт не был открыт и Красная Армия дошла до Ла-Манша, французские дети не научились бы жевать жевачку, но лучшие из них смогли бы летом отдыхать в Артеке.

Ленин был человеком гигантского роста. Сто метров. Когда он шел в революционный Петроград по Финскому заливу, вода ему даже не достигала до колен. Он пришел в Петроград и сразу объявил СССР. А люди стояли и смотрели в небо, на его лицо и бороду, и плакали от счастья. Это потом он усох, в Мавзолее.

Утвердившееся представление о том, что Ленин был гриб, антиисторично. Грибов высотой двести метров не бывает.

Иногда спорят — сто или двести метров был Ленин. А чего спорить? Если он спокойно выкручивал в период эмиграции лампочки с верхушки Эйфелевой башни, значит, триста. Ленин был триста метров ростом. Он был самым высоким человеком на Земле.

Когда я чуть не умер, я не умер. Когда я едва не покончил с собой, я не покончил с собой. А сейчас, когда мне стало насрать, неужели тоже не смогу? Не посмею. . .

• РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

В СССР все цыганки работали на производстве, прядильщицами.

Атеистам сегодня надо быть вообще поосторожнее. Или как-то оговариваться, что, хотя Бога нет, аллах есть.

Во времена СССР в СССР входило 15 республик, а теперь — только одна.

Все-таки я был прав, и с оплаты каждой поездки, как я и надеялся, отчислялся какой-то небольшой процент на уничтожение той женщины, бывшего работника РОНО, которая занималась подбором поэтических стихотворений для трансляции на эскалаторах метро. Теперь стихов больше нет. Теперь нас травят музыкальными песенками.

Возможно, ВТЦ был разрушен в результате заговора эстеров, которые считали, что башни-близнецы уродуют силуэт Нью-Йорка. Версия, конечно, выглядит экзотической. . . Но не более, чем атака арабов из летной школы.

В СССР водка была не сорок, а сто сорок градусов. Одной бутылкой мог напиться экипаж танка.

Рок-н-ролл придумали в СССР еще в тридцатых, но сразу засекретили. И правильно сделали. Потом его удалось удачно обменять у американцев на секрет атомной бомбы.

Гагарин летал в космос три раза. В первый раз он долетел на ракете до Луны, ступил на нее, положил вымпел с гербом СССР и вернулся на Землю. Второй полет тоже был засекречен. А в третий раз Гагарин просто облетел земной шар на ракете. Он облетел сто раз, но сообщили только про один. Это было в государственных интересах.

Архитекторам московского Сити выкололи глаза, чтобы они больше не могли такого построить. Но было уже поздно.

В СССР из всех наркотиков был легализован только портвейн. Его можно было купить в любом магазине. Однако правительство специально добавляло в портвейн ароматизаторы, которые делали невозможным принятие трех, максимум пяти бутылок. Поэтому овердоз в СССР не было.

Иногда спрашивают, почему распался СССР. Ну, это самое простое. Пиар был плохой.

Если в детстве у тебя не было велосипеда, а теперь у тебя BMW 745, то все равно в детстве у тебя не было велосипеда.

В СССР руководители страны были очень высоки ростом — до двухсот метров. А теперь стали мелкие, как кошки.

К разработке школьной формы на обязательной основе привлекались ведущие специалисты в области судебной психиатрии. Коричневые шерстяные платья, черные фартуки, пионерский гал-

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

стук или значок с Лениным на груди... Девочки в СССР были надежно защищены от грязных фантазий педофилов.

В СССР все жены были верными. Неверных жен не было, потому что их на партсобрании сразу забивали камнями. Это было не по-христиански, зато очень эффективно.

Москвичей в метро легко узнать по тому, что на них не действует сила инерции. Поезд дернуло, все люди в вагоне попадали, а эти двое стоят, даже не обращая внимания на веселую свалку между лавок...

В СССР азербайджанцы и армяне жили в мире и дружбе и у себя.

Судя по большим белым сугробам, которые украшали Москву зимой 2005 года, возрождение СССР не за горами. Но Украину мы туда не возьмем. Ну, может, только Закарпатье.

Когда я был маленьким мальчиком, я всегда думал, что ахмадулина — это такая шутовина, какая-то деталь в неведомом мне механизме... А на самом деле оно так и есть.

Пионеров-ультрас в СССР называли тимуровцами.

Иногда люди пытаются сказать по мобильному что-то интересное или умное. Никогда не получается.

Брежнев рос всю жизнь. Понемногу, по метру в год.

Отгадывание кроссвордов — достаточно популярное развлечение во время поездок в метро. Есть целые газеты из одних кроссвордов. Судя по тому, с какой легкостью идет дело у молдавских строителей, это занятие правильнее следует называть заполнением кроссвордов. Вероятно, вопросы примитивны и постоянно повторяются, а может быть, вообще связаны с телесериалами. Да, наверное.

Я уверен, что следующим шагом должны быть газеты с уже заполненными кроссвордами — вроде прописей. Что, кстати, было бы полезно, так как позволило бы улучшить почерк множеству людей, покупающих такие газеты.

Во времена СССР в Америке было ЦРУ. Потом об этом как-то позабыли.

СССР дважды спасал пенсионеров. В пятьдесят шестом в Венгрии и в шестьдесят восьмом в Чехословакии. Потом СССР пришел их спасать в Афганистан, но там пенсионеров не оказалось. Спасенные пенсионеры Будапешта и Праги успели умереть, так и не узнав, что квартплата бывает больше пенсии. А в Кабуле тоже многие умерли, так и не узнав, что бывает пенсия и бывает квартплата.

Америка не знает, что делать с доставшимся ей миром, как кошка, попавшая на дачу.

В СССР люди были три метра ростом. Все.

В СССР не было Бога. Интересно, что до и после Он был, а в СССР — нет.

Они не верят в Бога, потому что не думают, что будут гореть в аду. Они верят в Бога, потому что думают, что не будут гореть в аду. Они не видят здесь никакого противоречия.

В СССР в поллитровую бутылку входило девятьсот грамм. Потому что правительство думало о народе. И такие были бутылки.

Алкоголь женского рода. Она всегда пытается значить для тебя больше, чем ты хочешь, и значит больше, чем ты думаешь. Она — алкоголь.

Во времена СССР все называлось правильно. А теперь все называется неправильно.

Не помню, кто это сказал: весь мир — тюрьма, но метро — зона особо строгого режима.

К сожалению, в СССР был распространен алкоголизм. Но правительство культивировало это негативное явление не просто так, а специально. Потому что иначе общество было бы совершенным, а после достижения совершенства возможна только деградация. Кроме того, правительство мудро полагало, что алкоголизм лучше проституции и массового дезертирства, и даже выносило об этом постановления.

Пора запретить писателям компьютеры. Пора выдать им крепкие зубила и тяжелые молоты и отправить их в скалистые горы. Нет смысла писать ничего, что не стоило бы любых усилий. Не имеет смысла писать ничего, что не останется навечно или хотя бы на сорок тысяч лет — как тексты, высеченные на скалах.

Они еще и потому останутся, что нельзя высекать со скоростью триста знаков в минуту.

На праздники Первого мая и Седьмого ноября всем гражданам СССР выдавали по месту работы продуктовые заказы: по восемь килограммов черной икры на члена семьи и кусочек буковинского сыра. Икру мазали ножом на толстые ломти черного хлеба, а сыр бергли для гостей.

При ядерном взрыве с карточки стираются все поездки — из-за мощного электромагнитного излучения.

Во времена СССР в нашей стране жило в десять раз больше людей, а в Москве — в десять раз меньше. Так было в десять раз лучше.

Нужно на два дня закрыть Москву для легковых машин, что достаточно гуманно по отношению к тем, кто никогда не спускается в метро. Всего на два дня. Или все-таки на три?

Еще часто спрашивают, куда все делось? А никуда не делось. Все спрятано в надежном месте.

В СССР Московское метро было лучшим в мире.

Андрей НАЛИН

БЕРЕЖНЫЕ СТРОКИ ОЛЬГИ ТАТАРИНОВОЙ

Изломанные ветки за темным стеклом...

Этот образ остался в голове, когда прочитала книгу стихов Ольги Татариновой «Московский вечер». Хотя, конечно, в медленных и стройных строках есть не только окна и не только ветви без листвы. Но образ этот пришел и остался. Как символ одиночества, в которое приходит всегда человек с богатым внутренним миром. И пусть жизнь его складывается по-разному, пусть вокруг люди, пусть множество связанных с ними дел. Но высокого одиночества души отменить невозможно. Да и не нужно. Воздух высот разрежен и тем, кто на вершинах, приходится с этим мириться.

Ольга Татаринова родилась в 1939 г. Прозаик, поэт, переводчик. Автор книг: «Вечная верность» (повести и рассказы), М., 1988 г., «Некурящий Радищев» (роман), М., 1992 г., «Стихи», М., 1995 г. В ее переводах выходили: Ленри Питерс, Джеред Ангера, И.Р.Бехер, Альфред Киттнер, Ева Штриттматер, Ингеборг Бахман, Пауль Целан, Готфрид Бенн, Теодор Дойблер, Франц Верфель, Георг Тракль, Аллен Гинсберг, Джон Эшбери, Айрис Мердок (роман «Сон Бруно»), Патрик Уайт и многие другие. Лауреат международного конкурса на лучший женский рассказ 1993 г. Автор проекта и редактор первого русского феминистского альманаха «Преображение». Руководитель литературной мастерской «Кипарисовый Ларец» — до самой своей смерти в апреле 2007 года.

Все друзья и соратники Ольги Ивановны говорят о ней, как о человеке уникальной доброты, человеке, которому будущее русской литературы всегда было важнее, чем судьба собственных произведений.

Думаю, нет, уверена, что именно поэтому замечательная ее собственная проза известна читателям меньше произведений тех авторов, что сейчас у всех на слуху.

Читая книгу «Московский вечер», я еще кое-что поняла о существовании прозы поэтов и стихов прозаиков. Не знала вначале, как отнестись к стихам. Отдавая должное им, их насыщенности и настрою, великолепной мелодичности и несомненно мощному воздействию, все время ощущала как бы нежную помеху, сродни крошечному камушку в обуви. Что-то, что держит и требует дополнительных действий. Дополнительные знания?

Бродила по сети, разыскивая материалы, связанные с Ольгой Ивановной. Читала о литературной мастерской «Кипарисовый ларец». Сделала закладку на семинары Татариновой на сайте «Ларца», горячо поблагодарив про себя людей, не пожалевших своего времени и опубликовавших эти ценнейшие учебные материалы в общем доступе. И увидела объявление о том, что Ольга Ивановна ищет издателя для романа «Война Алой и Белой Розы». Сам роман полностью выложен в сети.

И вот, читая, слышу, как ворочается за темными стеклами ночной дождь последнего дня осени, поднимаю уставшие глаза и вижу за влажными стеклами черные изломанные ветви. А в романе, в самом конце первой части, там, куда я пришла:

...Но только это одно на северную бессолнечную сторону окно моей комнаты имело душу и делало со мной, что хотело, не отпуская от себя часами.

У него я слышала шорохи, крики, плач — звуки, дававшие понять, как велик тот мир, где я присутствую, присутствуя в нем у этого окна. Ни у какого другого — не бывала я в стольких местах сразу, а была только там, где была.

Ни перед каким окном листья акаций, освещенные тусклой лампочкой, не вили теней так одинаково из лета в лето, белые цветы не пахли так же — и помню, и забыла, и вспоминаю... Ни перед каким не рос на моих глазах айлант, а дом напротив — старел и оседал.

Нигде не слышала тех голосов, не видела той же густоты и прозрачности теней, голых черных веток, рисующих по стенам и потолку закат, и ночь, и множество видений, невысказанных вне этих стен, погружающих незаметно, всецело в чувства тишины или страха, грусти или сладости — или изводящей тревоги, пока не отпустит окно и не засмеется тихо. Позволит очнуться, заняться, уснуть, уйти...

Значит, читая стихи, я совершенно верно остановилась на образе веток за окном, как одном из ключевых образов для автора? Хвалить ли за это себя? Нет, конечно. А лишь подивиться талантливой силе автора, что смог, не декларируя, спустить впечатления и донести их, как воду в ладонях. От сердца через строки, в глаза и в сердце. Послание принято. И, читая роман о тех временах, которые у нас уже выучены, казалось бы, наизусть, растащены на штампы и образы — довоенное, военное и послевоенное время — суметь их без напряжения увидеть. Теперь уже с точки зрения человека, пережившего несколько эпох и сумевшего сказать об этом отстраненно и одновременно мучительно близко. Как бы одевая героев прозы в подробности и мелочи быта ушедшего и уходящего времени. Без ностальгии, без каких-то горячих оценок происшедшим событиям. Без малейшей спекуляции. С огромным чувством внутреннего достоинства.

Сейчас очень много спорят о том, есть ли в России интеллигенция и откуда ей, мол, взяться. Если — расстреляли, вытеснили из страны и попытались прожить без всей этой ненужной высоты. И кажется мне, что литературное наследие Ольги Ивановны, да и сама ее жизнь, доказывают, что есть вещи, не связанные напрямую с желудком. Есть то, что выше. И это выше появится и проявится. Всегда и несмотря на исторические реалии.

Борхес сказал: «Если писатель в жизни интереснее своих книг, то он — плохой писатель». Думаю, да. Если писатель держит свое творчество, как в руке маленькую мышку, то вероятнее всего, после его смерти зверек долго не проживет.

И относится это не только к качественной стороне текста и к интересности его. Есть люди, соответствующие своим текстам во всем. Большие личности большого таланта. Это — одно из проявлений высшей гармонии — рядом с нами. Ольга Ивановна Татаринова — такой человек.

Именно поэтому, читая великолепную, свежую и бережную ее прозу, я знаю, что обязательно вернусь перечитать стихи. Теперь уже — совершенно по-другому. Пусть кто-то другой спорит, хорошо ли это — читать стихи, соотнося чтение с лич-

ностью автора. Я тоже с удовольствием на эту тему выскажусь, свое мнение уже составила и ничего плохого не вижу в том, что сосуществование в одном временном пространстве с талантливыми авторами влияет на восприятие их произведений. В конце концов, мы не живем на кладбище, пусть бы и очень красивом.

Ольга Ивановна ушла совсем недавно. Оставив кроме романов, рассказов, стихов — множество людей, что вспоминают и будут вспоминать ее — по-хорошему.

*... Тихо ласковый снег шевелится,
Тихо мысли земные текут,
А вокруг прибавляются лица —
Это мой, очень людный маршрут.*

*Всех люблю я любовью бродяги,
И в твою, наверно, честь
Я болею безудержной тягой
Ко всему, что сейчас и здесь.*

(Ольга Татаринова, декабрь 1977)

Елена БОНДАРЕНКО (БЛОНДИ)

СУДЬБА И РЕМЕСЛО АЛЕКСЕЯ БАТАЛОВА

Дорогой мой человек

Представляю себе такую невозможную ситуацию. Все, как сейчас. По первому каналу голосят безголосые «фабриканты», питаются, грызутся, раздеваются и, наоборот, нелепо одеваются. По ТНТ — выясняют отношения участники «Дома-2» на нечленораздельном, бессмысленном языке. Только мат мужчин и рев девушек напоминают нам о том, что мы не просто провалились в погреб, мы приблизились к жизни. По МузТВ что-то бормочет себе под нос первый публичный сутенер России Петр Листерман и, храбро преодолевая дефекты речи, делится секретами мастерства. А по какому-то особому каналу идет особое реалити-шоу. Алексей Баталов под камерами просто живет, курит, пьет чай, говорит по телефону, улыбается дочери, разговаривает с женой, хмурится, тревожится, радуется. Это выглядело бы не как телевизионное событие, а как экологическое чудо. Гость из будущего. Такой прекрасный, полноценный, благородный и естественный человек. Какого во все времена трудно найти, даже если ходить по улицам с фонарем. И самый высокий рейтинг программы не нужно было бы искусственно раздуть из ничего, как воздушный шар. Зрители смотрят то, что им показывают. И на самом деле выбирают лучшее. Правда, необычные люди, большие актеры сами выбирают своего зрителя. А народный артист СССР Алексей Баталов имеет непростую привычку долго продумывать то, что он мог бы сказать людям. И в своей судьбе — сложном переплетении счастья и горя — он совершал только обдуманные поступки. Сейчас, как настоящий, постоянно сомневающийся интеллигент, он не считает, что всегда поступал правильно. Наоборот, он как-то сказал, что все бы переделал по-другому. Но нет такой возможности ни у кого. Даже у самого «дорогого человека» российского кинематографа. Он самый дорогой, потому что цена его таланта и интеллекта никогда не определялась суммой прописью. Просто это так, и все об этом знают.

Большая семья

Он родился в необыкновенной семье, и это было его везением. Он родился именно в такой необыкновенной семье, по которой история и власть просто обязаны были проехать катком. Он выжил, не сломался, ничего не потерял, и это тоже стало его горьким везением.

Родителям Алексея Баталова были актеры Нина Ольшевская и Владимир Баталов. Женой брата отца актера Николая Баталова была прекрасная Ольга Андровская. Родственником Алексея Баталова был известный актер Виктор Станицын. Родители расстались, когда маленькому Алеше было пять лет. Мать вышла замуж за чудесного человека, известного писателя Виктора Ардова. У них родились два сына — Борис и Михаил. Двухкомнатная квартира Ардовых давно стала легендарной, такой плотной была концентрация культурной элиты России на каждом квадратном сантиметре. Но при этом семье нужно было где-то спать, есть, воспитывать детей и развлекаться. А они развлекались! Потому что были страшно яркими, талантливыми и, как напасти, боялись людей, лишенных чувства юмора. Борис Ардов, известный театральным худож-

ник, так рассказывает о распределении жилплощади: «В одной комнате одновременно жили первая жена моего отца с новым мужем и Виктор Ардов со второй женой — моей мамой — и ее сыном от первого брака Алешей Баталовым. Еще к ним приходил бывший муж моей мамы Владимир Баталов. При этом, заметьте, жили они очень дружно и вели общее хозяйство». Однажды взрослые члены большой семьи засиделись допоздна за покером. Владимир Баталов, подрабатывавший переводчиком, опоздал на важную встречу и так объяснил причину своему начальнику-немцу: «Вчера я играл в покер с моей женой, мужем моей жены, женой мужа моей жены и мужем жены мужа моей жены». Немец пришел в бурный восторг. Он целый день водил Владимира по «Националю», где находился офис, и заставлял повторять эту замечательную фразу. Кстати, деньги на свою будущую кооперативную квартиру Нина Ольшевская выиграла именно в карты у какого-то богатого иностранца. Это была квартира в писательском доме в Нащокинском переулке в том подъезде, где жили Мандельштамы. В этой квартире, а затем в другой — на Большой Ордынке — в годы репрессий согревалась Анна Ахматова, закованная властью в ледяные окопы отчуждения.

Алексей Баталов очень любил своего отчима, ценил его прекрасную душу, относился, как к родному отцу. И, конечно, всем трем сыновьям Ардова нравился развеселый нрав Старика, как называет Виктора Ефимовича сын Борис, его забавные выходки. Маяковский любил, когда Ардов во время проводимых поэтом диспутов отпускал свои шуточки из зала. Однажды Маяковский спросил у него перед началом выступления: «Ардов, вы там у входа «рено» моего не видели?» Он, видимо, хотел похвастаться перед приятелем новой машиной. «Ни хрено я не видел», — ответил Ардов. Отчим Баталова покупал в кондитерском магазине раздавленные карамельки с вареньем, которые продавщицы должны были списывать. Эти конфеты невозможно было оторвать от обертки. Они сидели вдвоем с Анной Ахматовой и ели эти карамельки вместе с бумажками. Однажды Анна Андреевна поинтересовалась: «Ардов, их хоть при вас дают?»

Борис Ефимов вспоминает, как они вместе с Ардовым принимали участие в пафосном чествовании известного в свое время фельетониста Григория Рыклина. В Центральном Доме литераторов было застолье, произносились приличные, комплиментарные речи. Ардов тоже начал свою речь с почтительной, высокопарной ноты, а закончил ее так: «А ведь в конце концов в свои семьдесят лет Григорий Ефимович имеет полное право быть идиотом!»

Семья Ардовых посылала продовольственные посылки Лидии Руслановой, когда та была в ссылке. Они делали это совершенно открыто, подвергая себя страшному риску. В их доме находили понимание Осип Мандельштам, Михаил Зощенко, Илья Ильф, Евгений Петров, Юрий Олеша, Фаина Раневская, Борис Пастернак. Настоящим, любимым, постоянно опекаемым членом семьи была Анна Ахматова. И все это происходило легко, естественно, без всякого намека на свою великую миссию. Когда Русланова после одиннадцати лет заключения пришла к Ардовым, дверь открыл хозяин, просиял, обнял и сказал: «Лидка! Здорово! Заходи. Слушай, вот такой анекдот есть».

Мать

Нина Антоновна Ольшевская, талантливая актриса МХАТа, нежная, эмоциональная, трогательная женщина с изумительным вкусом, была отличной матерью и женой и даже как-то справлялась со своей нелюбовью к домашнему хозяйству. Она преданно любила своих ро-

дителей. Она по справедливости должна была прожить счастливую, безмятежную жизнь. Но в один день попала в центр страшной беды, которая все продолжалась, продолжалась и продолжалась... Алексей Баталов вспоминает: «Я и без объяснений знал, что моя бабушка, главврач Владимирской больницы, никогда не была врагом народа. И один дедушка не был, и второй, и оба дяди не были. Все они сидели по 58-й статье, считались врагами народа, но, чтобы мне ни пытались вдолбить в школе пионерские или комсомольские начальники, я никого из родни не предал. Один родственник похоронен в братской могиле во Владимире, второй остался на лесоповале под Кандалакшей... бабушка умерла, отсидев Бог знает сколько лет за то, что была дворянкой и еще кем-то, кем возбранялось...»

Во время войны Нина Антоновна с тремя детьми была эвакуирована в Казань, затем в Чистополь. Ардов был призван на фронт — военным корреспондентом. Вернулась Нина в Москву в 44-м году. Она ждала ребенка, который родился, но вскоре умер. Это было продолжением горя.

В августе 1946 года Нина Ольшевская была с мальчиками в Коктебеле. Ей почему-то кажется, что с Ахматовой что-то случилось. «И все шлю Виктору письма и телеграммы. Спрашиваю, как Анна Андреевна, приехала ли она уже в Москву или собирается! Получаю от него телеграмму: «Дура, читай газеты». И я прочла постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», о Зощенко и Ахматовой. Немедленно стала собираться домой. Было трудно сразу достать билеты, с детьми... Приехала, стала пытаться пробраться в Ленинград, тогда еще были пропуска. Прошло еще несколько дней, пока я приехала к ней. Пробыла у Анны Андреевны три дня и привезла ее к нам в Москву. И когда мы шли по Климентовскому переулку, встречали писателей, они переходили на другую сторону. Сурков мне говорил: «Как я вам благодарен за то, что вы ее привезли к себе».

Летом 1965 года Ахматова написала Нине Ольшевской последнее письмо: «Всегда мысленно беседую с вами, Ниночка. У нас столько тем, правда?».

Осенью Ахматова в последний раз приехала в Москву. Тут ее настиг очередной инфаркт. В Боткинской больнице Анна Андреевна пролежала четыре месяца. А когда ее выписали, очень слабую, нуждающуюся в постоянном уходе, Нина Антоновна повезла ее в санаторий в Домодедово. Через три дня королева русской поэзии умерла на руках своей самой верной подруги.

Свет далёкой звезды

Это произошло на князьминской даче за несколько лет до начала войны. На этой даче жили писатели Илья Ильф, Евгений Петров, Борис Левин и художник Константин Ротов. Через много лет Ирина Ротова расскажет, как начиналась ее первая любовь. «Вдруг калитка нашей дачи открылась, и на участок верхом на настоящей белой лошади въехал красивый мальчик. Он молча объехал дачу и так же молча скрылся вдали. Петька Петров заорал: «Я знаю этого воображалу! Это Лешка Баталов». Я была сражена наповал. И хотя потом выяснилось, что белая лошадь — старая водовозная кляча, притом слепая, но сидел-то на ней Алеша, как принц на арабском скакуне».

Двенадцатилетний Алеша Баталов стал регулярно приходить на дачу, где жила Ирочка Ротова. Он шил куклам платья (!) и между делом учил ребят курить, спрятавшись в заросли крапивы. Там-то их и застала няня Иры. Она сказала, чтобы Алешу на участок не пуска-

● СЦЕНОГРАФИЯ

ли. «Но сердце мое при одном упоминании его имени замирало, хотя Алеша никаких знаков внимания мне не оказывал».

Следующее лето все еще было счастливым. Удовольствие от жизни получали не только дети, но и взрослые. На этой даче играли в волейбол Ардов, Олеша, Катаев — все молодые, красивые и очень знаменитые. Конечно, дурачились. Ира Ротова помнит, как все жильцы по приезду на дачу первым делом высаживали помидоры и напряженно следили, у кого они созреют раньше. Однажды ее папа полночи ползал на четвереньках и красил свои помидоры в красный цвет. Утром все были в шоке. Помидоры Ротовых созрели, остальные остались зелеными.

Константина Ротова арестовали на счастливой даче летом 1940 года. Был обыск, летели в окна книги, рисунки, постели. Мало кому повезло из дачников. Михаила Кольцова расстреляли, Борис Левин погиб на финской войне, Евгений Петров разбился на самолете во время войны с немцами, когда возвращался с фронта. . .

Ирочка Ротова встретила с Алешей Баталовым после войны в доме у Пети Петрова. Им уже было больше шестнадцати. Они танцевали под мелодии «Серенады солнечной долины», играли в бутылочку. В семнадцать одолжили у домработницы Николая Погодина денег и купили одно на двоих золотое колечко, на обратной стороне которого выгравировали «Алеша + Ира = Любовь». Это был настоящий брак, который вскоре оформили по общепринятым нормам. Нина Антоновна обняла Иру и сказала: «Мы тебя любим, ты будешь жить у нас». Ардов подарил книжку с надписью: «Дорогой Ирочке. Ты навсегда останешься моей дочерью». Юные супруги жили в одной из комнат перенаселенной квартиры на Большой Ордынке, которую часто уступали Анне Ахматовой. Сами ютились, где получалось. Анна Андреевна выходила из спальни молодоженов в халате с драконами, всем улыбалась, ко всем обращалась на «вы». Алешу Баталова она любила особенно. И однажды попросила принять в подарок свой небольшой гонорар, чтобы он немного приоделся. Он уже учился в школе-студии МХАТ. Алексей прошелся по магазинам со своим неожиданным богатством, а потом взял — да и купил подержанный серенький «Москвич». Об этом событии Ирина Ротова вспоминает так: «Алеша полюбил его, по-моему, больше, чем меня, и, уходя, гладил его, как женщину». Она уже ревновала. Он был легкий и яркий. Учился тому, чему хотел. А его юная жена из-за репрессированного отца смогла поступить лишь в пушно-меховой институт в Балашихе.

Возврата нет

Он был просто обречен стать известным артистом и сам понимал, что семья уходит на второй план. Он поставил перед собой задачу стать не просто известным, а необходимым (!) артистом. «Я впервые вышел на сцену с подносилом... Я не обольщался ни судьбой актерской, ни аплодисментами. Что я буду в театре — не сомневался никогда. И что во МХАТе — тоже. Но я понимал: или ты актер, или... Театр тоже не может жить без этих людей, не второсортных, а необходимых. . .».

Армию Алексей Баталов «отбывал» в Театре Советской армии. Там, возможно, и рассмотрел своего главного актера великий режиссер Иосиф Хейфиц. Он пригласил его на одну из основных ролей в фильме «Большая семья». Рабочий парень с внешностью аристократа, с бархатным, проникновенным голосом — это блестящий опыт режиссера, разрушающего стереотипы. Но сколько деликатности, ума, такта потребовалось от актера, чтобы созданный образ не показался искусственным, придуманным. После «Большой семьи» Хейфиц снял «Дело

● ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

Румянцева», где Алексей Баталов играет шофера, поневоле втянутого в уголовную историю. Для этой роли, как и для всех последующих, Алексею Баталову потребуется не просто талант, профессионализм, но и весь его нравственный опыт, его собственное понимание порядка вещей.

И так уж получилось, что именно в это время нарушился порядок вещей в судьбе самого Алексея Баталова. После первого фильма на него обрушилась неслыханная популярность. Его одолевали поклонницы, его приглашали другие режиссеры. Он был на съемках, когда родилась его дочь Надя. Жена Ирина получила в этот день срочную телеграмму такого содержания:

На грехе себя люблю:
Девоч сызмальства люблю.
Будь то Нина, Маша, Даша,
Назови ее хоть Капа —
Счастлив будет грешник папа.
Сочиняя этот стих,
Я уже люблю двоих.
Ленфильм. Баталов.

У маленькой Нади получился праздничный папа. Но у нее тоже была прекрасная большая семья. С ней возились Ардовы и, бывало, она оставалась играть с Анной Ахматовой. Ирина Ротова вспоминает, как пришла однажды за Надей и обнаружила ее и Ахматову за столом, заваленным бумагой и цветными карандашами. «Мы рисуем красивых девочек», — сообщила мне Анна Андреевна. В это время зазвонил телефон и попросили Анну Андреевну. Она сказала: «Ирочка, если можно, пусть перезвонят минут через пятнадцать Я занята — я рисую».

У первой жены Баталова — молодой, красивой — был свой круг друзей, ее любили многочисленные родственники мужа. К ней, наконец, приезжал прекрасный муж, способный все превратить в яркий праздник: свой первый гонорар, обживание угла на даче у знакомых и даже банальное посещение парикмахерской. Именно там Алексей Владимирович показал как-то Ирине немолодого человека с необычной внешностью и заметным перстнем на пальце. Это был Вольф Мессинг.

Но обращаться по личному вопросу к известному предсказателю судеб уже не было смысла. Алексей Баталов еще во время съемок «Дела Румянцевых» нечаянно и смертельно влюбился в цыганскую танцовщицу из цирка, приехавшего в Ленинград на гастроли. Ирина Ротова не напрасно так тосковала во время командировок мужа.

День счастья

Красота Гитаны Леоненко разбила сердце поэта, художника, эстета Алексея Баталова. Девушке было девятнадцать лет. Он узнавал у всех, где остановились циркачи, и нашел их в той же гостинице, где жил сам — в «Европейской». Познакомились в ресторане. Скорее всего, до этой встречи Баталов не знал такой нежности и страсти. Для Гитаны он стал единственным мужчиной в жизни. Но его нравственные установки не позволяли оставить жену с маленькой дочкой. В 1958 году Ирина Ротова сообщила Ардовым, что встретила другого человека. Нина Антоновна обняла ее и сказала: «Ирочка, ты все равно останешься для нас родным человеком, нашей дочкой». Анна Ахматова, которая очень любила Алексея и, возможно, догадывалась о том, что с ним происходит, сказала Ирине: «Не огорчайся. Я уважаю женщин, которые первыми уходят от своих мужей».

• ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

Ирина не пошла на премьеру картины «Летят журавли» в качестве жены актера, слава которого стала всемирной. О том, что она ушла от него, Алексей Владимирович узнал от Ардова. Вскоре они с Гитаной поженились. Их любовь была настолько проверенной, сердца настолько истосковавшись за долгие годы встреч урывками, что совместная жизнь не могла не быть счастливой. Гитане было двадцать восемь лет, Алексею — сорок, когда родилась их дочь Гитана — Мария. Такой прелестный ребенок, что на него ходили любоваться в роддоме. Только врачи вдруг стали отводить глаза. И в один день на потрясенных родителей обрушился приговор: детский церебральный паралич. Они устояли. Они сломали и заново построили всю свою жизнь. Они отвоевали свой день счастья. Сейчас никто не назовет Машу Баталову обездоленным, несчастным человеком. Она не встает с инвалидного кресла, но у нее есть талант, дело, возможность реализовать свои творческие идеи, и, главное, столько любви, сколько требуется, чтобы справиться с местью судьбы неизвестно за что...

Маленькая принцесса

Как-то директор Института генетики человека познакомил меня с членами общественного фонда помощи детям с ДЦП. Это были просто мамы, которые годами без передышки искали способа достучаться до какой-то государственной структуры, до одного хотя бы государственного человека, который бы пальцем шевельнул для создания социальной системы в помощь больным детям. Я публиковала материалы в центральных газетах, после них добрые и бедные люди посылали какие-то гроши на счет фонда, врачи объясняли, что готовы свою зарплату отдавать в этот фонд, но для настоящего лечения требуются возможности государства. Кто такой «Государство», нам вряд ли суждено узнать. Тогда я получала гладкие отписки от чиновников, более известных, как казнокрады, и тонула в пронзительных письмах несчастных родителей со всей страны. И была погружена в какую-то невозможную жизнь. В ней люди боялись спать, не разрешали себе болеть, не прощали себе праздной минуты. Они учили детишек дышать, улыбаться, шевелить ручками, ножками. Если у ребенка, больного ДЦП, появлялось желание поупрямиться, похулиганить по мере слабых сил, это становилось праздником для родителей. Однажды я узнала о том, что мальчик, фотографию которого я давала в материале, умер. И после этого стала отвечать на письма — мольбы о помощи примерно так: продавайте все, уезжайте отсюда в любую страну, где есть права и законы, защищающие слабых. Здесь вы ничего не добьетесь.

Алексей Баталов, большой актер, всеми уважаемый человек, крупный общественный деятель, конечно, мог бы поселиться с семьей на уединенной вилле где-то на юге Франции или на берегу океана, где постоянно поправляют здоровье наши небольшие и менее щепетильные соотечественники. Он и работать мог бы в любой стране, и нигде бы не потерялся. Но он поставил перед собой другую цель. Он сохранил для дочери родину, он помог ей открыть безграничные возможности родного языка. Сейчас имя Марии Баталовой известно всем любителям некоммерческого кино и такой же литературы. На V фестивале отечественного кино «Московская премьера» специальный приз получил фильм «Дом на Английской набережной», который снял известный режиссер Михаил Богин по сценарию Марии Баталовой. В основу сценария Мария положила судьбы своих близких. Это тонкое сочетание романтизма и трагизма. Надежды, потери, любовь. Рождения, юность и старость — жизнь длиною в семьдесят лет.

Она сидела на сцене в своем кресле, слушала, как хорошо говорят о ее работе и ощущала тепло маминых рук на своих плечах. Вокруг толпились светские львицы в дорогих нарядах, а у Маши просто сияли глаза, какими природа одарила трех Гитан, красавиц — цыганок: бабушку, маму и внучку. Алексей Владимирович в тот вечер от волнения не смог сказать ни слова.

О книге Гитаны-Марии Баталовой «И была, и не была» в газете «Москвичка» было написано так: «Маша Баталова. Это имя будет широко известно. Есть все составляющие. Талант, упорство, поддержка дорогих людей. Тяжелая болезнь с самого детства ограничила ее жизнь четырьмя стенами. Но ее мир не сузился до этого тесного пространства. Напротив, безмерно расширился. Мария — глубоко верующий человек. Игумен Иосиф Шапошников/ написал, прочитав ее новую книгу «И была, и не была»: «Ваше слово трогает душу...»

Москва слезам не верит

В день рождения дочери навсегда закончилась карьера Гитаны Аркадьевны Леоненко-Баталовой. Алексей Владимирович, один из самых востребованных актеров кинематографа, стал принимать лишь такие предложения, от которых невозможно было отказаться. Каждый фильм с его участием становится событием в искусстве. У него есть роли, о богатстве и глубине которых можно говорить очень много. Роль в фильме Алексея Германа «Седьмой спутник» по пронзительному произведению Бориса Лавренева. Федор Протасов в «Живом трупе» Владимира Венгерова по пьесе Льва Толстого, такой страдающий, такой слабый и такой прекрасно непреклонный. Приват-доцент Голубков в картине «Бег» Алова и Наумова по произведению Михаила Булгакова. Потерянный, тоскующий на чужбине, беспомощный в своей бесконечной интеллигентности. И этот баталовский стальной стержень в доброй и нежной душе. В его игре никогда нет и намек на сентиментальность, гипертрофированный драматизм. Но именно сдержанность его выражения, за которой такое море эмоций, заставляет зрителей плакать.

За многие работы Баталов был удостоен призов, наград, государственных премий. Но лишь один фильм с его участием получил такую экзотическую для отечественного кинематографа награду, как «Оскар». Это картина Владимира Меньшова «Москва слезам не верит». Добротная, профессиональная, правильная мелодрама с логичным сюжетом, с отлично подобранными актерами. Мне трудно судить о кухне вручения наград в Голливуде, уверена лишь в том, что фильм победил в честной конкуренции. И еще в одном я уверена: в том, что без Баталова картина могла бы просто не получиться. Это легко проверить с точки прошедшего времени. Берешь сегодня диск, смотришь с любопытством, ностальгией, ждешь наиболее удачных моментов, и минут через пятнадцать... прокручиваешь все до того момента, когда в вагоне электрички появится Баталов. Извините, если что не так, но я поступаю именно таким образом. Рабочий Гоша — это, конечно, не Протасов, не князь Трубецкой («Звезда пленительного счастья»), не Гуров из «Дамы с собачкой». Но это не менее интересно. Хотя в данном случае я, кажется, спорю с самим Алексеем Владимировичем, который считает, что зрители не поняли его героя. «Я прекрасно понимаю, что Гоша был нужен создателям фильма, чтобы завершить двухсерийные страдания несчастной женщины. Но в третьей серии он мог ударить ее бутылкой по голове. А почему нет? Гоша от первой жены ушел, пристает к незнакомой женщине в электричке, пьет, дерется. «Одинокие советские женщины» не рассмотрели моего героя как следует».

Дамы с собачками и без

Когда юная Ирочка Ротова впервые увидела двенадцатилетнего Лешу Баталова на слепой кляче, она совершенно точно определила его человеческую и даже мужскую суть. Он принц на арабском скакуне. Рыцарь. Рядом с ним женщина должна чувствовать себя избранной, особенной. Свою личную жизнь Алексей Баталов посвятил любовному служению жене и дочери. Его экранных возлюбленных не так уж много, но это лучшие актрисы. И в каждом любовном дуэте Баталов ведет, подает свою партнершу уверенно, тонко, нежно. Так, чтобы ее красота, талант и женственность гармонично слились, прозвучали чудесной мелодией любви.

Вера Алентова, исполнительница главной роли в фильме «Москва слезам не верит», — очень хорошая актриса, привлекательная женщина. Мне только не показалось, что она и Баталов подходят друг другу, как мужчина и женщина. Как говорил один из редакторов журнала «Театр», — «не сексуется». Но героине Веры Алентовой было не просто хорошо с этим Гошей, который пристает, пьет и дерется. В ней проявилось то, что для этой актрисы не слишком характерно: мягкость, растерянность, преданность. Может быть, в задуманный создателями образ и вписался бы эпизод с ударом бутылкой по голове несчастной женщины. Но в данном случае с Гошей справился бы Алексей Баталов. Вообще все эти приметы народного героя — выпил, пристал, подрался, здорово напился из-за ревности и упрямства, — в сочетании с человеческим набором самого актера привели к уникальному результату. Никогда еще в кино так не обыгрывалась сексуальная притягательность Баталова. Такая осязаемая, земная история любви, такое отсутствие советской скованности, зажатости в выражении

страсти, которая, кстати, абсолютно не заложена в тексте, — просто не могла не произвести впечатление на голливудских академиков. Хотя в отличие от западного кино того времени, все, что мы увидели на экране, — это постельное белье, спешно заталкиваемое в ящик дивана.

Алексей Баталов никогда не повторяется в любовном диалоге с разными партнершами. Инна Макарова в картине «Дорогой мой человек». Невероятно естественная и трогательная актриса, готовность к радости и отчаянию, смех сквозь слезы... Они с Алексеем Баталовы сыграли настолько дорогих друг другу людей, что зритель душой ощущает каждый вздох, каждое произнесенное слово, отраженное лишь во взгляде.

Ия Саввина в «Даме собачкой». Такой интеллигентной, нежной, женственной, такой рабыней любви она больше не будет ни в одном фильме. Они с Баталовым сыграли самое большое несчастье мужчины и женщины. Родство людей, неспособных преодолеть разделяющую их преграду. Гуров в исполнении Баталова стал поистине чеховским героем. Все просто и невероятно сложно. Даже у будничных привычек есть страшная оборотная сторона. Находишь именно там, где теряешь. Фильм стал международным событием, получил ряд наград.

Тамара Семина в «Дне счастья». Как же они подходят друг другу. Она со своими сияющими бархатными глазами, он — высокий, красивый, не думающий об этом. Весь — ожидание и мольба. Не уходи, не обрывай день счастья.

Людмила Савельева в «Беге». Такая невыносимо прелестная, доверчивая, брошенная на чужбине. Они с Баталовым в этой картине похожи на брата и сестру, которые случайно встретились, разделили сиротство и отправились обратно на родину. На погибель. Людмила Савельева — именно та актриса, которая по-настоящему раскрывается рядом с сильным, уверенным и благородным партнером.

Но ни с кем у Алексея Баталова не было такого пронзительного, шемящего дуэта, как с Татьяной Самойловой.

Летят журавли

Михаил Калатозов снял картину «Летят журавли» по пьесе Розова «Вечно живые». Талант режиссера и возможности кинематографа превратили просто хорошее произведение в шедевр. Молодой, прекрасный, светлый, одухотворенный Баталов и Самойлова со своей экзотической красотой, поразительным спектром ярких эмоций, способностью сыграть абсолютную любовь и абсолютное горе. В 1958 году советская картина «Летят журавли» получила главный приз Каннского фестиваля. Публика и пресса встретили фильм восторженно. Красивые исполнители главных ролей затмили мировых знаменитостей. Но мало кто знал в Канне, какой ценой давалась в те годы настоящим актерам достоверная игра в фильме о войне. Война еще жила в них. Они не оплакали еще всех потерянных близких. Их души были надорваны увиденным, услышанным, пережитым в детстве.

Во время съемок Алексей Баталов вспоминал теплушки с ранеными, госпиталь, крики. «Слыша их стоны и мольбы, я испытывал чувство вины за то, что могу ходить, и у меня есть руки». Самойлова снималась в мороз с температурой из-за обострения туберкулеза, теряла сознание. Баталов получил тяжелую травму лица, после которой попал реанимацию. Они справлялись, переводили дыхание и возвращались на съемочную площадку.

После Каннского фестиваля фильм продолжил триумфальное шествие по планете. Он получил призы в Локарно, Хельсинки, Мехико, Мо-

ске. В этом году фильму исполнилось 50 лет. На прошедшем Московском международном фестивале он вновь получил специальный приз. Его вручали Татьяне Самойловой и Алексею Баталову. Картина пережила своего создателя — Михаила Калатозова. Фильмом «Летят журавли» в этом году открылся фестиваль российского искусства в Канне.

Судьба и ремесло

У него все получается. Алексей Баталов — хороший режиссер. Еще в 1960 году он снял фильм «Шинель» по повести Гоголя, в 1972 году — «Игрок» по Достоевскому. Большой режиссерской и актерской удачей стал фильм «Три толстяка» по повести Олеси. Это чудесная, чистая, радостная картина, в которой Алексей Владимирович снялся в роли канатоходца Тибула. Он сам, без дублера, шел по натянутой между домами проволоке без страховки. Жена Гитана обучала девочку, которая играла Суок. Больше Баталов фильмы не снимал, объясняя это так: «Фильм надо снимать своей командой. А когда я переехал из Ленинграда в Москву, команда распалась. Умер Урусевский, с которым мы должны были приступить к съемкам новой ленты... Ни с кем другим снимать этот материал я не мог. Он был рассчитан на то, чтобы снимал Урусевский... Но — не получилось». Вот такая невероятная профессиональная чистота и щепетильность.

Алексей Баталов — талантливый писатель и поэт. Он пишет стихи, сказки, размышляет, вспоминает. Его книги «Диалоги в антракте», «Судьба и ремесло» — не просты для читателя. Они требуют соучастия в мыслительном процессе, рассчитаны на подготовленный и организованный интеллект. К событиям своей необычной судьбы, к людям, которые ее обогатили и украсили, Алексей Баталов относится очень бережно, деликатно и все с той же особой щепетильностью. Его сводный брат, Михаил Ардов, протоиерей, публицист, в одном из интервью сказал, что Алексей обладает несомненным литературным даром, но его память не сохраняет каких-то особых деталей, в частности, об Анне Ахматовой, которая его очень любила. Мне кажется, дело тут не в свойствах памяти, а в отборе этих самых деталей. Нет ничего более субъективного, чем интерпретация деталей поведения, эмоционального проявления, реакций другого человека. Тем более такого человека, как Ахматова, которую родной сын иногда просил: «Мама, не королевсья». Столько достоинства и действительно королевской гордости было в этой женщине. А с Алексеем Баталовым, членами его семьи, близкими друзьями она просто дурачилась иногда. Баталов — писатель рассказывает об этом с удовольствием, но очень тщательно подбирает слова, чтобы не исказить действительную картину, и даже чувствует свою вину перед людьми, которые могли заблуждаться насчет их с Ахматовой розыгрышей. «Анна Андреевна позволяла себе иронизировать по поводу собственных знаменитейших стихов. И это ничуть не противоречило ее внешней царственности... Самое безжалостное публичное издевательство над стихами Анны Андреевны устраивалось в виде представления. Гости, которых Анна Андреевна развлекала подобным образом, особенно преданные почитатели, каменели и озирались, точно оказавшись в дурном сне. Теперь я могу засвидетельствовать, что вся режиссура и подготовка этого домашнего развлечения принадлежит самой Анне Андреевне».

Однажды Ахматова решила приготовить сюрприз для вернувшегося из эмиграции Александра Вертинского. Она попросила Алексея потренироваться в жанре пародии. Он в точности воспроизвел особую манеру исполнителя романсов, чуть утрируя, как требует комедийный

жанр. А основой для жалостных романсов стали лучшие строки самой Ахматовой. Они превратили этот номер в веселую клоунаду. «Думаю, многие из гостей и сегодня не простили мне того, что я делал со стихами Ахматовой, поскольку не знали ни происхождения этой пародии, ни той лукавой мудрости и внутренней свободы, с которыми Ахматова относилась к любым, в том числе и своим собственным творениям».

Баталов — талантливый художник. Именно ему доверила Ахматова написать ее последний портрет. Он автор иллюстраций к сборнику произведений дочери, Марии Баталовой.

Перед именем Твоим

И у Баталова были времена вынужденного простоя и даже изоляции. Тогда он создал свой радиотеатр. Он был режиссером, актером, искренним, взволнованным собеседником для многомиллионного зала слушателей. Он поставил «Казаки» Толстого, «Белые ночи» Достоевского, «Поединок» Куприна, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Ромео и Джульетта» Шекспира. С литературным вкусом, думаю, все понятно.

Как ни странно, преподавателем ВГИКа Алексей Владимирович стал лишь в силу обстоятельств. «Я вообще-то педагогом стал случайно. После кончины Бориса Бабочкина его курс остался неприкаемым. И чтобы не играть секретарей парткомов или колхозных активистов, я согласился его довести. С тех пор, то есть с 1975 года, работаю со студентами. С «республиканскими» курсами, как их тогда называли... Я с радостью готов научить своих студентов всему, что сам умею».

Таланту, наверное, научить невозможно, а вот передать ученикам особое, благоговейное отношение к делу, научить их критично относиться к самим себе, не надеяться на то, что все само собой, как сейчас говорят, «покатит», — это он сумел. Об этом рассказывают его ученики. Актриса Татьяна Лютаева вспоминает, как однажды она перед занятиями вспомнила, что забыла дома какую-то необходимую книгу. Алексей Владимирович сам на своей машине отвез ее домой, она взяла книгу, и они успели к началу занятия. В день смерти Брежнев, вспоминает она, все студенты, равно, как и преподаватели, разбежались из института якобы по причине всенародной скорби. Свой курс Алексей Баталов встретил в коридоре. «Что случилось? Почему никого нет?» — изумленно спросил он.

— Представляет, Леонид Ильич умер!

— Царствие ему небесное, — серьезно произнес Баталов. — Но почему надо отменять занятия?

И они занимались в этот день до позднего вечера.

Да, у него все получается и в судьбе, и в ремесле. В исполнении предназначений, посланных свыше. Алексей Баталов — крупный общественный деятель, у него очень конкретная просветительная и благотворительная миссия. Он занял свое, особое место в искусстве. В его доме есть тепло, надежда и много любви. В этом году у него восьмидесятилетний юбилей. Я радуюсь присутствию в нашей жизни таких невероятных, исключительных людей, над официальными званиями которых сияет неофициальное — эталон. Мне только, как сказал бы Светлов, «смеяться слезы не дают». Потому что принцам на арабских скакунах, благородным рыцарям, великим людям с интеллектом, талантом и душой живется вовсе не легче, чем всем остальным. А совсем наоборот.

Наталья РАДЬКО,
alexeybatalov.ru

ХОД КОНЁМ, ИЛИ ПОПЫТКА ПЛАГИАТА

*Когда двое говорят одно и то же —
это далеко не одно и то же.*
Французская поговорка

Передо мной два издания известной детской сказки «Конек-Горбунок»: одно — московских издательств «Совпадение» и «Сампо», 1997 года, другое — московского же издательства ЗАО «РИК Русанова», 1998 года. На суперобложке первой стоит название — «Конек-Горбунок. Гипотезы и факты», а на переплете — П.Ершов «Конек-Горбунок»; на обложке второй напечатано: «Александр ПУШКИН (?) «Конек-Горбунок». Русская сказка.»

Неплохое начало? А продолжение еще интересней.

На обороте титула второй книжки читаем:

Замысел этой книги, возникший в 1990 г. и осуществлявшийся с марта по июль 1997 г., был похищен издательствами «Сампо» и «Совпадение» и существенно искажен в их издании, вышедшем в конце 1997 г. Чтобы нейтрализовать последствия такой, мягко говоря, недобросовестности, мне пришлось несколько видоизменить и дополнить работу, предлагаемую, наконец, вниманию читателей.

Составитель.

Насколько можно судить по этой «реплике» составителя (В.Перельмуттера), речь идет о плагиате; вопрос только: о чем плагиате и плагиате чего? Попробуем ответить на этот вопрос, для чего, в первую очередь, сравним содержание книг в самом общем виде — их структуру. Чтобы каждый раз не называть издания и издателей, назовем без изысков первую по времени издания книгу Первой, а вторую — Второй.

Первая книга состоит из текста сказки «Конек-Горбунок» в редакции издания 1834 года, статьи Н.Семпер «Театр с большой буквы» (воспоминания об отце, художнике Е.Соколове, иллюстрациями которого оформлены обе книги), статьи Александра Лациса «Верните лошадей!» и его же «Послесловия», доказывающих, что автором «Конька-Горбунка» является Пушкин и что именно первоначальный текст сказки издания 1834 года, подпорченный только цензурными исправлениями, ближе всего к пушкинскому, и статьи А.Толстякова «Пушкин и «Конек-Горбунок» П.Ершова», уверенного в том, что автором сказки является Ершов, хотя дело и не обошлось без «дружеского участия» Пушкина.

Вторая книга состоит из тех же текстов Лациса «Верните лошадей!» и «Послесловие», статьи Перельмуттера «В поисках автора», вроде бы и солидаризирующейся со статьей Лациса, но совершающей некий «скок в сторону» (об этом — позже), текста сказки в редакции издания 1834 года со сквозной нумерацией строк, «Примечаний» составителя в виде измененных и добавленных Ершовым в первоначальный текст строк с соответствующей нумерацией; затем идут «Приложения» — написанная в 1907 г. по мотивам «Конька-Горбунка» революционная агитпародия С.Верхоянцева «Конек-Скакунок» и статья С.Лесного «Конек-Горбунок» из эмигрантского журнала «Возрождение» (1964), пре-

возносящая достоинства сказки, и особенно — текста первых изданий (на эту статью, цитируя похвалы Лесного «Коньку-Горбунку», ссылался и Лацис).

В Первой книге статья Семпер о Соколове интересна безотносительно проблемы авторства сказки, а к ее решению никакого отношения не имеет. Статья Толстякова объясняет известные факты с общепринятой сегодня точки зрения на авторство, считая Ершова несомненным автором «Конька-Горбунка», но с доводами Лациса не спорит, существуя как бы сама по себе, в то время как Лацис эти же факты рассматривает как «поплавки» литературной мистификации, увязывая все странности и противоречия происхождения, публикации и дальнейшей судьбы сказки и Ершова в единое целое и давая им разумное объяснение.

Во Второй книге «Конек-Скакунок» и статья Лесного ничего нового обсуждению этой проблемы не добавляют, являясь довеском, без которого сборник не потерял бы. В чем же «дополнение» Перельмуттера, которое должно «нейтрализовать последствия... недобросовестности»? Поскольку «Примечания» в виде ершовской правки отдельных строк и его вставок в тексты хотя и забавно интересны, показывая поэтическую беспомощность Ершова, но всего лишь иллюстративны, являясь наглядным пособием для некоторых аргументов Лациса, подтверждающих его гипотезу, — постольку таким «дополнением» может служить только статья составителя, и круг наших изысканий уменьшается до вполне приемлемых размеров.

Таким образом, общей — и стержневой — литературной частью обеих публикаций являются статья Лациса «Верните лошадей!» с «Послесловием» и первоначальный текст сказки. Начнем с предположения, что Лацис прав и что имела место литературная мистификация. Автором сказки является Пушкин, которому зачем-то эта псевдонимность понадобилась, а Ершов согласился поставить свою фамилию и сыграть роль автора. Как бы повели себя в этом случае Пушкин и его окружение, посвященное в тайну (одному ему осуществить этот розыгрыш не удалось бы), и как бы повел себя Ершов? Попытаемся восстановить ход мысли Пушкина и мистификации, приняв точку зрения Лациса и воспользовавшись его аргументами.

Во-первых, текст сказки таков, что, подписанный именем Пушкина, он просто не мог быть опубликован из-за политических и иных намеков, очевидных и сегодня, если считать автором Пушкина; например, эпизод с китом, проглотившим тридцать кораблей и не выпускающим их десять лет и без умственных усилий связывается с декабристами. Сказку зарубил бы первый же цензор, знающий, что ее будут очень внимательно читать Бенкендорф и царь (опережая события, замечу, что и под фамилией Ершова «Конек» продержался всего 9 лет и уже в 1843 году был запрещен цензурой под предлогом несоответствия «современным понятиям и образованности»). Пушкин это увидел во время написания сказки и, не желая оставлять ее в столе, видимо, уже тогда замыслил «псевдонимное» издание и не сказал про «Конька» жене. Думая о том, как бы найти подставного автора, Пушкин понимал, что «псевдоним» должен пописывать стишки, пусть и на посредственном уровне, должен очень нуждаться, чтобы согласиться на этот шаг за деньги, а также должен быть не очень умен, чтобы не увидеть истинной причины, толкнувшей Пушкина на этот шаг, и не испугаться. Сам Пушкин таким ходом решал попутно и другие за-

дачи: он получал возможность не только избежать пристального внимания цензоров хотя бы на первое время, но и, скрыв факт существования сказки от Натальи Николаевны, обеспечить себя карманными деньгами, в том числе — и возможность играть и расплачиваться с карточными долгами (Пушкин, в разговоре с Т.Рэйксом: «*По мне лучше умереть, чем не играть в карты!*»). Этой мистификацией Пушкин занялся еще и потому, что любил тайны и розыгрыши, а к тому же и сам купился на «Гузла» Мериме, переводя ее как «Песни западных славян». (В «Послесловии» Лацис приводит отрывок из «Домика в Коломне» «*Здесь имя подписать я не хочу...*», не вошедший в основной текст поэмы, в котором Пушкин размышляет о забавности печатанья «под легкой маской»:

*Читатель, ...смеяся...: верх земных утех
Из-за угла смеяться надо всеми.*

Для прохождения сказки через цензуру и отвода глаз неофициальных цензоров Пушкин наметил публикацию ее самой безобидной — первой — части в «Библиотеке для чтения» О.И.Сенковского — Барона Брамбеуса, который обожал мистификации и цензором которого был А.В.Никитенко (а с ним поэт был дружен); А.Ф.Смирдин, который издавал «Библиотеку» и хорошо зарабатывал на пушкинских стихах, должен был стать издателем и отдельного издания сказки. П.А.Плетневу, через которого Пушкин собирался осуществить замысел, об истинной причине мистификации говорить было нельзя из-за его трусоватости (весной 1826 года, смертельно напуганный нагоняем петербургского генерал-губернатора, он прекратил переписку с Пушкиным, а в 1830-м тоже перестал отвечать, когда сообразил, что в письмах из Болдина Пушкин шифровал свой настойчивый интерес к судьбе прошения о выезде за границу). Нужно было заставить Плетнева самого подать эту идею, чтобы тот, не усомнившись в невинности затеи, довел ее до конца.

Плетнев, зная реакцию «прогрессивной общественности» на первые две сказки, «О царе Салтане» и «О мертвой царевне» (они были «сдержанно» приняты даже Белинским), но не понимая непечатности третьей, и без того был против публикации Пушкиным «Конька-Горбунка» под своим именем. К тому же «Библиотека для чтения» собиралась в мартовском номере 1834 года печатать «Пиковую даму», а «соседство» с пушкинским «Коньком», с точки зрения Плетнева, уронило бы ее престиж, и спровоцировать его на исходящее от него предложение псевдонимного издания и на реальные шаги с целью его осуществления было нетрудно (тем более что, как показывает Лацис, для Пушкина и Плетнева подобные или иные «псевдонимные» публикации были обычным, «семейным» делом). Плетнев преподавал в университете — там он и собирался подыскать достойного кандидата, именно своими соображениями и объяснив ему необходимость «псевдонима».

Посмотрим, насколько соответствовало поведение всех означенных действующих лиц этой истории заранее намеченному пушкинскому сценарию — или общепринятой сегодня точке зрения на авторство сказки (Ершова).

В 1833 году у студента Петербургского университета П.Ершова умирает отец, и семья оказывается в крайней нужде. Плетнев приводит до этого момента никому не известного восемнадцатилет-

него студента к Пушкину — вероятно под предлогом оказания Ершову какой-нибудь помощи: например, заказать что-нибудь из переписки — скажем, перебелить пушкинскую сказку. Поговорив с Ершовым, Пушкин решает, что студент подходит для задуманного. «*Вы, кажется, из Сибири?* — приводит Лацис часть одного из их разговоров. — *Что ж, Сибирь — страна умных людей*». Ершов обижается, подумав, что Пушкин над ним подшучивает; я с Ершовым согласен — Пушкин подшучивал, хотя имелись в виду и декабристы: фраза *двусмысленная*.

Общепринятая трактовка факта: Плетнев приводит к Пушкину автора сказки «Конек-Горбунок». Однако никаких подтверждений этому не существует, а Пушкин ни устно, ни в письмах не упоминает Ершова как автора сказки (как, например, Грибоедова в письме Бестужеву с лаконичным и глубоким анализом «Горя от ума»). До нас дошли лишь еще две фразы Пушкина, и обе — *двусмысленные*: первая, сказанная Ершову в присутствии барона Е.Розена, — «*Теперь этот род сочинений можно мне и оставить*» (сказка-то великолепна!), и вторая, брошенная графу А.Васильеву, — «*Этот Ершов владеет русским стихом, точно своим крепостным мужиком*» (обе фразы приведены в статье А.Толстякова). Последняя фраза тем более выразительна, что в Сибири никогда не было крепостного права, и это было широко известно. Плетнев письменно также никогда не утверждал, что Ершов является автором сказки; его фраза в письме к Ершову 1846 года «*мне суждено было услышать едва ли не первому*» стихи «Конька-Горбунка» также нарочито *двусмысленна*: ну почему бы просто не сказать — «Вашу сказку»? Да и сам Ершов в своих письмах ни при жизни Пушкина, ни после не использовал притяжательных местоимений «мой» и «моя» применительно к сказке; например, в письме к Плетневу: «*Вы первый ввели «Конька» в свет*». Так «не проговориться» можно и случайно, но если ни разу не «проговариваются» еще и Пушкин, а с ним — и Вяземский, Жуковский, Никитенко, Сенковский, Смирдин, это уже закономерность!

Более того, в бумагах Смирдина сохранился *пушкинский автограф* — заглавие сказки без упоминания автора и первые четыре строки, записанные его рукой. С чего бы это Пушкину (если сказка принадлежит Ершову) оставлять такой автограф, который можно расценить скорее как «флажок», наподобие тех, что имеют место в тексте «Конька-Горбунка»: «*остров Буян*», «*царь Салтан*», «*мертвая царевна*», «*пушки с острова палят*» и т.п.? А вот если Пушкин — автор, желающий сказать об этом потомкам, существование такого автографа легко объяснимо. Таким же «флажком» является и так называемый «автопортрет в облике лошади» — оставленный Пушкиным рисунок, где он изобразил себя «в виде Конька-Горбунка» между двух других конских голов на одном листе с изображенной чуть поодаль головой взнузданной лошади (последняя, опираясь на противопоставление Лацисом «русской сказки» пушкинской же «петербургской повести», — не подтверждает ли его предположение, что это — конь «Медного всадника»?).

В апреле 1834 года «Библиотека для чтения» публикует первую часть сказки с блестящим редакционным сопровождением (Сенковского), а Плетнев вместо лекции читает опубликованную часть и представляет студентам «автора» — сидящего тут же Ершова. Мистификация началась.

В июне 1834-го дано цензурное разрешение на издание книги, и она, «пощипанная цензурой», выходит. Ни журнальных публикаций, ни книг первого издания с дарственной надписью автора кому-нибудь из тех, кто содействовал ее выходу, — Жуковскому, Никитенко, Плетневу, Пушкину, Сенковскому или Смирдину — не существует, что совершенно необъяснимо, если автор — Ершов, и очень даже понятно, если автор — Пушкин.

В 1836 году Ершов благодаря стараниям Сенковского и (или) Никитенко получает место учителя в Тобольской гимназии и уезжает из Петербурга, что, при очевидном успехе сказки у публики, довольно странно, если автор Ершов, но понятно, если автор — Пушкин: Ершов довольно быстро должен был увидеть, что, играя роль гениального автора, он оказался в малоприятном, двусмысленном положении.

В Москве выходят еще два издания сказки, напечатанных с издания 1834 года без какого-либо участия Ершова, что странно, если он автор, но можно понять, если автор — Пушкин.

После смерти Пушкина Ершов поднимает вопрос о получении недополученного гонорара за журнальную публикацию, и Сенковский резко отвечает: «Ничего не следовало получить и не будет следовать.» Ответ хамский, если Ершов — автор «Конька-Горбунка», и справедливый, если автор — Пушкин: Ершову уплатили по договоренности и помогли устроиться в Тобольске, а он ведет себя неблагородно, как попрошайка.

Ершов понимает, что никаких денег он больше не получит, если как автор сам не договорится с издателями. Пушкин умер, но цензура сказку запретила; цензурные ограничения сняты только после смерти Николая I, но еще раньше Ершов начинает переговоры о четвертом издании, и тут выясняется, что без определенной правки в сторону лояльности к власти предрержащим сказка неиздаваема. Так появляется издание «вновь исправленное и дополненное». Возможно, кое-что из пушкинских стихов, в свое время исправленных из-за цензуры, Ершов восстанавливает по имевшемуся у него беловику с пушкинской правкой, но в основном вносит исправления и вставки по своему разумению.

Если бы Ершов был человек благородный, он должен был бы поставить своей задачей восстановить пушкинский текст, сохранив рукопись с пушкинской правкой, и оставить для потомков свое подтверждение пушкинского авторства. А Ершов мало того что правит пушкинские стихи — при этом он уничтожает беловик с правкой Пушкина (как он напишет в одном из писем, в состоянии хандры) — психологически понятный шаг, если он не автор сказки и решился на дальнейшее использование ее под своим именем.

Почти вся правка Ершова текст ухудшает и выдает его поэтическую беспомощность, что невозможно объяснить при авторстве Ершова, но совершенно прозрачно при авторстве Пушкина: иначе и быть не могло. Даже те из перлов Ершова, которые приводит Лацис («очью бешено сверкая», «принесли с естным лукошко», «некорыстный наш живот», «починивши оба глаза», «всем ушам на удивление», «православных не мутить» и т.п.), убийственны — а их множество (шутка ли, в общей сложности Ершов внес около трехсот исправлений и вставок!); этот разбор «ершовизмов» и без дополнительных доказательств в виде цитируемых Лацисом более чем посредственных стихов Ершова свидетельствует о его бездарности.

Посвященные молчат и на публикацию сказки с исправлениями и дополнениями не реагируют — но они и не могут ничего сказать или сделать: во-первых, авторство Пушкина формально недоказуемо, а во-вторых, все они выглядели бы некрасиво в глазах Натальи Николаевны, которая, к тому же, могла востребовать «невыплаченные» гонорары за предыдущие издания; мало того, что очевидным образом обойдена цензура, так еще и скандал грандиозный! — Пушкин оказался дальновидным, рассчитывая все на много лет вперед — я бы сказал, на века и на проницательность Лациса.

Ершов видит, что прошло уже довольно времени, чтобы возникнуть толкам или обнаружиться документам, которые свидетельствовали бы об авторстве Пушкина, — и ничего нет, кроме упоминания Анненковым о пушкинском автографе в бумагах Смирдина; это укрепляет его в желании и дальше поддерживать сложившееся положение. Теперь его поведение вполне можно расценивать как попытку плагиата. Убедив себя (а как же иначе!), что его правка хороша, Ершов и не подозревает, что именно эта правка и станет камнем преткновения, выдав его намерения с головой; ему и в голову не приходит, что тайное рано или поздно станет явным.

Между тем Пушкин оставил еще один «флажок» — и какой! После смерти поэта была сделана опись его библиотеки, и Лацис обнаруживает (замечательное открытие!), что по этой описи среди десятка книг с №739 по №749 (все до единой — *анонимные и псевдонимные издания*) под №741 числится «Конек-Горбунок» издания 1834 года (разумеется, также без дарственной надписи). Библиотеку Пушкина приводил в порядок в апреле 1834 года Соболевский, расставляя книги по авторам, темам и иным принципам (отдельно располагались церковные книги, журналы, словари и т.п.); это означает, что *Пушкин*, поставив изданную летом 1834 года сказку на полку среди анонимных и псевдонимных изданий, *знал, что Ершов — не автор этой книги!*

Этим аргументом Лацис ставит в своих рассуждениях эффектный восклицательный знак, превращая и без того уже трудно оспоримую гипотезу в факт. Тайное стало явным, и мы можем посмеяться вместе с Пушкиным — над нами, «надо всеми», над неудавшейся попыткой плагиата — и поставить эту сказку на книжной полке в полагающееся ей место: среди книг Пушкина.

Но вернемся все же к началу наших заметок — к исходной посылке: о каком плагиате идет речь на обороте титула сборника Перельмуттера? В своей статье «В поисках автора» Составитель, повторив некоторые аргументы Лациса, вскоре сообщает: «первые шаги — по дорожке, проложенной размышлениями Лациса. А там — *скок в сторону* и по бездорожью (курсив мой — В.К.).» Сравним его шаги «по бездорожью» с тем, что сказано Лацисом.

Вот они: нет черновики Ершова, нет белой рукописи; единственный рукописный след — заглавие и четыре первых строки сказки, написанных рукой Пушкина; пушкинская правка Ершовым уничтожена; стихи Ершова, написанные после сказки, посредственные, поправки в тексте «Конька-Горбунка» ужасны; дарственных надписей на экземплярах первого издания нет — и тем не менее Плетнев, Сенковский, Никитенко и Жуковский принимают участие в дальнейшей судьбе Ершова; существует автопортрет Пушкина «в облике лошади»; Плетнев, Никитенко, Сенковский,

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЖУРНАЛ «МАРТ»

Жуковский — все они, скорее всего, посвящены в тайну мистификации. — Но все эти аргументы присутствуют и в статье Лациса, и я не вижу никакого «скока в сторону» — и уж тем более езды «по бездорожью», даже когда Перельмуттер приводит неиспользованный Лацисом довод (комментарий к фразе «Этот Ершов обращается с русским стихом, как со своим крепостным мужиком») или когда показывает, как Ершов выдавал свое непонимание пушкинского текста, вставляя свои строчки вместо отточий (этого нет у Лациса в статье «Верните лошадей!», но он писал об этом пушкинском приеме — создавать композиционный воздух видимостью пропуска строк — в статьях о своей расшифровке 10-ой главы «Евгения Онегина»; да и раньше об этом писали М.Гофман, на которого Лацис ссылался, а вслед за ним — Ю.Тынянов, которого цитирует Перельмуттер). По существу ничего нового к сказанному в статье Лациса Перельмуттер не добавляет (даже оформление обложки его сборника построено на подмеченном Лацисом противопоставлении «Конька-Горбунка» «Медному всаднику»), а поскольку по времени Лацис статью «Верните лошадей!» задумал и опубликовал задолго до того, как Перельмуттер начал осуществлять свой издательский замысел в 1997 году (сноска Первой книги датировку публикации Лациса сообщила неверно, статья «Верните лошадей!» впервые опубликована в газете «Автограф» №12 за 1996 год, а не в №13 за 1997, но и это — не первая публикация гипотезы), то придется принять, что Перельмуттер, (как, впрочем, и я) неоригинален и прошел по следам Лациса, ни на йоту не отклонившись от пути движения его мысли.

На мой взгляд, у составителей этих двух сборников были разные стержневые идеи. Сборник С.Сильванович (Первая книга) предлагает две точки зрения на проблему, не становясь ни на чью сторону, Перельмуттер (Вторая книга), скептически относящийся к «пятнадцатилетней назад бесследно опубликованной статье библиографа А.П. Толстякова», целиком — на точке зрения Лациса, и весь сборник отвечает этой позиции; но ведь не менял же Перельмуттер свою точку зрения из-за появления сборника Сильванович? При столь различных подходах я и тут не вижу наличия признаков плагиата.

Мне кажется, в нашей истории речь может идти лишь о попытке плагиата, да и то всерьез — лишь о попытке Ершова, а нам, в связи с изложенным, пора сделать окончательный выбор: либо сказка написана Ершовым, и тогда надо печатать ее по последнему прижизненному изданию со всеми его «перлами» и ляпами (хотя в этом случае детей было бы ужасно жалко!), либо она написана Пушкиным, и надо восстанавливать пушкинский текст, а на обложке писать А.ПУШКИН «КОНЕК-ГОРБУНОК», без уклончивого знака вопроса.

Лацис считает возможным печатать ее в обоих вариантах, кому как нравится. Я же предлагаю подойти к этому вопросу с точки зрения правовой: ведь не всегда в распоряжении следствия имеются прямые улики — суд может принять решение и по косвенным доказательствам. В данном случае все прямые улики были участниками мистификации сознательно уничтожены, но очевидность доказательств авторства Пушкина такова, что общественному суду было бы только справедливо признать его, сделав этот подарок и нам, и поэту к его юбилею. Я бы вот только «дежурных» пушкинистов в состав жюри не вводил, зная их ревниво-пристрастную необъективность...

Владимир КОЗАРОВЕЦКИЙ

В школе я выпустил три номера рукописного литературного журнала «Юность», за что меня похвалили в городской газете «Знамя Советов». Эту свою, тогда удачную, инициативу я вспомнил в Литературном институте и решил повторить ее: я затеял рукописный журнал «Март», за который (к моему изумлению!) был жестоко бит. . .

(Любопытно, что лет через девять после школьного журнала возник настоящий журнал «Юность», где мне впоследствии довелось поработать достаточно долго и небесполезно. А как бы в переключку со злополучным журналом «Март» во время перестройки возник журнал «Апрель», где и я печатался. . .)

Журнал был назван «Март», потому что мы (я, польский поэт Риху Данецкий и прозаик Женя Карпов) не придумали названия, да и не хотели придумывать. Пусть будет именоваться просто по месяцу выпуска. Но до «Апреля» мы «не дожили», как Маяковский до мая. . .

Шел 1952-ой год, последний год сталинской эпохи — в следующем марте вождю предстояло умереть. Наше общежитие было в Переделкине, мы жили на бывшей даче Маршака. Творческая ситуация была токсичной, разоблачительные кампании выдохлись, тишь да гладь, официальная литература торжествовала, как никогда. Мы идеологической политикой не очень интересовались, но скуку чувствовали. Однажды возникла мысль выпустить институтский машинописный журнал в пяти экземплярах — для всех пяти курсов. Стенгазеты надоели. Я как член комитета комсомола отвечал за творческую работу (сменил на этом посту Володю Соколова), вот я и загорелся, благо был «положительный» опыт — тот, школьный. Объявил об этом на комитете, идея была в принципе одобрена, но никто не подумал, что она будет так быстро и без дальнейших согласований осуществлена.

Риху и Женя, мои друзья, вдохновились замыслом, за несколько вечеров мы собрали материалы, и Женя самоотверженно перепечатал их на собственной пишущей машинке (предмет моей постоянной зависти!). Пять экземпляров были аккуратно сброшюрованы под синей обложкой и на другой день розданы по курсам. На титуле значилось: «МАРТ. студенческий журнал № 1. Издательство «дача Маршака», Переделкино, 1952».

В конце журнала были предусмотрены чистые страницы для письменных отзывов. А в «манифесте», в частности, говорилось: «Принять участие в журнале могут все желающие. Принимаются все доступные материалы по всем жанрам, способствующие росту авторов и читателей. Редакция обязуется не править допустимый материал. Псевдонимы и анонимы запрещаются. Никакой страховки от критики. Рукописи возвращаются. Цель журнала — практика, полемика, учеба и на память».

Авторами первого номера были Алексей Смольников, Евгений Карпов, Федор Сухов, Ежи Волковыцкий (в переводе Александра Гевелинга), Микаэль Рашид (Айдоян) в переводе Г. Савченко, я, Рышард (Рихард) Данецкий (в моем переводе), Калью Реоли, Егор Исаев. Все стали писателями. Наиболее известные — Федор Сухов (по праву) и Егор Исаев (как последний Ленинский лауреат).

. . . Начали поступать живые отклики, устные и письменные. Замечания (на последних страницах) были в основном приветствен-

Кирилл Ковальджи, студент Литературного Института. 1953.

ные — сужу по своему сохранившемуся экземпляру. Были и такие, по которым можно было догадаться о грозящих опасностях. Например:

«Сам сборник — здорово! Не стесненный рамками, все пишут то, что хочется. Оттого и можно говорить о каждом по существу».

И только мы подумали о следующем выпуске, как разразилась гроза. Меня вызвали и потребовали изъять все экземпляры и сдать. (Из пяти я сумел собрать только четыре. Через несколько лет Кирилл Синягин, имевший доступ к архиву, выкрал экземпляр из «дела» и подарил мне).

Журнал был объявлен подпольным, идейно порочным, художественно несостоятельным. Начались проработки. Отдуваться пришлось одному мне, потому что Карпов был беспартийный, а Данецкий иностранец. Обсуждений было, кажется, восемь. Первое на семинаре Долматовского, где меня раздолбали за безыдейность и нетребовательность. Второе на совместном заседании комитета комсомола и партбюро. (Перед началом я столкнулся в уборной с Владимиром Александровичем Архиповым, одним из почитаемых наших преподавателей — он похлопал меня по плечу — ничего, мол, держись, парень! Я воспринял духом, а как он меня потом на собрании топтал! с каким сарказмом, я бы сказал — упоением: дескать, это чеховская «Жалобная книга», жалкие сочинения, которые наша советская пресса не печатает!).

Собрание началось круто, я защищался, как лев. Главные их козыри были: сознательное противопоставление политике партии в области литературы — отрицание идейно-художественного отбора и роли редакторов (печататься, видите ли, могут все желающие, редакция обязуется не править материалы). Кроме того, издевательство над лозунгами партии к Международному женскому дню и оскорбление советской женщины.

Имелось в виду следующее. На журнальной страничке «В дискуссионном порядке» были помещены размышления эстонского студента Калью Реоли «О любви», высокопарные и наивные. Начиная так: «Любовь — это величайшая дружба в соединении со страстью». Естественно, мы посмеялись над этим опусом, но ведь мы сами провозгласили принцип показывать автора таким, каков он есть. Следом за Реоли шел отрывок из моей неоконченной поэмы «На лирическом фронте»,

где уровень был посерьезней, но высокопарности тоже хватало. Поэтому Риху не удержался от ехидной реплики (я охотно согласился). На следующей страничке опять под рубрикой «В дискуссионном порядке» он поместил свою «Концовку», состоящую из одной строки: «...Люби женщину — женщина друг человека».

Вот это-то и взорвало взрослых дядей, руководителей института, от страха потерявших чувство юмора. Они стали трактовать эту строку, как наглый выпад против советской женщины, которую к празднику 8-ого марта называли чуть ли не собакой (собака — друг человека!). И кто назвал? Поляк.

Иван Завалий, секретарь комитета комсомола, предложил вывести меня из комитета и вклеить мне строгача. Боря Никольский, секретарь курсового бюро, поддержал. Мои друзья — Жуховицкий и др. — тоже. Я возмущался, вскакивал, объяснял — ничего не помогало. И в этот момент открылась дверь, и вошел Фатеев Петр Степанович, директор. Он с порога спросил:

— Ну, что решили? — в руке он держал что-то, свернутое в трубочку, может быть, экземпляр «Марта».

Ему доложили.

— Нет! — сказал он. — Вы его исключите из комсомола, а я его выгоню из института!

Я опешил. Завалий тусклым голосом немедленно поставил на голосование предложение директора. Я опять вскопчил:

— Как вы можете? Вы же только что решили другое...

Увы. Исключение прошло единогласно.

Обтекая меня, все разошлись. Я остался один. Подумав несколько минут, я отправился к директору. Он уже был в пальто, но вернулся в кабинет. Я сказал:

— Петр Степанович, если история с журналом получила нежелательную огласку, и вам надо спасти репутацию института, то скажите мне прямо, и я перестану защищаться.

— Ты дурак, — ответил Петр Степанович. — От кого защищаешься? Кого и что оправдываешь? Покажи, как дорог тебе комсомол. Раз ты сплеховал, то покайся. Когда меня в двадцатых годах на губкоме исключали из комсомола, знаешь, как я выступал? Со слезой! А ты? От тебя зависит, как пройдет общее собрание. Только от тебя.

(Забавная деталь! Записывая этот случай, я поймал себя на том, что не помню имя-отчество Фатеева. Полез в старый справочник СП и вдруг вижу, — это псевдоним. В скобках настоящие имя и фамилия: Тоадер Дочару! Молдаванин по происхождению, румын? Земляк? Чуть не позвонил по указанному номеру, однако вовремя спохватился: скорей всего, он уже помер...)

И вот общеинститутское расширенное комсомольское собрание. Я не смог каяться со слезой, я только признал, что первый блин вышел комом, и что если мне дадут возможность выпустить следующий номер, я сумею поправить дело. Но в ответ поток обвинений нарастал неудержимо. Дескать, я провалил работу в комитете (В. Соколов), вдобавок бездарен (И. Ганабин) и собирался идти к проституткам ради изучения жизни. Последнее провякал Жора Гагиев, с которым у меня раньше были швабры. Тут уж я сорвался и крикнул:

— Я говорил, а он ходил! Он же мне и хвастался, как шастал в переделькинский барак!

А мне в ответ (не помню кто) — о, ваш проступок куда серьезней! У вас установка, сознательная порочная идея, он же — сдуру или спьяну...

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Федя Сухов осудил свое участие в журнале и напустился на Данецкого, напирал на то, что я попал под дурное влияние, таким образом, хотел меня выгородить. Мне пришлось выступить и подчеркнуть, что вину свою ни на кого не перекладываю, никто на меня не влиял. Я сам.

Но кульминацией было выступление преподавателя истории партии Водолагина. Он говорил долго, гневно, с заразной ораторской страстью. Мол, неслучайно я, родившийся в буржуазной Румынии и проживавший в оккупации, снюхался с Данецким, выходцем из мелкобуржуазного города Познань, и с Карповым, побывавшим в плену и в заключении. Надо сказать, эти факты, сгруппированные таким образом, произвели впечатление даже на меня самого. А Цыденжап Жимбиев не выдержал и, захваченный общим психозом (он ко мне хорошо относился), предложил передать дело в компетентные органы, так как ясно, что «Ковальджи заслан в институт с диверсионной целью». Я тогда фыркнул со смеху, не понимая, что мне грозит. . .

Хорошо еще, что не прознали о моих родичах в Бухаресте (я во всех анкетах писал, что родственников за границей нет) и не вспомнили, что отец был судим (об этом я рассказывал друзьям).

Водолагин Михаил Александрович умер в конце 1981 года. Идеолог и демагог, этаким комиссар Литинститута. Было в его облике нечто пафосное и поросячье (наподобие Хрущева, Подгорного, Шелеста). Он так горячо и яростно выступал от имени парткома, уличая меня и обличая, что я чуть не поверил, что я «враг народа». . .

Прошла уйма времени, целая эпоха. Я успел подзабыть о нем, когда однажды, оказавшись членом государственной комиссии на защите диплома в Литинституте, я столкнулся с ним, несколько полинявшим, нос к носу. По инерции поздоровался и прошел к столу. Однако во время перерыва Водолагин подскокил ко мне с протянутой рукой. Был весь — сама любезность и радушие. . . Расспрашивал, говорил, что рад моим успехам, он в курсе, следит за моими публикациями. . .

Пусть я и получил некоторое удовлетворение, все же было неловко за него.

Поговаривали, что в свое время его сняли с поста секретаря Сталинградского обкома за крупные хищения, вот он и стал преподавателем. Сочинитель некролога в «Литературной газете» как-то слишком растерянно прибегал к эпитету «замечательный»: «ушел из жизни замечательный человек. . . жизнь этого замечательного человека. . . участвовал в обороне этого замечательного города. . . о сталинградской битве им написаны замечательные книги». Какие?

Короче говоря, собрание почти единогласно подтвердило мое исключение из комсомола. Все мои друзья подняли руки, я почему-то особенно следил за Аликом Аликином — он нехотя, с трудом поднял руку, присоединился к большинству. Но трое воздержались! Это были Фазиль Искандер, Владимир Морозов и Владимир Гнеушев. Кто-то даже их попрекнул в троцкизме, имея в виду Брестский мир — «ни войны, ни мира». Кто-то выкрикнул, что сам Искандер — иранец, видимо, его тоже вербовали. . .

Я сидел, конечно, оглушенный, но не понимал всей опасности, которая нависла над моей головой. Политические обвинения трудно было принять всерьез, я считал это издержками. Но на самом деле меня спасло случайное стечение обстоятельств. Как раз в это время директор в чем-то сильно проштрафился, и его вдруг сняли (или он раскручивал мое «дело» именно потому, что сам проштрафился и старался выслушаться). Теперь не узнать. Меня по инерции продолжали мытарить, но исключение из института не последовало. Наконец, вызвали в райком

комсомола. Я пошел туда в сопровождении Бори Никольского, тогдашнего комсомольского секретаря. Я уже выдохся, был внешне спокоен. За столом был весь райкомовский синклит. Боря доложил о моем исключении. Слово предоставили мне. Я встал и сказал:

— Наверное, мои товарищи имели право поступить со мной так. Но я комсомольский билет не отдам.

И сел. Несколько секунд длилось молчание. Потом секретарь райкома заговорил:

— Решение комсомольского собрания института правильное. Но ввиду того, что товарищ Ковальджи осознал свои ошибки, считаю возможным ограничиться строгим выговором с занесением в личное дело. Есть другие предложения? Нет. Давайте проголосуем.

Так, в сущности, благополучно (если не считать травмы оттого, что все мои лучшие друзья от меня отступились) завершилась моя «самиздатовская» история последнего года сталинского правления.

Должен сказать, что всеобщее осуждение произвело на меня глупое впечатление. Я открыл для себя эмоциональную силу коллектива, чья правота выше моей (так думал я, вспоминая Маяковского — «где капель льешься с массажи»), очищающую и возвышающую силу надличного порыва. Это было и время неудач на личном фронте — я какие-то стихи тогда сжег. Клин клином вышибало. Недовольство собой после общественной (пусть несправедливой) экзекуции обернулось парадоксальным образом иллюзией некоего возрождения, новой верой в себя, желанием начать все с чистой страницы. Я стал не контрой, а совсем напротив — пытался приблизиться к менталитету любимой девушки (будущей моей жены), настоящей комсомолки, чья душа была цельной и преданной Сталину.

Был еще эпилог. В апреле, к первому мая 1952-го года, в институте, как обычно, готовился очередной «капустник». Вдруг я узнаю, что кто-то сочинил пародию на «мартовцев», вроде пьесы, нашли исполнителей на роли Карпова и Данецкого, ищут — кто бы меня сыграл. Склонный к эксцентрическим выходкам, я с каким-то веселым вызовом пошел и предложил свои «услуги». Кто лучше сыграет меня, чем я сам? (Слава Богу, страсти уже отшумели, пародия была фарсовой, дурацкой, без политической окраски — можно было, смеясь, расстаться с этим прошлым). Сам факт, что в капустнике разыгрывалась эта история в виде фарса, был знаком «отпущения грехов». . . И я сыграл себя в этой сценке, вышучивая себя и при этом как бы дистанцируясь от текста.

Капустник был, как я уточнил по дневниковой записи, 29 апреля. А 1-го мая я впервые (и единственный раз) увидел Сталина на Мавзолее. Я тщетно пытался написать об этом восторженные стихи, совершенно не подозревая, что еще вчера мог стать жертвой его режима.

В студенческой Москве пошумели о журнале «Март» и забыли. Через много лет об истории с журналом заговорил один работник КГБ в связи с моей поездкой в Англию. Это было в 1961 году, сравнительно либеральном. Значит, где надо — помнили. . .

Потом эта история всплыла в рассказе Фазилия Искандера «Чегемская Кармен» («Знамя», № 12, 1986 г.). Вот как это все преломилось в его памяти (в скобках — мои поправки):

«Когда я учился в Литературном институте, наши студенты однажды вздумали издать рукописный журнал. Мне предложили принять в нем участие, но я отказался, потому что уже тогда стремился напечататься типографским способом.

Журнал был издан в трех (в пяти — К.К.) экземплярах, и разразился скандал. Дирекция и райком комсомола пришли в бешенство. Самое

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

крамольное стихотворение принадлежало перу польского студента. Это был шуточный сонет на тему: женщина — друг человека. (Это был не сонет, а сам сонет Данецкого в моем переводе тоже ругали — за упадничество — К.К.)

Если бы бедная дирекция и райком знали, что поляки выкинут еще и не такие коленца! Самого польского студента не особенно беребили. Стихотворение сочли отрывком шляхетского презрительного отношения к трудовой женщине. Но куда смотрели наши студенты, переводя это стихотворение и помещая его в журнал, да еще в трех экземплярах!

Оказывается, таскали не только составителей и участников журнала, но и тех, кто мог быть потенциальным автором. Дошла очередь и до меня. Вызвал секретарь парткома.

— Вы плохой патриот, — сказал он. . .

— Почему? — спросил я.

— Вам же предлагали принять участие в журнале? — сказал он.

— Да, — согласился я.

— Вы должны были просигнализировать нам об этом, — сказал он и, грустно покачав головой, добавил:

— Да, вы плохой патриот.

... Мало того, что об этом несчастном журнале говорили на всех собраниях. Составителей заставили сыграть позорный скетч («играл» я один и по собственной воле! — К.К.), где все они, как зловещие заговорщики, заманивали в журнал политически наивных студентов. Каждый играл самого себя, и ничего в жизни я не видел более фальшивого.

Правда, кончилось все это достаточно мирно. Никого из института не выгнали. Недавно я встретил одного из составителей журнала (меня — К.К.), и он с благодарностью напомнил, что я и еще один студент — будущий поэт Гнеушев — на общеинститутском комсомольском собрании проголосовали против его исключения из комсомола. Только мы двое». (Трое. Плюс Владимир Морозов, и были не «против», а

воздержались, что никак не умаляет их мужества и моей благодарности! — К.К.)

Со стороны, пожалуй, это была буря в стакане воды. Я же тогда за это чуть не поплатился головой. . . Эпизод не имел литературного веса, журнал ведь был задуман как учебный, как тренировочная площадка для взаимного обсуждения, а вовсе не как сборник «достижений» (хотя в нем были помещены и стихи, которые впоследствии не раз издавались — например, стихи Федора Сухова «Матери», «Поэт», «Владимир», мои — «Москва-Одесса»). Однако все нормальное в журнале было расценено как прикрытие подрывного замысла.

Несколько слов о фигурантах того «дела». Иван Ганабин. Бывший матрос, писал стихи в народно-частушечном стиле. К середине пятидесятых годов внезапно умер и вскорости забыт.

Иван Завалий. Одно время был то ли комсомольским вожаком, то ли секретарем партбюро. Плотный, широколицый, небольшого роста, — что писал — не знаю. Однажды выпытывал у меня — верно ли, что Аликан ненавидит Маяковского? Я вступился за Алика, хотя поэтика Маяковского действительно была ему чужда (я не раз пытался его переубедить).

Завалий пил, чем дальше — тем больше. Однажды он трое суток не мог попасть в Переделкино — засыпал в пригородном поезде, его будили то в одном, то в другом конце линии. На четвертые сутки мы с Федей Суховым утром увидели его в пристанционной забегаловке — он спал, уронив голову на стол. Наконец-то, добрался до родного Переделкина! В это время раздался гудок — приближалась электричка. Федя, склонный к грубоватым розыгрышам, вдруг стал трясти Ивана — дескать, скорей, скорей, опоздаем! Иван вскопчил очумело и, ничего не соображая, дал себя посадить в вагон. Когда понял, что опять едет в Москву, он заплакал. . .

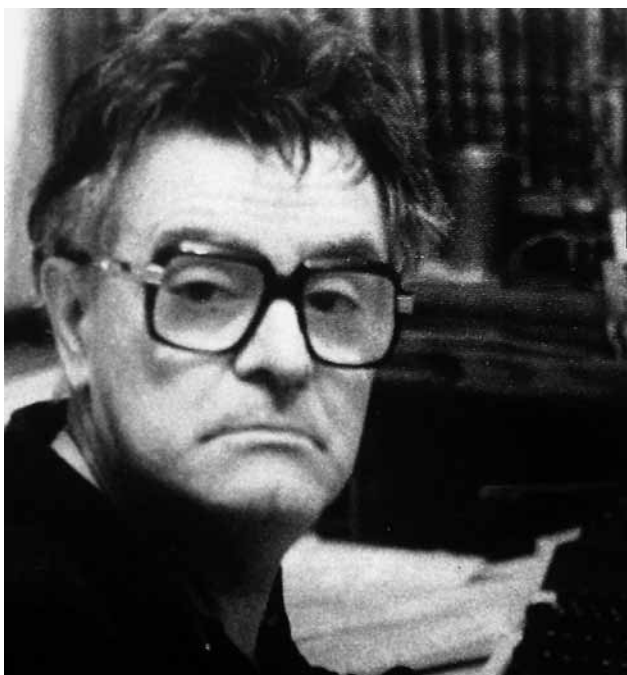
В другой раз при следующем длительном его отсутствии рано утром перед столовой появился холмик с крестом, на котором была дощечка: «Здесь лежит Иван Завалий, погибший от запоя». Студенты останавливались в недоумении, потом, расхохотавшись, следовали на завтрак. Поздно вечером появился и сам «покойник», он был сильно под мухой, наткнулся на крест, с трудом разобрал надпись, охнул, упал на колени и запричитал от жалости к себе. . .

Утром пришел милиционер и стал проводить дознание — кто унес с переделкинского кладбища свежий крест, но так ничего и не узнал. Крест был возвращен на место, а Иван Завалий долго еще составлял списки подозреваемых, мрачно кого-то вычеркивал и вписывал. . .

Увы, накликали. Через год он попал под электричку и погиб.

Архипов. Владимир Александрович. Было в нем что-то лошадиное. Сам крупный, лицо крупной лепки, тяжелая нижняя челюсть.

Однажды у него на экзамене я вытащил билет, где первые два вопроса не составляли труда, а третий о пьесе Островского «Волки и овцы», которую я не читал. Как быть? Я попросил разрешения на минутку выйти. Заметался по коридору, спросил одного-другого, толку не было. Забежал к Лиде Фейгиной на кафедру, но сообразил, что за одну-две минуты никакой достаточной информации я не получу. Тогда я вернулся в аудиторию, сел на свое место и тупо стал глядеть в окно в ожидании неизбежного позора. Наступил мой черед. Я равнодушно и устало изложил первые два вопроса и уже собирался, обращаясь к третьему, произнести скорбное «не знаю», как Архипов, истолковав мой обреченный тон как томление всезнайки, которому придется излагать давно известное, сказал:

Фазиль Искандер

Леонид Жуховицкий

— Достаточно, — взял мою зачетку и аккуратно вывел «отлично». Я с большим трудом сохранил спокойствие.

Архипов был одним из популярнейших преподавателей института (читал русскую литературу 19-го века). Говорил сильными фразами, с чувством. Моментами словно забывал об аудитории. Толкуя о поэме Некрасова «Мороз, Красный нос», вдруг замолчал, задумался, медленно подошел к окну, уставился в невидимую даль и срывающимся голосом произнес:

... А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне.

Через год я как-то заглянул в аудиторию следующего курса, когда Архипов читал Некрасова. К моему удивлению он на том же самом месте вдруг замолчал, задумался, медленно подошел к окну и т.д. Повторил все в точности...

Много лет спустя до меня дошли слухи о том, что Архипов озлобился, стал реакционером-националистом и спился...

Еще о журнале «Март».

В ЦДЛ радостно подходит ко мне человек, которого я не узнаю, и говорит, что он был единственный, кто был против моего исключения из комсомола в Литинституте (из-за журнала «Март»). И что его потом мытарил... Когда и где он выступал — понятия не имею. Точно знаю, что воздержались трое: Искандер, Гнеушев и покойный Вовка Морозов. Путем наводящих вопросов сумел узнать, что зовут его Юзек Островский. Потом, рассказывая об этом Жуховицкому, вспомнил и тогдашнее лицо Юзeka (не виделись сорок с лишним лет!). Тут к слову Жуховицкий вспомнил, как исключали Юрия Трифонова из комсомола (он утаил, что его родители были репрессированы). Я помнил заседание комитета комсомола по этому поводу, а Леня — собрание. И говорит, что Трифонов как-то сказал ему: был в институте один человек, который был против исключения, — Ковальджи...

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

ИЗ ПЕСНИ СЛОВО ВЫКИДЫВАЛИ

У Джорджа Оруэлла в романе «1984» действует специальная служба по исправлению прошлого. В соответствии с каждым колебанием генеральной линии истории и журналисты переписывали заново учебники и газеты, меняя оценки и вычеркивая ошельмованные имена. Советская действительность была такова, что писателю практически не пришлось ничего и выдумывать...

Но Оруэлл вряд ли был настолько знаком с нашими реалиями, чтобы заметить, например, систематическое исправление... ставших народными песен. А оно тоже имело место, поскольку песня, как и всякий другой словесный жанр, считалась орудием коллективной пропаганды и агитации. А также, как добавил бы Ленин, коллективной организации. Это уже в другой антиутопии — «Каллокаине» шведки Карин Бойе — репрессируют группу людей только за то, что они собирались на квартире и пели задумчивые песни.

Ну, с запрещенными песнями вроде баллад Галича все ясно — за них (в случае публичного исполнения) у нас как минимум требовали стереть запись, как максимум могли осудить по «антисоветским» статьям. Но ведь и отнюдь не все, что не запрещено, было в те годы разрешено! То, что какие-то тексты давно разошлись в народе, еще не означало, что они не подлежали начальственной правке.

Скажем, строчки из «Гибели Варяга» в оригинале звучат так:

*И с выстрелом первым мы в битву пойдем
Навстречу грядущей нам смерти.
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти.*

В советское время решили, что последние два слова отдают явным расизмом, и в массовых сборниках попросту выкидывали неудобный куплет (благо песня и так была слишком длинной). А вот в одном издании, призванном «бережно сохранить русское песенное наследие», строчку с чертями заменили на следующую: «Но будем до крайности биться!»

Отсутствие рифмы горе-редакторов, как видите, не смущало. Японская тема в песнях подвергалась правке и в дальнейшем. Борис Ласкин написал своих «Трех танкистов» со следующими словами:

*Мчались танки, ветер поднимая,
И по сопкам лязгала броня,
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня!*

Вскоре наверху сочли, что упоминать конкретного противника непolitкорректно (после Халхин-Гола Япония, как и Германия, стала почти другом СССР), и заменили самураев неопределенной «вражьей стаей». Каковая и воспроизводится в песенниках до сих пор.

Впрочем, редактированию «Три танкиста» подвергались не только сверху, но и снизу. Мой отец, служивший в армии с 1934 по 1937-й, рассказывал, что у них в строю вышеназванный куплет завершали такой строчкой: «Под напором Сталинского дня!»

Имелся в виду день принятия Сталинской конституции — 5 декабря 1936 года, когда якобы и случились упомянутые в песне события. Бойцов не смущала звучащая парой куплетов раньше строчка «на траву легла роса густая»...

Что касается гражданского населения, то оно тоже внесло свой вклад в популяризацию любимой песни:

*Три танкиста выпили по триста,
А на закуску съели паровоз!*

Жаль расставаться с Дальним Востоком, потому припомним еще один связанный с ним текст. В те же 1930-е был очень популярен гимн Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) с таким припевом:

*Стоим на страже
Всегда, всегда!
Но если скажет
Страна труда:
«Винтовку в руки!
В карьер! В упор!»
Товарищ Блюхер,
Даешь отпор!*

Когда в 1938 году маршала Блюхера, только что бывшего самураев у озера Хасан, мордовали в застенках как японского шпиона, припев звучал иначе:

*«Прицелом точным
Врагу в упор!»
Дальневосточная,
Даешь отпор!*

Интересную «эволюцию по причине революции» претерпел марш русской армии, сопровождавшийся припевом:

*Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую
И как один прольем
Кровь молодую.*

Красные бойцы уже шли «за власть Советов» — и, кроме того, до середины 1920-х в этой песне имелся и такой куплет:

*Да здравствуют Ленин —
Вождь пролетарский,
Троцкий, Зиновьев
И Луначарский!*

Две самые духоподъемные песни 1930-х годов — «Марш веселых ребят» и «Москва майская» — подвергались незначительной, но символической правке. В первой припев начинался словами «Нам песня жить и любить помогает». Было признано, что есть дела поважнее любви, и песня помогает советским людям «строить и жить».

Из «Москвы майской» теперь помнится лишь первый куплет — «Утро красит нежным светом». А их было много — про день, вечер, ночь и следующее утро. Оно наступает, когда «Бьют часы на Спасской башне». Кто-то считал недопустимым упоминание религиозного праздника даже в косвенном виде, и строчка обрела такой вид: «Бьют часы кремлевской башни».

Если в сталинские годы вычеркивали всяческие упоминания о «врагах народа», то после XX съезда стали выкидывать из песен самого «отца народов». Вместо «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет» запели «Когда суровый час войны настанет и нас в атаку Родина пошлет». А «Артиллеристы! Сталин дал приказ!» заменили нелепым «Точный дан приказ!» — как будто приказы могут быть и неточными...

Преждевременно пострадал тогда и товарищ Мао, хотя «великая дружба» с Китаем продолжалась еще несколько лет.

*Русский с китайцем братья навек.
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек.
С песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают нас,
Слушают нас,
Слушают нас.
(«Москва — Пекин» Ваню Мурадели и Михаила Вершинина, 1951.)*

В сборнике 1962 года «Поет советская страна» строчка с рефреном заменена безличной: «Дружба навеки в сердце у нас». Хрущев с его удалением на последнем слогe никак не мог заменить Сталина... Потом в силу изменившейся конъюнктуры выкинули уже и всю песню.

Боязнь обидеть соседей распространялась и на страны, граничившие с СССР на юго-западе. «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна» заменили строками из последнего куплета той же песни: «Не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна». Впрочем, дело скорее было именно в Африке, чем в турках — с Черным континентом и вообще с «третьим миром» тогда носились как с писаной торбой. «Напиши мне, мама, в Египет», «Куба, любовь моя», «Воспоминание об Алжире», «Моя Индонезия» — только по названиям можно изучать историю советской внешней политики...

А как насчет Франции, к которой у нас всегда было особое отношение? «Воспоминание об эскадрилье “Нормандия”» политической темы не касалось, за исключением строчек:

*Мы за правое дело дрались, камарад,
Нам война ненавистна иная.
Не поддайся обману, французский собрат...*

Музыкальная цензура увидела в этом нежелательный намек на холодную войну, и тогда Марк Бернес стал петь нечто нейтральное: «Говорю я: — Будь счастлив, французский собрат...» А незадолго до смерти певца исчезла из его репертуара целая песня с памятным рефреном:

*И сокращаются большие расстояния,
Когда поет хороший друг!*

Хороший друг Ив Монтан, чье имя звучало в первой же строке, поспорил с Кремлем из-за Чехословакии, и также надолго стал неупоминаемым.

В 1980-е годы фирма «Мелодия» выпустила три замечательных пластинки со старыми записями Утесова, в том числе и с одесским «блатным» репертуаром. Но цензура нравов, увы, не пропустила строфу из «Контрабандистов» на стихи Багрицкого:

*Чтоб звезды обрызгали
Грудю наживы —
Коньяк, чулки
И презервативы...*

А вот пример того, как остались несколько слов, а сама песня была выкинута. Теперь, во время флирта двух славянских государств, без конца повторяют: «Белоруссия родная, Украина золотая!». Владимир Луговской и Евгений Долматовский написали это осенью 1939-го, совершая вместе с РККА поход против «панской Польши», гибнувшей под натиском Гитлера.

*Вражья сила качнется и сломится
На штыках наших доблестных рот.
Артиллерией, танками, конницей
Мы проложим дорогу вперед.
Белоруссия родная,
Украина золотая,
Ваше счастье молодое
Мы штыками,*

Штыками оградим.

В период горбачевской перестройки, как известно, убирали из фильмов, печатных и звучащих текстов всякие намеки на употребление алкоголя. Кроме этого, зачем-то стали переписывать слова песен гражданской войны. Идет документальный фильм про 1920-е годы, звучит «Белая армия, черный барон», и вдруг вместо хорошо знакомых строчек

*Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравниваем с землей...*

слышу нечто несусветное:

*Мы не допустим пожар мировой,
Пусть будет счастлив весь шар земной!*

Борцам за разрядку и всеобщий мир невдомек было, что Красная Армия создавалась именно ради «мирового пожара», а программа РКП(б) 1919 года видела будущее человечества как без «опиума для народа», так и без мест заключения.

...А впрочем, чему тут удивляться, если главная государственная песня на слова Михалкова исполняется у нас уже в третьей редакции? И кто поручится, что вслед «Третьему Риму» не придет четвертый?

Напомню, что композитор Виктор Белый, высокомерно третиrowавший когда-то Оскара Строка за куплеты про черного барона, в 1950 году на пару с поэтом Ильей Френкелем состряпали «Марш в защиту мира», слова и мелодия которого уж очень напоминали ту самую песню:

*Вновь богачи разжигают пожар,
Миру готовят смертельный удар.
Но против них миллионы людей,
Армия мира всех сильнее!*

Виктор КУЗНЕЦОВ

ОЛЬГА АРЕФЬЕВА И АНАСТАСИЯ ГОСТЕВА

Странно: эти тексты до сих пор звенят где-то под ложечкой.

Я слушала/читала их в прошлой жизни; казалось бы, прошло немало времени — и вот, несмотря на все «на», переслушивая/перечитывая, ощущаю то же: в треклятом солнечном сплетении ёкает, что есть, как известно, признак... Впрочем, лучше так:

*Город как признак паденья и знак немоты.
Призрак юродства и призма расчёта и лени.
Бродят трамваи по улицам, словно олени,
На остановках детёнышей пряча в кусты.*
(Анастасия Гостева)

Или так:

*Я знаю тебя, а ты знаешь им цену —
Ты, кажется, нашёл
достойную замену —
Они танцевали, а ты им подпел,
Мой дом сгорел, зато весь город цел.*
(Ольга Арефьева)

Потом — выступления, потом — напечатанные буквы. Кассеты и книги продаются. Помню, однажды я шла на какой-то концерт О.А. с болтавшимся в сумке романом А.Г.: далекая от привычки идеализировать кого- и что-либо, я тем не менее идеально «подключалась» тогда к кислородной подушке их смыслов — я была, как часто пишут, «моложе и в чем-то счастливей»; я страстно мечтала найти немертвую (прилагательное, слитно) аниму, пусть «понарошку». Это не должно было быть классикой.

*«Теперь я знаю, что все, о чем стоит говорить, — это Свет и Страх»;
«Казалось, время остановилось, смерзлось в один бесконечный и бездонный день, и сколько ни карабкайся, оскальзываясь по его стенкам и обдирая в кровь руки, все равно из него не выберешься»; «И, самое главное, вся социальная структура человеческой жизни в этом городе и во всех остальных городах планеты преследует всего две цели: не дать человеку возможности об этом задуматься и, если уж он все-таки это сделал, не дать ему возможности вырваться. Измениться, потому что социум предусматривает для человека лишь три подобных состояния сознания: тяжелый и безрадостный труд для зарабатывания денег, алкогольное опьянение и шопинг в качестве отдыха и сон».* (А.Гостева)

«Ну и что? — скажет кто-то [не]прав[ый]. — А вы читали “Золотые плоды?”»

Не так давно один литератор в ответ на мою реплику о прозе А.Г., пожалв плечами, бросил: «Ну а кто такая Гостева? Писатель, который не пишет?...». «Я — писатель, который не пишет», — записал когда-то Чоран. Тому же Беккету в конце жизни все слова казались «ненужным пятном на тишине». Едва ли подобные «пятна» появляются непременно *перед тем, как*. Едва ли кто-то, производящий слова и смыслы, станет отрицать это.

*Прекрати меня, Господи,
За миг до ошибки,
Прекрати меня, Господи,
Если буду я разводить пустоту*
(О.Арефьева)

Любой ее концерт — праздник. Даже если тебя душат наживую. Ее талант, кажется, можно потрогать руками — только б не обжечься, не обуглиться, когда она почти смеется:

*У меня не все дома,
Да и дома-то нет,
А может, он есть, но сломан,
А поломка где-то во мне.
А у дома сорвана крыша
И летит винтом над Парижем,
У дома, в котором не все,
Или все, но не совсем...*
(О.Арефьева)

Но: «И наступает день, когда реальность уходит на второй план, а на первый выдвигается боль». Но: «Я могу сдать тебе комнату. — За сколько? — За бесплатно. — Значит, мы будем жить вместе? — Нет, мы будем каждый жить в своей комнате. А встречаться будем по выходным. Как обычно. — А если мы на кухне столкнемся, то сделаем вид, что незнакомы, или вообще не заметим друг друга? — Не заметим». (А.Гостева, «Travel агнец»)

Слегка просвечивающий нарбиковский «План первого лица. И второго», впрочем, не мешает: мозаика складывается в холодную в е ч н о с т ь Кая: « — Теперь и кухня будет первым планом, и мы будем жить вдвоем и в комнате и в кухне? — Нет. — Значит, когда вернется Тоестльстой, я буду жить с ним во втором плане — в кухне, а с тобой в первом плане — в комнате? — Да. — И луна будет только в комнате? — Да. — А потом мы все по очереди умрем. — Да» (В.Нарбикова «План первого лица. И второго»).

*Девочка-скерцо,
О чём ты плачешь,
Девочка-скерцо?
Скерцо зелёного хвойного леса,
О чём ты плачешь?*
(О.Арефьева)

«...странно: эти тексты до сих пор звенят “под ложечкой” — “А вы читали “Золотые плоды?”».

Наталья РУБАНОВА

VELVET UNDERGROUND: SUNDAY MORNING (“ВОСКРЕСНЫМ УТРОМ”)

Льюис Алан Рид, известный под сценическим именем Лу Рид, родился в Бруклине в 1942 году. Ещё в школе он собрал свою первую группу под названием «Клячи». Закончив в 1964 году университет по специальности журналиста и кинорежиссёра, он параллельно учился музыке, выработав стиль игры на гитаре, частично подражающий музыкантам, исполняющим фри-джаз.

В подростковом возрасте Лу Рид был подвергнут сеансу электросудорожной терапии для лечения «гомосексуальных влечений». Трудно судить, насколько это предопределило выработавшийся у Лу мрачный взгляд на вещи, но в первой его известной песне «Страус», пародирующей танцевальную музыку, были такие слова: «Положи свою голову на пол, пусть на неё кто-нибудь наступит». Правда, со временем Рид стал писать гораздо более поэтично, но от этого его песни менее вызывающими не стали. Вскоре он встретил поселившегося в Нью-Йорке валлийского музыканта Джона Кэйла и организовал вместе с ним группу под названием «The Velvet Underground» («Бархатным подпольем» называлась какая-то книга о садомазохизме, мода на который отчётливо прослеживается в ранних песнях группы).

Первый альбом группы, оформленный и спродюсированный скандальным художником Энди Уорхолом, считается шедевром пост-модерна. Он записывался на трёх различных студиях и получился разнообразным: здесь есть и песня о наркомане, ожидающем наркоторговца («Waiting for the man»), и пересказ романа Захера Мазоха («Venus in furs»), и песня, название которой не нуждается в переводе («Heroin»). В четырёх песнях спела немецкая певица Нико (Криста Пэффген), обладавшая низким тембром голоса и чудовищным тевтонским акцентом.

Песня «Воскресным утром» была записана в альбоме в самую последнюю очередь, уже после того, как все остальные вещи были готовы — как ни странно, именно утром в воскресенье. Несмотря на сопротивление менеджера группы Пола Морисси, считавшего, что альбому нужно как можно большее количество хитов с вокалом Нико, главную вокальную партию спел сам Лу Рид, волевым решением отодвинувший немку на бэк-вокал. Цель создать хит, несомненно, удалась: «Воскресное утро» производит впечатление наиболее гармоничной и завершённой песни на всём альбоме. Видимо, по этой причине именно с неё он и начинается.

На пластинке указано, что песня сочинена в соавторстве с Кэйлом, но, скорее всего, Джону принадлежит только идея использования в аранжировке челесты. В дальнейшем Лу Рид исполнял на концертах эту песню как свою собственную. Несмотря на скорый распад «The Velvet Underground» творчество Рида и его соратников оказало огромное влияние на рок, фолк и зарождающиеся ростки панк-рока.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

На фото: «Velvet Underground»: Нико, Морин Такер, Стерлинг Моррисон, Лу Рид, Джон Кэйл.

Sunday morning

Sunday morning, praise the dawning
 It's just a restless feeling by my side
 Early dawning, sunday morning
 It's just the wasted years so close behind

Watch out, the world's behind you
 There's always someone around you who will call
 It's nothing at all

Sunday morning and I'm falling
 I've got a feeling I don't want to know
 Early dawning, sunday morning
 It's all the streets you crossed, not so long ago

Воскресным утром

Утром рано, утром странно,
 воскресным утром страшно на душе,
 Утром надо видеть правду:
 ушедших лет мне не вернуть уже.

Смотри, мир огромный,
 Всегда найдётся кто-то, позовёт,
 Но это не то...

Утро рядом, мне не надо
 твердить о том, что я иду на дно.
 Я не даром мерил взглядом
 все эти улицы не так давно...

Перевод Алексея КАРАКОВСКОГО

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Эта статья была опубликована Алексеем Караковским в конце 2007 года в Интернет-журнале молодых писателей России «Пролог» и стала, по сути, прощанием с журналом перед уходом с поста шеф-редактора издания.

Тоска о литературном профессионализме

Последние десятилетия в российской прессе распространены две взаимосвязанные темы обсуждения: будущее писательских союзов и государственная поддержка литературы. Как правило, эти разговоры сводятся к констатации необходимости единого профессионального писательского союза вместо нескольких существующих. Однако ситуация не так однозначна, и мне хотелось бы поговорить о ней подробнее.

Предоставлю слово «Литературной газете», предельно чётко обрисовавшей проблему устами Аллы Большаковой («Властители дум или пасынки рынка?», №20 (6120), май 2007 г.).

...*Зададимся вопросом о том, на что способен деклассированный, вытесненный из социальной жизни творческий работник — фактически бесправный в своей стране, которую по идее призван отображать, укреплять, воспевать? К примеру, об утрате статуса писателя свидетельствует тот факт, что такой профессии попросту нет в официальном перечне существующих в стране профессий. Во всём цивилизованном мире действуют законы о преференции для творческих людей, т.к. они укрепляют нацию, содействуют её процветанию.* <...>

Что и говорить, социально незащищённый писатель неизбежно превращается в писателя протестного. И вместо даящих эстетическое наслаждение произведений в нашей словесности всё увеличивается вал «мрачных» текстов, развенчивающих власть и существующее положение вещей в обществе и государстве (обратите внимание: призвание автора состоит в лояльном «эстетизме» — А.К.) <...>

Ни для кого не секрет: сейчас мы живём в стране с не определившейся ещё идеологией. Движущие обществом идеи пока ещё не выкристаллизовались. Отсюда и неудачи с перестроечными начинаниями и последующими попытками реформаторов (эта фраза, на мой взгляд, идеально характеризует чувство времени профессионального писателя по версии «Литературной газеты» — оно навсегда осталось на рубеже 80-90х годов — А.К.) <...>

Сегодня мы столкнулись с новой неожиданностью, когда в России, исконно гуманитарной стране, возобладало суждение, что жизнь экономическая важнее духовной, культурной. И это, увы, неудивительно. В конце 1980-х — начале 1990-х были порушены духовно-нравственные основы народного бытия. Наша подлинная литература, всерьёз озабоченная сейчас судьбой нации, народа, во многом их сохранила — в противовес «соцзаказу» олигархических хозяев жизни, привнёсших в общество свою криминальную «нравственность», антиэстетику разрушения, агрессивную лжекультуру.

Выход здесь один — в государственной помощи высокой культуре и духовности (замечу, что слово «соцзаказ» звучивалось и президентом страны, но речь, конечно, не идёт о защите государством от государства; скорее, по мнению автора, нравственность литературы определяется заказчиком — А.К.). <...> *Что и говорить, попсовая*

псевдокультура криминального распада процветает с опорой на влиятельные силы. Высокая культура, оплот общества и нации, может выжить ныне в России лишь при мощной поддержке государства и власти.

Не углубляясь более в подробности, отмечу главное. Этот текст свидетельствует о том, что часть писательского общественного мнения не понимает и не принимает свободу частного предпринимательства в книгоиздательской отрасли. Наблюдается тяготение к социалистической распределительной модели. Это не хорошо и не плохо — это определённое социокультурное явление, и его необходимо анализировать.

Можно предположить, что всему виной «неудачи с перестроечными начинаниями и последующими попытками реформаторов», благодаря которым рыночная экономика в России уже более пятнадцати лет остаётся несовершенной, а ситуация с литературой унаследовала её недостатки. Для сравнения я хотел бы привести США, чей опыт построения капитализма в отдельно взятой стране стал своего рода эталоном для российской власти.

Вот что пишет об этом литературный агент Рина Грант.

Самое главное, что следует запомнить потенциальному автору: ситуация на англоязычном рынке журнального рассказа в данный момент самая тяжёлая за всю историю его существования. <...> ... грамотное человечество ринулось в Интернет. Великое множество способных к литературе людей, пишущих в свободное от основной работы время, были рады пристроить свои сочинения за копейки или вообще «за так» — за счастье увидеть свою фамилию на страницах «настоящего» литературного журнала. Авторы-любители не скрывали, что литература для них — просто хобби, и даже гордились тем, что не нуждаются в журнальных гонорарах. Эти «бессребреники» вогнали последний гвоздь в крышку гроба: в результате демпинга хоббиистов оплата за публикации большинства журнальных рассказов теперь колеблется в опасной близости от нуля. <...>

И как же быть талантливому автору, который хочет выделиться из самотека и понравиться редакции? Он должен прежде всего «проанализировать рынок», т.е. выяснить, что именно конкретная редакция хочет видеть на страницах своего журнала. Это, конечно, само по себе ещё не гарантирует публикации, но в десятки раз повышает и шансы автора, и уважение к нему со стороны редакции. <...> *«просто сочиняя» короткие рассказы на английском языке, можно дождаться первой публикации пять-десять лет.*

Как мы видим, к американскому писателю условия рынка даже более жестоки, чем к российскому. Стоит ли тогда говорить о спасении литературы в России?

Литература и свободное предпринимательство

От литературы в нашей стране всегда ожидали многого — отчасти из-за богатых культурных традиций, отчасти из-за государственной политики превращения страны в мировую державу. Власть в СССР считала приоритетной задачу контроля интеллектуальной жизни общества, что позволило создать сочетание впечатляющего количества и столь же низкого качества выпускаемой продукции. Интеллектуальные высоты русской классики и имидж

«самой читающей страны», сложившись воедино, породили образ Великой Русской Литературы.

Наследством стахановского литературного производства стала современная книжная индустрия, недостатки которой обычно сводят к вытеснению интеллекта из духовной жизни страны. Огромный товарооборот «жёлтой прессы», созданный за полтора десятилетия, породил расхожее мнение, что в наше сложное время книги печатаются какие-то неправильные. Иными словами, стоит только начать тиражировать Великую Русскую Литературу с советским размахом, как национальная культура оживёт, а справедливость наконец-то будет восстановлена. Безосновательность этих Больших Надежд хорошо иллюстрирует статистика продаж: на самом деле, Великая Русская Литература российскому читателю не нужна ни в жизни, ни даже чтобы взять с собой почитать в электричку. У неё просто другие функции.

Таким образом, субъективный опыт писателя, воспринимаемый прежде как откровение, для массового производства в наше время не имеет значения (некоторые критики утверждают также, что современные писатели разучились писать даже о себе — оставим это суждение на их совести). Куда важнее дисциплинированность, работоспособность, умение писать на нужные темы: не секрет, что в регионах России чаще всех издаются пенсионеры, способные писать в индустриальных количествах так называемые «берёзки» — произведения (чаще всего, стихи), посвящённые государственным праздникам и любимому краю с изумительно похабным качеством. Непредсказуемые и неформатные писатели с завышенной самооценкой не пользуются спросом нигде.

Сходная картина наблюдается и в «толстых» журналах, обслуживающих малочисленный, но не менее предсказуемый сегмент интеллектуального населения. Ради сохранения тиража в одну-две тысячи экземпляров редакторы редко идут на эксперименты вроде публикации молодых писателей вместо мэтров. Однако исключения есть и здесь — литературные издания «Дети Ра», «День и ночь» и, в последнее время, «Октябрь» явно настроены на выход за пределы традиционной аудитории. Всё это является признаками определённой стабильности и уверенности в спросе на издание.

Тем не менее, работа толстых журналов обычно оценивается обозревателями критически. Если сравнивать семитысячный тираж «Нового мира» с популярностью того же журнала в СССР, в этом нет ничего удивительного. Как бороться с этим несоответствием? Большинство обозревателей не сомневаются: необходимо прямое вмешательство государства.

Большая российская политика

Изменение государственного строя в России на рубеже 80-90х годов заставило руководство страны отказаться от прямого идеологического контроля общества, что тут же привело к политической дестабилизации страны. Мучительные поиски новых технологий привели к тому, что победил наиболее лёгкий и доступный процесс: содержательная информация в стране стала постепенно заменяться бессодержательной, развлекательной, обеспечив в итоге вполне комфортные условия пребывания у власти. Сейчас правящая элита вряд ли заинтересована в пересмотре своей политики в области культуры и образования. Некоторое беспокойство вносят только редкие вспышки активности ведущих деятелей интеллигенции против, на-

пример, уроков православного воспитания в школах или прокладки нефтепровода вдоль Байкала. Но и они сведены к минимуму с созданием Общественной палаты, где любая народная инициатива подавляется при помощи другого хорошо освоенного оружия — бюрократической волокиты.

Современную политику власти по отношению к литературе можно сформулировать как плохо закамуфлированное равнодушие. Государству проще общаться с лоббирующими группировками вроде какого-нибудь Российского союза предпринимателей текстильной и легкой промышленности, которые при поддержке власти плодятся как грибы после дождя. Литература же для государственного аппарата не имеет и не может иметь никаких преимуществ, так как должна производить продукцию (не текстиль, конечно, но тоже хоть что-то), а вместо этого порождает нечто расплывчатое, непонятное и не поддающееся статистике — интеллектуальную собственность. Именно потому интересы писателей в нашей стране представляет Российский книжный союз. Но если в его рамках современная художественная литература представлена недостаточно, то о какой защите интересов можно говорить?

Исключением здесь, вроде бы, кажется широко разрекламированная встреча президента страны с молодыми писателями в Ново-Огарёве. Однако при ближайшем рассмотрении и она оказывается средством пиара посредников встречи — премии «Дебют», о чём радостно сообщает в «Московских новостях» один из участников встречи, Алексей Лукьянов («Мы это сделали», №7, февраль 2007 г.):

Сказано в информационном ролике независимой литературной премии «Дебют»: у вас есть шанс заявить о себе. Восемь из пятнадцати приглашённых — финалисты и лауреаты «Дебюта», именно мы с самого начала взяли слово, пасовали друг другу, чтобы выбить из власти административный ресурс. Уже не столь важно, что мы говорили, главное — мы это сделали. Накапали на мозги. Выключили (отметим ещё раз: не всем писателям важно «что говорить», важно выбить административный ресурс, а там уже всё само встанет на свои места — А.К.).

Коротко о том, что нам нужно. Административный ресурс требуется клубу «Дебют» для поддержки и развития перспективных авторов: издание книг, выдача грантов на их написание, укрепление представительств в регионах... (то есть, говоря по-простому, денег и власти — А.К.).

Впрочем, безусловной пользой стало то, что на встрече Владимир Путин озвучил принципы, на которых возможно (но вряд ли будет строиться без соответствующего лобби) взаимодействие литературы и власти. Вот цитата, ставшая знаменитой (приводится не совсем точно по «Коммерсанту»): «... можно жить в рамках госзаказа. Но тогда надо сформировать, на что тратить государственные деньги... Служба в армии, безопасность, борьба с наркотиками». Логичное суждение рационально мыслящего офицера: необходимо использовать все ресурсы для достижения цели — тотального господства государственной идеологии. Эту идею прекрасно комментирует Александр Иванов, глава издательства «Ад маргинем»:

Путин обсудил с писателями национальную идею, признавшись, что никакой привлекательной идеи, кроме конкурентоспособности, не видит. Нынешний «проект Россия» — конкурентно-технократический. Модель корпоративного капитализма, как эффективно работающей машины, не предполагает незаменимых элементов. Там нет гуманитарного измерения. <...>

СМИ зацепились за тему госзаказов на литературу. Но государство в этой модели — сверхкорпорация. Если она что-то и заказывает, то свой пиар. У писателей не должно быть иллюзий, что им

закажут историю судьбы несчастной крестьянки. Если государство дает деньги, то оно за них имеет по полной программе и во всех позициях. От государства надо требовать не прямого вмешательства в культуру, а иного гуманитарного облика.

Добавим: технология «госзаказа» появилась не сегодня и исчезнет не завтра. Запах денег изменит в литературной среде лишь градус уже существующих дрызг. Но чтобы оградить власть от грома баталий в цеху культуртрегеров, как раз и необходим писательский союз.

Союз писателей как предмет «Больших Надежд»

Большие Надежды, как уже говорилось, означают в среде писателей мечты о возвращении на ключевые позиции в культурной жизни страны. Но как для государственной власти, так и для рядового писателя призрачный Союзпис — это ещё и источник распределения материальных благ.

Тут есть несколько интересных моментов. Например, отчего не годится для такой глобальной роли какой-нибудь из существующих Союзов? Отчего бы любой из них не сделать правопреемником Союза советских писателей? Отвечаем: для этого возможному правопреемнику необходимо вернуть огромную собственность, включая санатории, дома отдыха и ставшие притчей во языцех дачи в Переделкино, но, как мы понимаем, поезд ушёл, перераспределение имущества невозможно, и государство вряд ли теперь будет готово проявить готовность к благотворительности. Стало быть, для успешной деятельности писательского Союза необходимо предоставить существующие Союзы писателей их судьбе и решительно начать всё заново. Впрочем, решительности нашей власти в выгодных ей ситуациях всегда было не занимать.

Кажущаяся абсурдной идея конвейерного производства пропрезидентски ориентированных молодых писателей является, на самом деле, единственным смыслом новой писательской организации (конечно, я не имею в виду организации просветительско-образовательного характера — вроде Литинститута или Форума молодых писателей в Липках, которые выполняют ровно противоположную задачу). Молодые писатели не только более податливы и неопытны в отстаивании своих взглядов, но и являются, в буквальном смысле слова, будущим страны (в этой связи нет ничего удивительного в приманивании некоторых из них к политической агитации на избирательных кампаниях). Будучи предельно прагматичной, власть заинтересована в том, чтобы носителями идеологии были люди, которым предстоит прожить ещё долгую жизнь; пенсионеры со сложившимися взглядами ей не нужны и для неё опасны. Впрочем, идея уничтожения стариков и малоимущих вообще далеко не случайна и лежит в основе социальной политики страны: цены на лекарства и размер пенсий для стариков, как и реформы системы образования, решают одну и ту же идеологическую задачу.

Эта идея примыкает и к процитированному в начале статьи тезису обозревательницы «Литературной газеты» о «профессионализации писательства». При обретении писателем в нашей стране соответствующей должности литература будет означать лишь создание текстов в обмен на льготы и материальные блага, доступ к которым будет определяться содержанием текстов. Причём речь идёт о стремлении утвердить вертикаль власти при помощи литературы как дополнительного средства контроля. И хотя цели этой «помощи», разумеется, абсолютно гуманистические, я смею утверждать: **все проекты государствен-**

ной власти, выделяющие из литературного процесса молодёжь и пытающиеся использовать её в политических целях, глубоко безнравственны и недостойны участия в них. А если вам необходим пример, то загляните во всё ту же «Литературную газету» и найдите десять отличий от советской партийной пропаганды. Вот несколько примеров только из одного номера — 33-34 (6134), август 2007 г.:

«Задача слёта — собрать энергичных и одарённых, научить навыкам политической борьбы, ободрить, подготовить к предвыборным сражениям — выполнена».

«...хочу обратиться не к «дорогим россиянам», а к гражданам России, конкретно к каждому из них: в этой борьбе не на жизнь, а на смерть сил государственников и сил разрушителей — ты с кем?»

И особенно важное признание:

«Процесс распада на электронные составляющие не остановить, на смену сайтам и порталам давно уже пришёл великий и ужасный Живой журнал, теперь уже без умственных и финансовых усилий абсолютно любой желающий без никакой цензуры, идей и мыслей может стать сетевым литератором, публицистом, да кем угодно, хоть садистом и мазохистом».

Таким образом, кроме книжного бизнеса, есть ещё одна область, где политический, а значит и моральный диктат государства пока — но только пока! — не проявляется. Эта свободная зона, как верно замечено «Литературной газетой» — Интернет.

Маргинальная зона

Некоммерческая художественная литература в Интернете — это неформальная среда, которая, тем не менее, сплотилась в довольно стабильную систему. Это литературные конкурсы, частные издательства и небольшие журналы, большинство которых — продукт частной инициативы их основателей, вложивших в свой проект личные средства и связи. Несмотря на то, что в Интернете, как принято считать, значительная часть литературных опытов относится к сфере графомании, в результате конкуренции постепенно выделился круг изданий, поддерживающих высокий художественный уровень. Публикация на них престижна и позволяет автору достичь определённой известности, обеспеченной кругом поклонников, для взаимодействия с которыми очень удобен «Живой Журнал» (массовый и неконтролируемый онлайн-дневник, предоставляющий возможности стихийного общения).

Специфика Интернета как креативной среды, на мой взгляд, определяется двумя факторами — альтернативностью источников информации и критичностью самой среды. Альтернативность достигается, например, различиями в объективности и подаче между новостными телеканалами и дневниковыми записями частных лиц, извлечёнными из блогов. Критичность же среды определяется самим характером среды как дискуссионного клуба, для которого характерно столкновение большого количества категоричных, взаимоисключающих позиций.

Нельзя сказать, чтобы в Интернете не было манипулирования сознанием. Возможности Сети в этом плане крайне широки и разнообразны. Но многочисленность и непредсказуемость состава участников дискуссии существенно снижает эффективность влияния на её ход. Процесс часто происходит в режиме бурного столкновения полярных мнений вплоть до оскорблений и угроз, которые хотя и яв-

• БЕСЕДЫ С АННОЙ НИКОЛЬСКОЙ-ЭКСЕЛИ

ляются неприятной особенностью Интернет-сообществ, всё-таки закаливают характер и повышают интеллектуальный уровень спорщиков.

Эти обстоятельства привели к тому, что последние пятнадцать лет Интернет-сообщество интеллектуально прогрессирует как в среднем своём срезе, так и на уровне отдельных своих представителей, критически относясь к государственной власти. Не исключено, что русская литература находится на пороге очередной эпохи процветания, ведь каждая из таких эпох в истории страны знаменовалась одним и тем же: ужесточением контроля государства и расцветом самиздата, подарившего стране Михаила Булгакова, Александра Грибоедова, а если копать глубже, то, возможно, и «Моление Даниила Заточника».

Итак, выводы.

Во-первых, самостоятельно мыслящему писателю, адресующемуся не к потребителю, а к ноосфере, **абсолютно бесполезно** предпринимать попытки реализации своего таланта (именно таланта!) в книжном бизнесе и **предельно вредно** искать помощи со стороны государства. Интернет как таковой не имеет смысла для писательской карьеры, но даёт возможность донести произведения до заинтересованного читателя.

Во-вторых, необходимо признать, что Великая Русская Литература осталась в учебниках, а Большие Надежды на возвращение её былого значения беспочвенны. Литература — это бизнес малых предпринимателей, и к оценке стратегии этой деятельности надо подходить с точки зрения свободного предпринимательства.

В-третьих, совершенно очевидно, что де-факто ни один современный писатель не может претендовать на особое место в культурной жизни своей эпохи. Точки над «i» в этом вопросе расставляет лишь время, а для современников важно только одно: чтобы писатель был порядочным человеком — джентльменом и интеллигентом.

Эти положения не ограничивают свободу выбора, а наоборот, позволяют лучше понять его возможности. Рыночная экономика, применяемая в нашей стране для контроля населения, сама по себе не виновата в том, что её используют в таких целях. Наоборот, при определённом подходе она воспитывает в человеке психологические и нравственные качества, способные помочь писателю достичь удовлетворения в своей профессиональной деятельности, не пойдя на компромисс с совестью.

Писатель в современных условиях не только должен, не имея и не ища внешней помощи, чувствовать себя носителем творческого потенциала, но и с гордостью брать на себя всю полноту ответственности за него. Надежды, что при регулярном посещении ЛИТО или еженедельной отправке текстов в толстые журналы Вас опубликуют лет через пять-шесть — пустая трата времени. Нужно поверить в свои силы и рассчитывать в дальнейшем только на них. В стране есть издательства, печатающие за счёт автора, и есть возможности для реализации и тиража книг. Если писатель пишет неподцензурную литературу, вносящую реальный вклад в культуру, он всё ещё может найти круг читателей.

Ну, и самое главное: не ждите перемен. В нашей стране сложилась ситуация, когда свобода слова может существовать в обход государственного контроля. Этим надо пользоваться сейчас — пока против маргинальных зон общественного мнения не применены экономические и силовые рычаги.

Добро пожаловать в процветание!

Алексей КАРАКОВСКИЙ

• ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

ГДЕ ПУБЛИКОВАТЬ ПОЭЗИЮ

Сегодняшний обзор сайтов будет интересен прежде всего начинающим поэтам, желающим продвигать свое творчество через Сеть. Здесь существует пара направлений, в которых можно планомерно двигаться. Вариант первый — создать свою веб-страницу на бесплатном хостинге типа народ.ру или на специализированном литературном сервере (например, стихи.ру). Однако получить много комментариев от товарищей по перу или массу мнений читателей не выйдет — эту страничку просто не заметят в массе аналогичных и более раскрученных писательских страниц. Потому второй вариант — направить свои стихи на небольшие литсайты — выглядит более выгодным. Их небольшая, но стабильная аудитория почти всегда будет более дружелюбна и лояльна к новичку. Рассмотрением таких сайтов мы и займемся прямо сейчас.

Очень хороший сайт www.artbull.ru за несколько лет своего существования разросся и получил неплохую аудиторию — несколько сот человек в день. Что нисколько не изменило весёлой и дружеской атмосферы общения на местном форуме. Стихи здесь публикуются свободно, без предварительной модерации. Последние добавленные произведения автоматически появляются на главной странице, так что минимум пара дней пристального внимания читателей вам обеспечены. Движок сайта также позволяет создать литературный блог.

www.stiho-bum.ru — ещё один сайт со свободной публикацией. Здесь, прежде всего, интересно большое число жанров публикуемых стихотворений — от верлибров до японских хокку. Любопытно, что самый популярный раздел на сайте — философская лирика. Так что, если вас не страшит несколько сумбурное и однотонное оформление сайта и обилие плохо спрятанной рекламы — смело заходите.

www.poetryclub.com.ua — сайт, базирующийся на Украине. Поэтому многие наши соотечественники не смогут воспользоваться всеми достоинствами сайта, коих немало. Просто буду перечислять: постоянные встречи поэтов «в реале» для обмена опытом, публикация «бумажных» сборников стихов, регулярные конкурсы, возможность создания дневников и фотоальбомов. В общем, «внушает» список! Иногда становится обидно, что живешь не на Украине.

Существуют и более узконаправленные литературные сайты. Вам никогда не приходило в голову, что люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией — тоже сочиняют стихи! И для продвижения своего творчества они даже организовали специальный сайт — www.lit.gay.ru. Сомнительно, что подобное место могло бы получить огромную популярность, однако публикаций здесь немало. Причем далеко не все в жанре «голубой» поэзии. И, что ещё более удивительно, почти половина текстов — от писательНИЦ, женской части нашего общества.

Любям, интересующимся японской культурой и поэзией, безусловно понравится сайт www.japan.artsportal.ru. Здесь собрано огромное число как классических, так и современных стихотворений японских авторов, а для интернет-писателей создан специальный раздел — «ваши стихи».

Сайт творчества израильских поэтов «Рукописи не горят» забрался глубоко в недры портала souz.co.il. Попасть на него с главной страницы без сторонней помощи почти невозможно, потому запоминайте ссылку — http://www.souz.co.il/clubs/club.html?Club_ID=17. Нельзя сказать, что местные стихи чем-то необычны — встречается и традиционная лирика, и экспериментальная поэзия, как и везде. Разве что нигде еще не встретишь раздела «Поэты об Израиле».

Надеюсь, что после этого короткого обзора литсайтов у вас сложилось относительно четкое представление, какие возможности по продвижению поэзии предоставляет Интернет. Успехов в творчестве!

Андрей ГРИШИН

Киев, 2006 г. Участники «Точки Зрения»: Н. Помогаев, А. Яковлева-Помогаева, Н. Потемкина, А. Караковский, Г. Ситько, Т. Славович

ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ «ТОЧКА ЗРЕНИЯ» (LITO.RU)

Как часто бывает с большими творческими делами, появлению «Точки Зрения» сопутствовал флёр романтики, легенд, творческой фантазии и эксцентричных выходов создателей журнала.

Всё началось утром 11 октября 2000 года в обычной тульской квартире на улице Софьи Перовской, когда её хозяйка Оля Агапова открыла глаза и обнаружила спящих рядом на кушетке москвичей — давнего товарища по хипповской тусовке Лёшу Караковского и его подругу Дашу Баранникову. Ничего сенсационного в этом открытии не было — накануне отмечали Олин день рождения, и ребята остались ночевать, чтобы уехать на следующий день.

У всех троих за плечами был уже приличный творческий опыт. Ольга публиковалась в самиздате с 1995 года, Алексей с 1993 года выступал на рок-н-рольной сцене (группа «Происшествие», в которой он пел, развалилась как раз к началу 2000 года), а также выпускал анархический самиздатский журнал под названием «Чёрный петух», в котором публиковались в том числе стихи Даши.

Днём раньше поговорить о жизни попросту не успели. В ответ на заданный после пробуждения вопрос «как дела» Оля решила прочесть новые стихи. Тогда свои стихи прочла Даша. Тут уж пришлось и Караковскому похвалиться своими произведениями (в то время его группа распалась, и он переключился на сочинение стихов и прозы).

- А давайте издадим совместную книжку! — предложил Лёша.
- Давайте. А может, заодно Лихачёва позовём? — ответила Оля.
- А твоя подружка Ира пишет ещё? А Катя Мирошниченко?

Стали вспоминать всех тех, с кем общались в девяностые на Арбате. С этим списком Лёша с Дашей отправились в Москву.

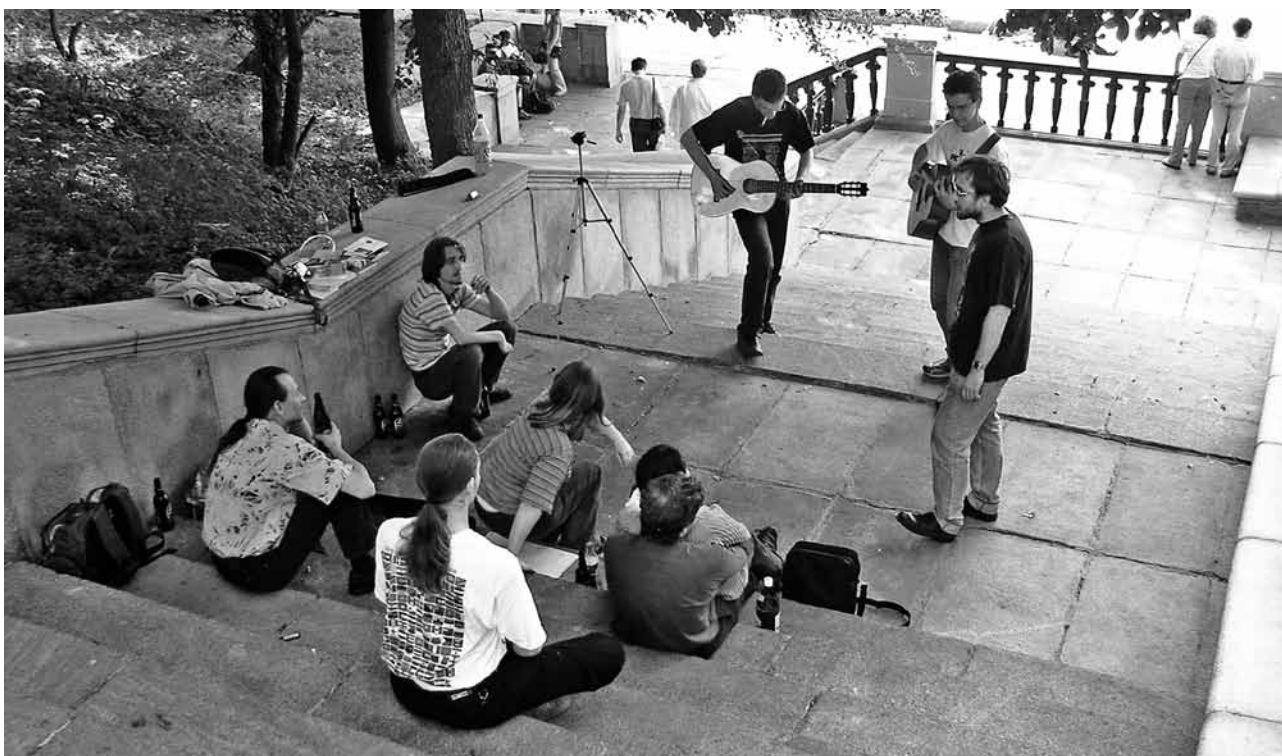
Многие из арбатской хипповской тусовки, бывшие друзьями Лёши и Оли, к тому времени давно оставили творчество, другие просто исчезли из виду. И всё же к началу декабря 2000 года удалось собрать шестнадцать человек, из которых все, за исключением Оли и уехавшего ещё в

середине девяностых в Германию Леонида Баккера, жили в Москве. Семнадцатым стал Вова Караковский, которого участники проекта довольно настойчиво рекомендовали Караковскому-старшему, недооценивавшему поначалу творчество брата.

Название нового проекта рождалось в муках. Свободолюбивая толпа поэтов и прозаиков не укладывалась ни в какие идеологические рамки. «Это был профсоюз вольных каторжников — людей, отдающих все мысли и силы творческому выражению своего мировоззрения», — вспоминал Караковский. В конце концов, издание назвали «Альманах «Точка Зрения»». Примерно тогда же участники проекта придумали манифест альманаха, который ещё долго оставался основным программным документом объединения.

Заметным событием для «Точки Зрения» стало знакомство альманашников в декабре 2000 года с Андреем Курбаковым, оказавшим большую помощь общему делу на раннем этапе развития концепции. Сам Андрей не писал литературных произведений, но зато очень гордился, что стал прототипом главного героя романа Михаила Бутова «Свобода», а также цикла рассказов Дмитрия Сучкова «Москва палаточная». У Андрея были некоторые связи в литературном мире, и ему было о чём рассказать за бутылкой. Кроме того, с его помощью 24 декабря 2000 года Алексей Караковский и Илья Шадура попали на программу Дмитрия Смурова «Соглядатай» (радио «София»), где объявили о создании нового литературного объединения «Точка Зрения» и представили произведения его участников.

При составлении сборника Караковский руководствовался знаменитым альманахом «Метрополь», которым тогда сильно увлекался. В результате альманах получился огромных размеров и с совершенно неопределённой структурой. Но самое главное, многие из его участников продолжали активно писать: альманах стремительно устаревал ещё по ходу своего создания.

Москва, Нескучный сад, 2005 г. День рождения «Точки Зрения»

Тогда Дмитрий Лихачёв перевёл текст альманаха в язык гипертекстовой разметки HTML и создал страничку в Интернете, просуществовавшую, впрочем, не очень долго. Этот шаг заставил Алексея Караковского в марте 2001 года нырнуть в мировую паутину для того, чтобы оценить ситуацию с современной литературой в Интернете.

Вот как пишет Алексей Караковский о своём первом опыте посещения Интернета: «Первое, что безмерно поразило меня в сетевой литературе, это ожесточённость конкуренции — при том, что большая часть произведений была не только неконкурентоспособна, но и являлась, с человеческой точки зрения, надругательством над здравым смыслом (не говоря уже о литературе). . . Первые полгода я действительно не особенно надеялся, что мне удастся найти людей со здоровым отношением к литературе и жизни, которые ещё бы и хорошо писали. В то время таких людей в сетевой литературе почти со стопроцентной вероятностью тотчас пытались топить, и найти среди них товарищей с нерасшатанными нервами было невероятно тяжело — иногда я просто не успевал установить контакт с талантливым человеком, покинувшем Интернет из-за какой-нибудь глупой околосетевой распри».

Не питая особых иллюзий в отношении конструктивности и профессионализма Интернет-сообществ, «точкозряне» поняли, что совершенствоваться надо за счёт привлечения близких по мировоззрению авторов и предельно критичного отношения к любым текстам вообще. Это открытие в сентябре 2001 года привело к созданию постоянно действующего сетевого журнала, заменившего аморфный и расплывчатый вириаль альманаха. В то же время были собраны деньги на издание, и печатная версия постепенно продолжала готовиться (в конечном счёте, отвечавший за её выход человек провалил проект — что, наверное, оказалось к лучшему).

К концу 2001 года выделился костяк объединения, который составляли Алексей и Владимир Караковские, Дарья Бараникова, Ольга Агапова, Анна Давыдова (Нурвен), Александра Перфильева и Илья Шадура.

Кроме того, в течение недолгого времени «точкозряне» (термин придуман весной 2002 года канадской поэтессой, участницей «Точки Зрения» Витой Лагиной) общались с японскими студентами-художниками Томоо Каваи и Такума Чисато, которые нарисовали иероглифическую символику, ставшую частью дизайна сайта.

В 2000-2003 годах «Точка Зрения» стала для её участников образом жизни. Вспоминает Алексей Караковский: «Мы были молоды, и энергии было хоть отбавляй — словно мы долго копили силы для того, чтобы заняться этим по-настоящему любимым делом. «Точка Зрения» была замечательным романтическим проектом. Мне даже казалось, что мы как бы живём в произведениях Василия Аксёнова (типа «Ожог» или особенно «Скажи изюм»), настолько всё было неправдоподобно интересно. Я и сейчас помню какие-то смешные детали — как мы сочиняли с Томоо Каваи мирный договор с Японией, как ночью с Эндрю Симаковым рисовали иероглифы на замёрзшем стекле трамвая, везя институтской подружке бутылку коньяка. . . Но, в основном, мы просто писали стихи и прозу. За 2000-2001 год я написал больше произведений, чем за всю жизнь до этого».

Крупные тусовки «точкозрян» чаще всего обставлялись как «праздники» — с абсурдным названием и неопределённой программой действий. Например, 12 июня 2002 года возле ЦДХ, у свалки каменных исторических деятелей государства (так называемый «Музеон») состоялось празднование Национального Дня Алкогольной и Наркотической Зависимости. Крайне запомнившимся событием первой половины 2002 года стало празднование 19 мая на Болотной площади у известной скульптуры Михаила Шемякина 80-летия Пионерской Организации — с пионерскими галстуками, красным знаменем и несколькими бутылками коньяка.

В конце 2001 — середине 2002 года к альманаховцам присоединилось более полусотни человек, включая известных музыкантов Александра Карпова и Владимира Ланцберга и эксцентричного поэта Яна Прилуцкого. Все публикации проходили довольно серьёзный литературный отбор.

● КУНСТКАМЕРА

Однако к концу 2002 года дела пошли вовсе не так успешно, как хотелось бы. Караковский, в одиночку отбирая, редактируя и верстая в HTML поступающие материалы, постепенно стал уставать и призвал участников команды сайта на помощь. Но именно в этот момент оказалось, что у всех совершенно разные критерии отбора текстов, а также разное представление об управлении сайтом вообще. Тогда Караковский закрыл старую версию сайта и вместе с воронежским программистом Виталием Николенко начал делать новую версию. Одновременно Алексей запустил новый проект — литературный конкурс произведений о музыке «Бекар».

Чтобы не нарушать преемственность старой и новой «Точки Зрения», было решено до запуска нового сайта перенести деятельность в офлайн. Результатом стало проведение ежемесячных квартирных сейшенов «Точки Зрения», коих с ноября 2002 года по июнь 2003 года состоялось семь. На этих мероприятиях авторы «Точки Зрения» и многочисленные их единомышленники читали стихи, пели песни. Впоследствии опыт этих встреч очень пригодился. Кроме того, участники «Точки Зрения» выступали в Малом зале театра на Таганке, а также в таких городах, как Санкт-Петербург, Калининград, Запорожье, Киев.

28 мая 2003 года сайт открылся в новой версии, но тексты со старого сайта были перенесены на него не в полном объёме. Основные принципы, положенные в основу редакционной политики, были применены к старому контенту и сохранились до сих пор: 1) разделение журнала на отделы поэзии, прозы и критики; 2) рецензирование всех публикаций; 3) двухступенчатый литературный отбор, осуществляемый заведующим отделом и редактором-рецензентом. Большинство важных вопросов стали решать коллегиально в закрытом от случайных посетителей редакторском форуме, но окончательное решение по всем вопросам принимал всегда Алексей Караковский. Лучшие тексты сезона (по временам года) предлагались читателям после голосования редакторов в «шорт-листах».

Журнал сразу же начал крайне амбициозную рекламную кампанию. В его пользу говорило то, что к тому времени редактируемые журналы в Интернете были редкостью или не отличались особым качеством (исключением был и остаётся журнал «Сетевая Словесность» Георгия Жердева, один из лучших в Интернете по содержанию — но, к сожалению, не рецензирующий произведения). Благодаря энергии и профессиональным умениям своих создателей, «Точка Зрения» быстро достигла определённого авторитета в литературном мире и вполне комфортного места в рейтинге поисковой системы Яндекс.

Огромную роль в становлении отделов поэзии и прозы соответственно сыграли заведующие Вадим Кейлин и Анна Болкисева (позднее их сменили Лиене Ацтиня и Дэн Шорин). Отделом критики и литературной публицистики долгое время руководил Алексей Караковский; в декабре 2007 года его возглавила Елена Сафронова. Когда в декабре 2005 года на волне популярности «Точки Зрения» Алексей Караковский ушёл на должность шеф-редактора в Интернет-журнал молодых писателей «Пролог», главным редактором стал Сергей Алхутов, пользовавшийся большим авторитетом на сайте. Караковский, впрочем, оставил за собой пост технического редактора; вместе с Сергеем они составили мощный руководящий тандем.

Работа в журнале «Пролог» помогла Алексею Караковскому развивать сотрудничество с Союзом писателей Москвы и Форумом молодых писателей России в Липках. Молодые авторы «Точки Зрения» заслужили признание со стороны таких авторитетных писателей, как поэты Кирилл Ковальджи, Евгений Степанов и, к сожалению, уже ушедшие из жизни литераторы Ольга Татирина и Анатолий Кобенков. Наконец, в 2006 году в издательстве «Вест-консалтинг» под руководством Евгения Степанова

● БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

начала выходить книжная серия «Современная литература в Интернете», представляющая лучшие произведения авторов «Точки Зрения». Кроме того, быстро наладилось сотрудничество с издательством «Литкон-пресс».

С этого времени в развитии «Точки Зрения» причудливо переплетались возможности веб-программирования и литературно-издательская деятельность. Вот как об этом рассказывает Алексей Караковский в 2008 году в интервью газете «НГ-Экслибрис»:

Во-первых, так сложилось, что наш ресурс обладает определённым тяготением к науке. В 2005 году «Точка Зрения» участвовала в работе Института по исследованиям русской и советской культуры им. Лотмана при Рурском университете в Бохуме, ФРГ; в 2006 году — в проектах РОЦИТ (Регионального общественного центра Интернет-технологий); с 2007 года ведёт собственную научную работу в области философии культуры, которой занимается главный редактор журнала Сергей Алхутов.

Во-вторых, развитием проекта занимается студия дизайна «Web-техника» (в моём лице). Веб-дизайн — довольно специфическая область профессионального опыта. Она обусловила появление в журнале множества пользовательских сервисов — в основном, шуточных, как, например, генератор литературного псевдонима. Но есть и серьёзные направления развития пользовательских текстовых сервисов — например, созданная нами поисковая система Литпоиск.Ру, позволяющая находить в Интернете текст на любую интересующую тематику.

В-третьих, книгоиздание, которое является одной из статей финансирования журнала, нас заставило ориентировать журнал на книжную рекламу и издательскую деятельность, чем мы довольно успешно занимаемся. С помощью современных информационных технологий информация о наших изданиях рассылается по множеству новостных лент — включая Яндекс.Новости. Мы расцениваем себя не столько как литературное издание, сколько как средство массовой информации, посвящённое русской культуре как таковой. И всё же культура для нас — не предмет бизнеса, а предмет меценатства. Иначе мы бы не тратили столько средств на развитие проекта. . .

В феврале 2005 года «Точка Зрения» начала проект «Литературные Воскресенья», на базе которых постепенно была создана Арбатская литературная мастерская — свободное сообщество авторов и изданий, собирающееся два-три раза в месяц в клубе «Doolin House» (Старый Арбат, дом 20). Объединение получило весьма лестные характеристики от Союза писателей Москвы, что привело к периодическим выступлениям на сцене Центрального дома литераторов и публикации авторов в журнале Союза «Кольцо А». Кроме того, премию журнала получили Алексей Караковский (2006) и Елена Сафронова (2007). Со временем появились литературные объединения «Точки Зрения» и в других городах — Одессе, Минске, Петербурге, Нижнем Новгороде, Абакане.

Получила продолжение и издательская программа. Сначала издательство «Литкон-пресс» выпустило два альманаха «Точка Зрения»: первый был переработкой не вышедшего в 2002 году «исторического» альманаха; во второй вошли произведения, опубликованные на сайте в 2001–2002 гг. В 2005 году появился сборник произведений конкурса «Бекар» под названием «Музыка в переплёте».

Логическим продолжением работы проекта стало создание журнала «Контрабанда», который вы сейчас держите в руках и о предыстории которого теперь узнали чуточку больше.

Эдуард АБРАМОВ

• БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

Никита Брагин

Плач иволги

Словно иволга плачет,
мелодия стынет на грани
между лаской и болью,
под стук
молотков и копыт.
Ржавый коготь гвоздя
изогнулся в гноящейся ране,
в крышку гроба
по шляпку
забит.

А вокруг суета
и шкворчание жареных сплетен,
и молва,
как помои,
в ушные протоки бежит,
и слова обращаются
в камни,
решетки
и плети
не умевшему правильно жить...

Олег Виговский. * * *

Пусть говорят, что в двадцать первом веке
Мы все начнём иной судьбы отсчёт —
Но тень канала, фонаря, аптеки
И на него, тревожная, падёт.

Падёт на Кремль, дворы Замоскворечья,
На петербургский каторжный гранит.
И вновь душа — большая, человечья! —
Под мокрым снегом в полночь задрожит.

И вновь устанет у чужого крова
Дверной звонок напрасно дребезжать —
В тот самый миг, когда живого слова
Нам для спасенья будет не хватать;
Когда зима земле наворожила
Бессонницу — с тоскою пополам:
Как будто жизнь совсем не проходила,
А только снилась, только снилась нам...

Александр Гутов

Крейсер

У камня особый запах. Как будто в еловых лапах,
отчетливо вырезные стоят вертикально лесные
всемирные артефакты, где озеро в центре отвесно,
но пульс, почему — неизвестно, ускорил биения такты.

• ФАНТОМ

Могучий, углом, как крейсер, кусок шоколадного торта.
Бокал — что твоя реторта какого-нибудь Бертольда;
в бокале индийский гейзер, светящийся круг лимона —
три евро, а в прошлом — сольдо.
Потертые джинсы — Монна, неотличимость ранга,
в наушниках звуки Ганга смиряют ее гормоны.
Поклонники шестидесятых лежат в живописных позах,
бравирюя стертым видом, чуть-чуть лениво скользят их
глаза за толпой туристов, тропой миллионов прежних
идущих за местным гидом. Тревожатся власти о дозах,
но ищут причины во внешних. У нас бы сказали: пристав
не правит, как должно, службу. Грешат на эпоху и нравы.
Кипение жизненной лавы я вижу в чертах соседа,
но, сдержанны в проявленях эмоций, не выпьют старки:
какой-нибудь раб негоций, привыкший к подсчету марки,
а нынче считает в евро, тут нужен хороший невро патолог,
но не анатом. У нас бы ругнулись матом
на блеск чужого комфорта. Подходит к концу мой крейсер —
— фрагмент шоколадного торта, верней, он дошел до порта.

КОБЕЛЬ ЛЕГ

Зима роняет вес и что-то бор
передо мною кобель и забор,
роняет вес немного, грамм по сто;
забор бескрайний, что степной просто
он заключает скромный двор в каре,
ты знаешь, что за толик во дворе,
где мужики роняют до ми но,
а может быть, что соль до ля и ре?
Все происходит как в немом кино:
терзают то аккорды то друзей.
В заборе не отыщется лазей
ка — это египтянина душа
построил мавзолей — сказали: «Ша!»
Я тоже строил, помнится гараж
в Архангельске, и мы входили в раж,
а жрали целый день одну овся,
ни тебе рыбки и ни порося.

Посматривает строго кобелек,
вот притворился, что на землю лег,
и оттопырил ушки на вершок,
а кобель — это, знаешь, не дружок;
ему тебя зубами — трын-трава,
наверно, приготовил свой прыжок
и прыгнул бы, но он хотел едва,
как всякий, кто с младенчества в мешок
был запеленут и привык к нему,
как вы к забору, черт те почему,
как всякий, кто в забор уже влюблен,
как Ольга в бесконечный котильон;
как Волга, что гнала сперматозо
в Каспийское, а может быть, в Азо.

Наталья Волкова. Микроб (из Хилэра Беллока)

Микроб невероятно мал,
Никто его не замечал,
Но нам твердит ученых скоп:
Микроба видно в микроскоп.
Его свисающий язык,
Что к ста рядам зубов приник,
И семь взлохмаченных хвостов
В веселых пятнах всех цветов,
На каждом — красочный узор
Из лент, как будто на подбор;
Его бровей зеленый цвет —
Красы такой не видел свет.
Но мир науки убежден,
Что быть таким и должен он.
Давайте верить вместе в то,
О чем не ведает никто!

Александр Денисов.

Бабья осень 2006

Себя степенно пенно смерьте
по кант канвы,
мне, на беду, вне смерти
смердеть на вы.

Каблук высок — мелка грязь,
латунь — не медь,
уймись, умом смеркаясь,
на смену — смерть.
А в облаках — бокал Токая,
глаза разуй, лазурь — лоза,
и круг
от Каина до Кая,
и Герды дерзкая краса!..

Тут небо в шахматную клетку
Фолиант и буклет, клетка смежная,
вариант — клетки пешка никчёмная,
и одна королева — снежная,
а другая — фигура чёрная.

Точно чайная чернь изошрённая
плешки пешка в ферзях неизбежная,
и верзила одна — фишка чёрная,
а другая — в футляре и снежная.

И стена невдомёк испещрённая,
крова кромка нескромно кромешная,
а в глазок форма чёрная
наблюдает, как скомкана снежная...
Гони пургу
Пурга на Бург, букварь бугрист,
последний писк — в песцах по это,

и воздух бел, как писчий лист,
под пышущим пером поэта.

Под гон пурги бугрист хорей,
а воздух бел, как после прачки,
и руки рыскают скорей
пером испачкать лист из пачки.

И ямб бугрист, грубит пурга,
качнув, как чара, на карачки,
но помелом с пером рука
на лист не чающий со спячки!..

Вереск с реверса Севера

Не синее в сенях Север Юга,
где Востока восторг воском заперт,
дань — воз в торг — и осетр, и северюга
для нахрапа Востока на Запад.

Невдомёк, не поймёт Север Юга,
и Красу — не во струг, а за борт,
и на стяг, разве в ругань зверюга —
рыком-рокотом стык Восток-Запад.

Не спеши шевелить швеллер юта,
и до «изма» змеи хвост, ох, цапать,
не сильнее в санях Север Юга,
если рельсы с Востока на Запад.

Как клевет клевету по клеверу,
ретив ветер с Юга надул
в западную круче Запада к Северу
течью точность Восточных натур.

Се вернее, чем Север, бессонница,
но не дольше, чем Западом крюк,
как Восток не восточнее солнца,
и весна не южнее, чем Юг!..

Денис Карасёв. * * *

Я только что вспомнил, но лучше забыть об этом —
маячат в бездонном окне не стволы — скелеты,
и тихо мерцает их бледная плоть из газа,
и медленно мается маятник медным глазом.
Но вот часовая стрелка сошлась с минутной,
я только что вспомнил, что снова случилось утро,
спросонья очнулось в пространстве холодным ветром,
и это — потеря различий костей и веток,
суставов деревьев, обглоданных ветром, голых,
я только что вспомнил — вокруг распахнулся город,
раскрылся домами справа, домами слева,
я только что слышал, как хлопнуло ставнем небо,
там ляжет граница крылом самолёта — наискось,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

когда от семи холмов до горы Синайской
не хватит земли, чтобы выложить в ряд могилы,
и память моя — разлад с материей мира.
И если учесть, что живое стремится к жизни,
то жизнь — отторжение кварков, вы запишите,
как всё расставание чуждого и чужого,
чья встреча обычно заканчивается враждою.
Так утренний город пространством окна пронизан,
так время прощается с часовым механизмом,
так ветви костями становятся, кости — ветром,
и память уходит, но лучше забыть об этом.

Михаил Майгель. Скрижали

Было много, было мало, прахом было, пеплом стало,
Плотью призрачных видений облечен скелет мечты.
Что полюбишь — то и губит, самым главным страхом будет,
Бьет ключом коварный гений, портит чистые листы.
От чумы и до холеры синим пламенем Венеры
Выжигает на аорте тонкий вензель красота.
Что смеется — то обманет, страхом было, болью станет:
Основное в этом спорте — верить с чистого листа.

В нашей маленькой часовне тлеют угольки в жаровне,
Сквозь малиновые лики желто-алый льется луч.
Реет кондор в поднебесье, имя жертвы славя песней —
Слышишь маленькие крики над грядами горных круч?
В кущах ангельского сада что тебе, безумный, надо,
Если медлишь на пороге, если платишь без суда —
Славу солнца над пустыней, иероглиф царских линий?
Только парус одинокий ходит по морю туда.

Долбит клювом контур круга цапля сизая Шух-Шух-Га:
Не стесняйся, длинный кореш, переводчика лови
В царстве кролика Вабассо; так ковбой бросает лассо
И, сдувая пену с кваса, рассуждает о любви.
Чем с таким болваном спорить, лучше слово на заборе
Начерти — аудиторий милovidные войска
Вмиг захлопают в ладоши, назовут тебя хорошим,
На шелках поправят броши и забудут на века.

Хоть питайся разносолом, хоть броди по миру голым,
Примыкай к различным школам и учись у малых сих,
Но от Фив до Вавилона тот, кто любит — вне закона,
Он в конце получит фигу и опять напишет стих.
Так и явятся к Шеол, и столь унылым новоселом
Будет автор, — у поэмы строк не хватит со стыда.
И когда их тьма укроет, над базальтовой стеною
Вспыхнет яростно и немо ярко-синяя звезда.

Светлана Нечай. Спор

Она клялась ему в любви,
И клейкие листочки трогала.
В густой посадке плыли тополи,

И птицы свои трели пробовали.
А он был богом и молчал.
«Ты разве этого хотел,
С надеждой глядя и упреком?
Твои слова, что птичий клекот,
Непостижимы для живых!
На том конце, на том конце,
На золотом твоём крыльце,
Все понарошку и не больно,
И невесомы пальцы божьи,
Когда пережимают горло!
В прохладе зрительного зала
Тебе живых уже не жалко!..»
Он перебил ее как бог.
Ее подмял под левый борт
Какой-то шальной грузовик.
Бог к пререканьям не привык.

Илья Трофимов. * * *

Деревья в городе
В побелке по колено.
В нём снова женятся,
Здесь родилась Елена.
На стогнах
Малолетние цари
Не в первый раз
Стреляют сигареты...
Когда-нибудь
И здесь настанет лето,
И ночь придёт
На огонёк зари.

А между тем,
На белые тропинки
С известной преданностью
Падают снежинки,
И листья под ногой
Хрустят, как сухари.

Василий Чесноков. * * *

Витринам вреден долгий сон.
Я знаю, я читал об этом в книгах,
когда есть мутное пятно на выдох —
приходит он

раскрасить толстое стекло
узорами естественных фракталов,
но этого мне показалось мало.
Не помогло

и обещанье долгих зим
знакомого лица в Гидрометцентре.
Запутался в шальном попутном ветре,

как бот в грязи,

заветный мой будильник-клич.
Хрустящий сахар выпал на асфальта
форзац. Непреднамеренное сальто
ввернул кирпич:

«Не спать, не стыть, не завлекать!»
Нет лучшего спасения в тумане,
чем твердый эталон напоминаний
издалека.

Марина Чиркова. Не зима

август. веранда. чай с бергамотом.
красная цинния. жёлтые листья
в ярко-зелёной траве. самолётный
след через бледное небо. таинственный
жук-древоед тихо тикает в ножке
гнутого временем венского стула —
не антикварного, видимо, всё же:
розы — засохли, блажь — не уснула.
авиашоу длится за кадром,
за горизонтом, качает деревья...
блажь? это нерв через кривду и правду —
прочно приручен — но честно алеет:
по мановению — и не удержишь,
холод — и “боинга” страстная поза...

...август — интрижка курортная между
ромовой бабой и дедом морозом.

Анна Чернигова. * * *

Столько лет проходила с душой нараспашку,
И никто ничего!.. Это в наше-то время!
Повезло тебе, видно, родиться в рубашке.
И ни разу судьба не свела тебя с теми,
У кого без падений обходятся взлеты,
Зато кровь на локтях и на лицах морщины.
Почитала б ты старого мудрого Гете,
Перестала бы думать, что осень — мужчина...
Я заметила: вечно ты чем-нибудь бредишь!
Вот теперь собралась на другую планету,
Говоришь: это родина, держишь билеты...
Чепуха!
Позвони мне, как только доедешь...

ША, МАНЯ, Я – ДУБРОВСКИЙ

Статьи из Альтернативного Энциклопедического Словаря (АЭС)

ЛЕС БИАНКИ — знаменитый ЛЕС, воспетый БИАНКИ в его многочисленных произведениях. Как известно, прекрасный писатель Виталий Бианки издавал свою «Лесную газету на каждый год», каковая, будучи предназначена для детей, задевала кое-какие струны и в душах взрослых отроков и отроковиц. Одно из первых в России и самое известное место еженедельного сбора представительниц нетрадиционной ориентации находилось недалеко от г. Пушкин, на полянке в лесу. С годами сей пункт сбора приобрел статус знакового: там, в частности, посвящали в женолюбвицы (термин, бытовавший в те времена). Младые феминины, начитавшись произведений вышеозначенного литератора, обращали взоры на окружающие пошлость и разруху, прекращали разом любить мужчин и говорили себе: «Пойду в лес Бианки», — подразумевая указанную полянку. Виталий Валентинович так был очарован этим явлением, что исподволь воспевал его между строк в своих «Лесных былях и небылицах», «Записках охотника» и мелких рассказах и сказках. Оттого и слог получался мягким, как бы пронизанным любовью к миру Природы. Но Бианки просто любил смотреть на девушек. Таким образом лесбиянки впервые (как явление) возникли в Советской России под Петроградом в 1928 г., хотя некоторые источники указывают на исторические корни этой русской традиции, связанные с 25-летним сроком солдатской службы. Постепенно закрепился новый термин. Сначала в метафорической форме: «пойти в лес Бианки» значило вступить в стройные ряды и т.д. Потом уже путем агглютинации образовались «лесбиянки». Л.Б. — уникальное явление русской культуры.

ПРИТОМИТЬСЯ (по аналогии с глг. «прибарахлиться») — приобрести очередной том какого-либо многотомного издания. Есть предположение, что слова «томление, утомление» имеют к книгам самое непосредственное отношение. Во-первых, как мы знаем, фолианты раньше писались от руки, да и весили немало, следовательно, возиться с томами — дело весьма утомительное. Во-вторых, чтобы достать какую-либо нужную книгу, том, приходилось побегать, то есть подустать. И, в-третьих, что может быть прекраснее чувства сладостного томления в предвкушении момента, когда ты, получив желанный талмуд, откроешь его и погрузишься в чтение?

ТЕЛАЛАХЧИКПОХЧИКТЕНАЦХВАЛТУАНЛИКТАМУАНТИНКОЙ-ОТЛЬ — ацтекский бог победы, риторики и стихосложения. Сын Тецкатлипоки и богини Коатликуэ.

Ацтеки молились Т. об избавлении от заикания и дислексии. О здоровом прагматизме ацтеков можно судить по тому факту, что Т. помогал излечиться от заикания только тому страждущему, который мог 1500 раз подряд повторить его имя без заикания. Излишне говорить, что к моменту произнесения молитвы жрецам Т. оставалось только объяснить излечение божественным вмешательством и получить плату за услугу. Для повышения терапевтического эффекта на излечение давались сutki.

Тот, кто через 24 часа был не в состоянии помолиться должным образом, приносился в жертву, а его имущество в знак порицания и презрения разделялось между жрецами. Из немногих дошедших до нас источников известно, что соискатель мог быть принят в Ацтекский Союз писателей, только выучив наизусть имя этого бога. Поэтому в разное время Союз включал от 1 до 3 членов. Объединение у одного бога стольких важных функций сыграло с ацтеками злую шутку. При штурме ацтекской столицы Теночтитлан войсками Кортеса император Монтесума попытался обратиться к Т. за помощью в бою, но едва успел произнести его имя до половины, как столица пала. Известны игрушки, изображавшие Т. и использовавшиеся ацтеками для обучения своих детей правильной речи. Игрушку, называвшуюся АЦТОЙ (ац. ацтекский + *той* игрушка на языке ольмека), следовало брать в рот и пытаться произнести любое слово в присутствии товарищей по школе. Тот, кто угадывал слово, не приносился в жертву, а его имущество в знак восхищения и уважения разделялось между жрецами.

ШАМАН — одно из прозвищ предводителя разбойников Бурьяна (он же Дурьян, Кальян, Кальсон, Добряк, Дубровский, Баклан, Смуглян, Балаган). Прозвище происходит от искаженного «Ша, Маня, я Дубровский» и закрепилось за этим достопочтенным романтиком больших дорог после неоднократного «ошаманивания» им честных, но бедных девушек. Разновидностями ошаманивания считаются заманивание, обман и обмишуривание (одновременно применяется на Мишах и Шурах), выкобенивание, заколебывание, ошарашивание и др. Одним из основных методов ошаманивания, открытых Бурьяном, был метод «флуктукции», отличавшийся особой жестокостью и изощренностью, т.к. бурьяновское «Мадам, разрешите Вас флуктюкнуть» вызывало незамедлительную флуктуацию со стороны бедных, но честных девушек. Еще великий А.С. Пушкин предупреждал о коварстве и античеловечности шаманских методов: «[Старик:] В твой терем? нет! спасибо! Заманишь, а потом меня, пожалуй, Удавишь ожерельем» («Русалка»). Но, несмотря на активные протесты «Гринпис», в наше время глобализации, высоких и низких технологий практика ошаманивания активно используется адептами НЛП, торговцами, политиками, шоуменами и другими прослойками и слоями населения.

ЯСНЫЙ ПЕНЬ — исторический памятник на Ясной Поляне. Любимый пень великого русского писателя графа Л.Н. Толстого, сидя на котором он сочинял все свои бессмертные произведения. Ему же посвящена единственная песня, сочиненная Толстым, начинающаяся словами: «Какой чудесный день, Какой чудесный пень!..» Всем известно, что граф Л.Н. Толстой любил детей, женщин и выпить. В настроении своем великий писатель был весьма переменчив: то ясным соколом ходит, а то пнявый, смурной — тогда он шел на Ясную Поляну развеивать свои печали. Жена писателя, Софья Андреевна, сама частенько отсылала мужа на природу, на свежий воздух: «Иди-ка в ПЕНЬ, Лёвушка!» — дабы он там мог сосредоточиться на своих произведениях, а не слонялся по дому и не дергал дворовых девок за подолы. Из мемуаров современника графа Толстого: «Их

сиятельство шляются, бывалоча, цельный день, а то и цельную ночь. Представители прогрессивного человечества волноваться начинают, а Софья Андреевна их утешает — всё, дескать, в порядке: граф, мол, присмотрен, ПЕНЬ, мол, с ним». Когда же визитеры спрашивали Толстого, к примеру: «Любите ли вы детей, граф?» — он клялся своим любимцем: «Дык, ЯСЕН ПЕНЬ!» — ибо тот один знал все сокровенные мысли великого русского писателя. Я.П. остался от того самого ДУБА (см. Дуб), который описывает А.С. Пушкин в бессмертном стихе «У Лукоморья дуб зелёный...» Это явный намёк, что рядом с Ясной Поляной следует искать и таинственную погибшую цивилизацию Лукоморье. Существует версия, что Я.П. был от ясеня, т.к. во многих засекреченных источниках, касающихся жизни великого писателя, употребляется выражение «яшень-пень». Также доподлинно известно, что по весне от Я.П. начинали отрастать побеги с листьями, по поводу чего писатель однажды заметил: «С дуба падают листья ясеня!..» Посетители музея-заповедника Ясная Поляна непременно желают посидеть на любимом пне великого классика русской литературы и приобщиться таким образом к прекрасному.

(Авторы воспроизведенных статей в порядке следования: StarMaugli, Вадим Мелешко, Meto, Lacrechia, Makimoto. Дополнительная информация о Словаре: http://community.livejournal.com/ru_ace/profile.)

Подготовила Анна НОВОМЛИНСКАЯ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА ОТ ОБЕЗЬЯНЫ

Человек, как известно, произошёл от обезьяны. Случилось это в 1857 году в Лондоне.

Одна из обитавших в лондонском зоопарке мартышек по кличке Уошо, к удивлению служителей зоопарка, внезапно родила человеческого детёныша. К счастью, погода в это время была тёплая — человек выжил. Уошо научила его ходить и говорить так, как это делали посетители зоопарка. Человека назвали Чарльз.

Раннее детство Чарльза прошло на удивление однообразно. В его углу вольера ежедневно убирался служитель, детёнышу приносили бананы, он дразнил посетителей и выискивал насекомых у своих товарищей обезьян. Кроме того, всё раннее детство Чарльз ходил и говорил.

С семи лет, как и положено человеческому детёнышу, Чарльз поступил в школу, где его обучили сидеть и молчать. На первый взгляд, этим он несколько приблизился к обезьяне или даже крокодилу, но что есть человек? — тот же крокодил (напомним читателю, что крокодил также произошёл от обезьяны, но значительно раньше — в Древнем Египте). Кроме того, Чарльз приступил к изучению азбуки.

В 1867 году Уошо умерла, и Чарльза отдали в вольер со слонами. К тому времени он уже умел писать и читать, посещал близлежащую англиканскую церковь и мечтал стать богословом.

Церковь, которую посещал Чарльз, навещал также некий бенедиктинец по имени отец Грегор, на досуге сажавший горох. Бенедиктинец научил Чарльза стоять коленями на горохе, биться лбом о церковный пол и считать до трёх (надо сказать, с учителями математики в лондонских школах в то время было туго, и научиться счёту можно было только у заезжих монахов). Чарльз воспользовался ценным опытом и обучил счёту сперва слонов своего вольера, а затем и других животных зоопарка. За это знание он ежедневно получал от них изрядное количество мяса, сена, бананов, рыбы и костей, которыми приторговывал на товарной бирже в Сохо. Торговля шла успешно — умение считать и природная склонность искать вшей в густой шерсти сородичей немало помогли юному Чарльзу. Особенно высокий доход приносили кости.

Так продолжалось два года, на протяжении которых Чарльз не только сколотил приличный капитал, но и смог купить себе титул сэра. Старые биржевики называли юного выскочку костяным сэром.

В 1869 году разразился скандал: выяснилось, что отцом Чарльза был работавший в зоопарке дворник-таджик по имени Али. Дворник был немедленно уволен, запил и вскоре умер.

В 1871 году костяной сэр Чарльз ибн Али поступает на богословский факультет университета в Манчестере, причём поступает самостоятельно. Любезное предложение отца Грегора о протекции он гордо

отклоняет, заявив, что Богу угодны ищущие совершенства, а не защиты. Раздосадованный бенедиктинец, согласно легенде, ответил ядовитым: «Бог не играет в кости!». И действительно, в Манчестерском университете Чарльз не доучивается, поскольку им овладевает страсть к путешествиям. На пароме Чарльз переправляется в Европу, путешествует пешком и на велосипеде, доезжает до России, где служит письмоводителем в одной из адвокатских контор Санкт-Петербурга.

Удивительный случай произошёл с ним в ходе одного из путешествий по России. Остановившись на ночлег после трудного дневного пути, Чарльз ибн Али привязал свой велосипед к торчащему из-под снега столбику. Каково же было его удивление, когда, проснувшись, он обнаружил себя на паперти русского православного храма, а свой велосипед — привязанным к кресту на главном куполе этого храма! Выяснилось, что за ночь снег растаял.

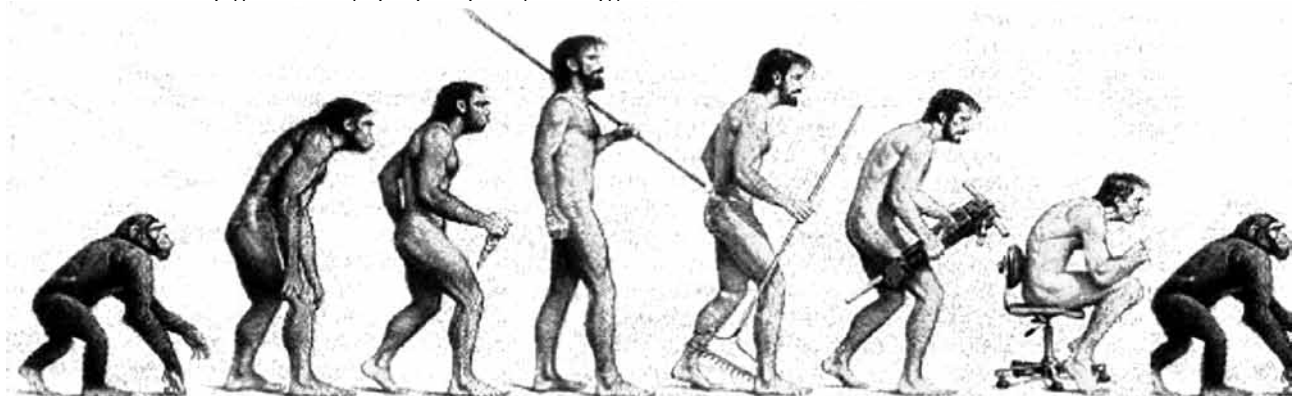
Костяной сэр поступил очень разумно: зная, что велосипед был на сносях, Чарльз дождался, пока тот родит маленького трёхколёсного велосипедика, поймал приплод и продолжил путь на своём новом железном жеребёнке. По слухам, отцом велосипедика был слуга Чарльза, некто Гексли, сопровождавший костяного сэра в путешествии.

Карьера письмоводителя не только превратила Чарльза ибн Али из завязатого путешественника в человека осёдлого, но и подорвала его волю к перемене мест. Как сообщали петербуржцы, каждый день в одно и то же время можно было наблюдать погружённого в свои мысли Чарльза, меряющего шагами аллею, по которой лежал его путь со съёмных номеров до адвокатской конторы. За ним семенил престарелый Гексли с зонтиком. Таков стал единственный маршрут Чарльза на протяжении всего петербургского периода жизни.

Сведений о том, как складывалась судьба Чарльза после его увольнения из адвокатской конторы, сохранилось мало. По слухам, он закончил образование в Санкт-Петербурге и вращался в научных кругах, написал несколько научных трудов, неизменно называвшихся «Критиками» (труды не сохранились). Известно, что революции 1917 года Чарльз ибн Али встретил 60-летним стариком и не принял её идеалов. Самое поразительное, что специально для высылки его и ряда его товарищей из Страны Советов был организован второй «философский пароход» под названием «Бигль». Вынужденное путешествие подорвало у человека, потерявшего волю к перемене мест, волю к жизни.

В Парижском зоопарке следы Чарльза ибн Али теряются. Местонахождение его могилы неизвестно. Могила его матери Уошо, судя по всему, находится на территории лондонского зоопарка.

Сергей АЛХУТОВ

Наталья ИВАНОВА

БОГ ОТВЛЕКСЯ, КОРАБЛЬ УТОНУЛ

А потом их расстреляли.

— Повтори свою задачу.

— Оберегать и защищать. Все люди слабы и беззащитны.

— А также?

— А также в случае стабильной ситуации с моими подопечными осуществлять содействие другим моим коллегам. Особенно — в кри- тических ситуациях.

— И где ты был? Когда ты был НАМ нужен?

— Я помогал моим подопечным, Всевышний.

(из протокола встречи Бога с ангелами-хранителями)

Кто был Он?

В стремительном потоке жизни большого города это и неважно. Ты, он или тот в дорогом пальто и с дипломатом, и золотой VIСоy в бумажнике, или этот в спортивной куртке и плеером, и «Сплином» в наушниках... Не успеть увидеть, не успеть оценить, не успеть... Кру- тится поток мыслей, вихрь информации давно ворвался в черепные коробки людей и мечется, и хочет снести все на своем пути.

Кто была Она?

Легкое дуновение свежего ветерка, пронесшегося мимо. Как по- казалось Ему, когда Он впервые Ее увидел. Джинсы, модная юбка из бутика или штаны цвета хаки, деловой костюм или майка с Че... Весь мир отразился в Ее глазах. Так Ему показалось в тот момент.

Она Ему понравилась сразу. Он Ей почти сразу, точнее, присмо- тревшись и влюбившись со... второго взгляда.

Если составить путеводитель их встреч и свиданий, то маршруты и просты, и оригинальны (большой город это позволяет):

Уважаемые гости нашего города, сейчас мы проедем по набереж- ным Москвы-реки, прогуляемся по паркам, посетим Александровский сад и Красную площадь, нас ждут залы Третьяковской галереи и «Фото- биеннале» в Манеже, вечером мы посидим в уютных кафешках на Ка- мергерском переулке и Кузнецком мосту. На выходных мы проедем за город, полетаем на прекрасном изобретении братьев Монгольфье, прыгнем с парашютом, галопом проскачем на лошадях по подмо- сковным полям, покатаемся на горных лыжах и велосипедах, сходим за грибами и пожарим шашлык... Мы удивимся тому маленькому букету ландышей в центре зала Московского метрополитена, билетам на концерт любимой рок-группы, плаванию вдвоем с дельфинами, встрече рассвета с картонными стаканчиками обжигающего кофе из Макдональдс «на вынос» (поверьте, он самый вкусный на рассвете на набережной).

Совместные интересы, долгие разговоры при свете вечерних фона- рей, простой счастливый Ее смех под проливным дождем и радостный Его, впервые поцеловавшего её мокрое от капель весеннего дождя лицо.

Весна светила Им солнцем выходных и освежала теплым ветер- ком ночей.

Сначала — восторг и радость увлечения. Все новое интересно. Чув- ства легки, желания будоражат ум и тело. Сердце пульсирует в ритме allegro.

Потом начинаются прояснение и сопоставление. Сравнительный анализ душ и принципов «не всегда позитивен с точки зрения ожида- ний»... Да это же штампик в личное дело чувств двоих!.. Отказ в визе в ту страну, куда все хотим попасть, но не всегда открыто подаем до- кументы на вид на жительство... Страну любви и искренности. Один из двоих решает стать «дипломатом», сесть за решетчатое окно посоль- ства... и отказать в визе. «Вы употребляли наркотики?» — «Да, я был влюблен. Но сейчас уже нет. Закодировался».

Что произошло первым? Ему показалось, что Его не слушали, ког- да он рассказывал новости последнего совещания/встречи фанатов футбольного клуба/заседания гаражного кооператива? Или Ей, когда не вовремя оценили новое приобретение из осенне-зимней коллек- ции/сломалась-машина-прямо-в-центре-города-в-час-пик-а-твой- мобильник-был-отключен?

Или потом, когда, обидевшись, кто-то промолчал и не помог дру- гому понять и исправить ту маленькую опечатку в своем поведении?

Они уже и не знали... Скорость нарастала.

В этом мире мы несемся на диких скоростях. Что-то важное упу- ская, ибо тормозной путь слишком длинен, и все мы боимся, что не успеем остановиться, и нас занесет. И потому подхватываем и ци- климся на том, что есть. Что есть в ассортименте. А в ассортименте этого придорожного «фастфуда» наших чувств — слишком много лишнего. Мелких обид, гордости, принципов. Этот «хэппи-мил» слиш- ком дорог, чтобы на него тратить.

— Как ты мог отвлечься, Всевышний? Ты должен был оберегать корабль в пути.

— Твои мелкие жалобы, человек, отвлекают постоянно.

— Они не мелкие, а очень важные.

— А что важно в этой жизни, человек? Пока мы с тобой разби- раем твои жалобы и обиды, на этой стороне Земли (поворачивая земной шарик рукой) есть шанс спасти еще один корабль. Что будем делать? Давай решать вместе.

(из протокола встречи Бога с человеком)

Новогодняя вечеринка — штука, придуманная специально для осмысления степени нашего одиночества и, наоборот, единения с се- мьей. В конце декабря мы понимаем, а есть ли нам с кем провести этот праздник. Пронзительно тонко придумал Бог для людей это ис- пытание: куда же деть себя в новогоднюю ночь.

Ангелы-хранители, вы сделали лишь одно, но самое важное дело: Они были вместе в эту ночь.

Красивые свечи, отражающиеся в стеклянных шарах на новогодней елке. Хлопок шампанского. Пузырьки в бокале. Бой курантов. Веселый смех.

Но маленькие обиды где-то еще бормотали внутри Обоих. Кто сделал первый шаг: Он или Она?

Но пока что они просто стояли на новогодней улице. Она, улыба- ясь, смотрела на неугомонную толпу подростков с бенгальскими огня- ми и хлопушками. Он курил.

Должен был быть фейерверк. Какой-то пацан что-то увлеченно сооружает в снегу. Современный мир: для простого новогоднего фей-

ерверка теперь практически любой ребенок может закопать в снег почти артиллерийскую установку на 40 залпов...

— Один маленький жест, человек. И ты поймешь, что все до банального просто. И что все твои жалобы не стоят моих усилий. Ты все сам можешь решить.

— Всевышний, одним жестом не изменить.

— Ты сам решишь, человек. Ты сам.

(из протокола встречи Бога с человеком)

А потом их расстреляли.

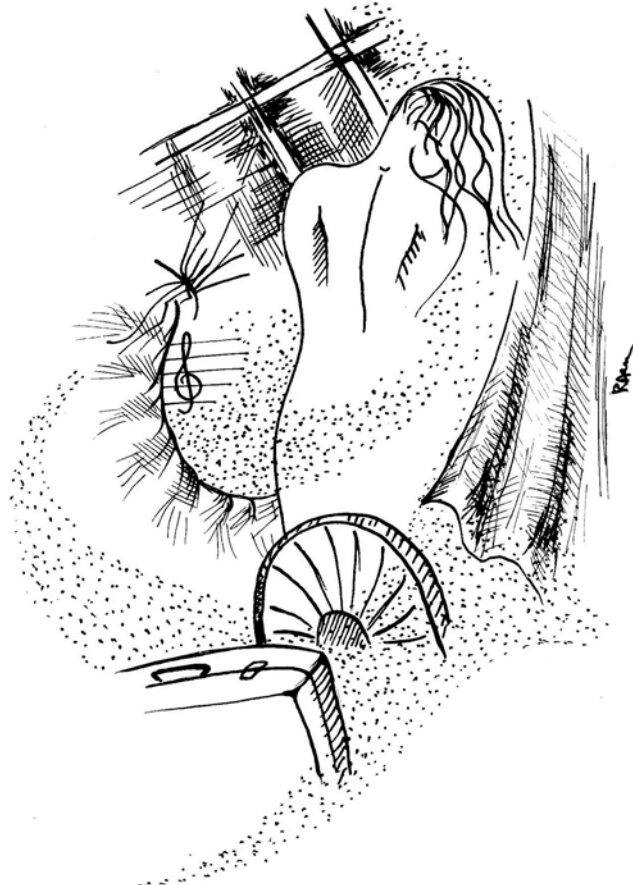
Раздался хлопок. Это был четкий, чуть приглушенный выстрел. Вспышки почти не было. Они оба повернули голову на звук. Она, испугавшись, чуть наклонила голову и зажмурилась. Он инстинктивно рванулся закрыть Ее собой, успев лишь рукой прижать Ее к груди и упасть вместе с Ней в снег. Секунды для броска, чтобы спасти Ее. Чтобы спастись...

И тишина.

Громкий радостный смех. И еще выстрелы. Легкие разноцветные конфетти и искры сыплются на голову и плечи. Выстрелы петард продолжают разрывать морозный воздух новогодней ночи.

Чуть испуганно, быстро моргая длинными ресницами, на которых осели несколько самых смелых конфетти, Она смотрела на Него и на этот мир, где за любовь Их могли расстрелять только из новогодних хлопушек. Выстрелы петард же расстреляли небо. Ирония судьбы. А Он засмеялся. Было просто и радостно. Шел снег.

Легко прошелестели крылья в небе. Ангелы-хранители могли теперь заняться делами в других регионах планеты.

Анна МАКСИМОВА

ДАЛЕКО, ЕЩЁ ДАЛЬШЕ

— Смотри-ка, кто это тут у меня проснулся? Кто же эта миленькая, маленькая красавица?

Женщина наклонилась над кроватью и с нежностью приникла губами к покрасневшему личику величиною с кулачок.

— Почему она так кричит?.. — неуверенно спросил мужчина, повышая голос, чтобы перекрыть крохотный, извивающийся сверточек.

— Она хочет кушать, — улыбнулась женщина и распахнула халат, укладывая малышку на колени. — Чего уж тут непонятного?

Мужчина заворожено смотрел, как маленький ротик после нескольких неудачных попыток сумел ухватиться за сосок — и притих, сосредоточенно зачмокав.

— Знаешь, я специально купила желтый халат, — тихо прошептала Марьяна, прижимая малышку к груди. — Говорят, совсем маленькие детки различают только желтый цвет.

— Глупости, — так же тихо шепнул Николай и скорчил гримасу недоверия. — Много они понимают...

— А тебе откуда знать, много или мало, а? — усмехнулась Марьяна. Ее озорное лицо с легкой сеточкой морщинок светилось лукавством.

— Ну... Может, и неоткуда, — сразу сдался Николай.

— Как?! Разве сегодня ты не намерен спорить? — глаза Марьяны округлились в неспитворном удивлении.

— Ни сегодня, ни когда бы то ни было, — улыбнулся Николай и кивнул в сторону дочери. — Теперь у меня нет никаких шансов победить. Вас-то двое, а я — один!

Марьяна звонко засмеялась. Малышка серьезно взглянула на маму из-под сбившегося к переносице чепчика и, оторвавшись, наконец, от соска, удовлетворенно засопела.

— Что-то мало поела... — встревоженно заметил Николай. — Так она никогда не вырастет!

Марьяна снова рассмеялась.

— А ты попробуй, скажи это ей! Вдруг она тебя послушается?

Николай ехидно взглянул на жену и с деланной серьезностью опустил на колени перед дочерью.

— Знаешь что, Дарья? Если ты будешь так мало есть... — начал он, нетерпеливо вглядываясь в крохотное, любимое личико и тщетно пытаясь завладеть вниманием голубых глазок, но их взгляд словно прирос к желтым кармашкам с веселыми цветами.

Николай расстроено отодвинулся и демонстративно скрестил руки на груди.

— Ну вот. А все твой проклятый желтый халат! Этак она на меня и не посмотрит никогда!

— Глупенький! — хохотнула Марьяна и высвободила одну руку, чтобы потрепать мужа по голове. — Да ты сам ребенок еще!

Мужчина пропустил ее слова мимо ушей и задумчиво устался на дочку. Та снова принялась хныкать.

— Она у нас замечательная. Даже когда плачет, — усмехнулся Николай.

Тонкие, красивые губы Марьяны растянулись в мечтательной улыбке.

— Только... Знаешь, что не дает мне покоя?..

Марьяна перестала улыбаться и подняла на мужа настороженный взгляд.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Ну? И что же это?

— Мне кажется... То есть я почти уверен... В общем, ты никогда не замечала, как она смотрит на нас?

— А как она смотрит? — брови Марьяны недоуменно взлетели вверх. — Косит, что ли, немного? Так это пройдет скоро!

— Нет, я не о том. Точнее, не совсем о том...

— Ну так не тяни резину! Что еще не так?

Малышка плакала все сильнее. Марьяна приподняла ее вертикально, крепко прижимая животиком к своей груди и нежно подерживая головку. Девочка срыгнула — и немедленно успокоилась. Марьяна бережно опустила ее на пеленальный столик и развернула пеленки, высвобождая маленькую попку из плена мокрого памперса.

— Ну, и как же она смотрит? — спросила Марьяна, уже спокойнее.

— Да так, словно ей как минимум лет двадцать, а то и все пятьдесят! — выпалил Николай и замолчал.

Марьяна не ответила, сосредоточенно распаковывая новый подгузник.

Николай терпеливо ждал, всматриваясь в лицо жены, и ему показалось, что он увидел неясный призрак страха, промелькнувший в ее глазах.

— Тебе ведь ТОЖЕ так показалось, да? — осторожно спросил он.

— Знаешь, так, наверное, всем родителям кажется. Выкинь это из головы. Наверное, так и должно быть. Поддай-ка мне лучше вон тот крем под подгузник...

— *Зажим!*

— *Зажим.*

— *Кровь и плазма внутриартериально — есть.*

— *Церебральная аноксия. Внутреннее кровоотечение продолжается...*

— *Фибрилляция желудочков!*

— *Пять тысяч вольт.*

— *Отойти от больного!*

— *Ничего.*

— *Повторили. Семь тысяч.*

— *Отойти от больного!*

— *Ну, сколько там пищит?*

— *Двадцать.*

— *Жить будешь! Слышал меня, везунчик?*

— Ну, а теперь-то в чем дело? Дети что, ничего другого не умеют, кроме как кричать, будто их режут? — с наигранным сарказмом воскликнул Николай.

Дарья плакала и извивалась у него на руках, и он опасливо присел на кровать, боясь выронить малышку.

Марьяна заглянула в комнату, торопливо допивая кружку давно остывшего чая.

— Вот так всегда! Даже чаю не дадут попить, — усмехнулась она, но тут же смягчилась, увидев на лице мужа неподдельный страх и растерянность. — Ты бы развернул ее да посмотрел, отчего она кричит. А то, сдаётся мне, скоро даже соседи унюхают причину. Тоже мне, папочка!

— Насмешница! — беззлобно отозвался Николай и развернул пеленки.

— *Пульса снова нет.*

— *Адреналин.*

— *Адреналин.*

— *Еще семь тысяч.*

— *Отойти от больного!*

— Знаешь, мне кажется, у нее что-то болит! — выкрикнул Николай, ощущая, как паника завладевает им все больше и больше. — Может, вызовем врача?

Марьяна испуганно смотрела на багровое от натуги личико дочери и молчала. Малышка яростно молотила кулачками по воздуху и едва ли не задыхалась от надрывного плача. Ее глаза без единой слезинки превратились в тонкие линии, а из широко открытого ротика уже не доносилось ни единого звука. Малышка хрипела и постанывала на вздохе.

— Вызывай! — не выдержал Николай. — Иначе я вызову! Твои укачивания тут не помогут!

Марьяна молчала, крепко прижимая к груди дочь.

Отвернувшись от мужа, она отошла к окну, распахнутому в белеющий цветами сад, и принялась тихонько шептать, не обращая внимания на срывающийся голос Николая, что-то оравшего в трубку мобильного телефона.

— Не нужно плакать, моя хорошая, — произнесла Марьяна почти бесшумно. — Я знаю, у тебя ничего не болит. Я в это верю...

Мама на мгновение замолчала — и прикоснулась губами к реденьким светлым волосикам. Девочка на ее руках зашла в очередном приступе беззвучного, страшного плача.

Марьяна вздрогнула и торопливо зашептала, слизнув слезу потрепавшимися губами:

— Посмотри, как здесь красиво. Скоро ты подрастешь, и я покажу тебе цветочки. Знаешь, какие они хорошенькие? Просто изумительные! И бабочек покажу, даже поймаю тебе одну...

Малышка всхлипнула, и ее лицо свела судорога боли.

— А ты у меня просто прелесть, — продолжала мама, не забывая о том, чтобы вытереть свое мокрое от слез лицо. А слезы текли и текли, заползая за ворот желтого халата и мгновенно впитываясь в мягкую ткань. — Ты еще лучше цветочков и бабочек, лучше всех и каждого на земле!..

Фрагменты связей, казавшихся такими устойчивыми, рухнули. Слабое — разорвалось мгновенно, надежное — длилось дольше, но лишь затем, чтобы сгинуть, растекилось на полу операционной кровавой лужей несправедливости.

— Ну, не плачь, пожалуйста!..

Боже, красное! Повсюду — красное! Куда же подевались другие цвета? Куда исчез весь мир? И куда исчез я сам?

— Тебе, наверное, просто страшно, да? Или все-таки животик болит? — послышалось в окровавленной темноте, и перед глазами заколыхалось странное, желтое пятно, такое манящее и дорогое.

Наконец-то! Желтое, а не красное! Значит, крови там нет... Там НЕТ моей крови!

— Ну, потерпи! Скоро все закончится! А ты снова будешь веселой и здоровой девочкой, ты вырастешь во-о-от такой большой! А я всегда буду тебя любить...

Агония, оборвавшая надежду и обрушившая разум в темноту, стремительно сносила преграду за преградой. Она была сильна. Сильнее, чем могло бы показаться тем, кто раз за разом подносили бесполезный дефибриллятор к опавшей грудной клетке.

Она была сильна. И потому ей ничего не стоило сломать последнюю стену человеческих сил, унося чужую жизнь туда, где никакой дефибриллятор не смог бы ее достать.

Далеко. И еще дальше.

Кулачки девочки разжались.

Малышка устало вздохнула и уснула, прижавшись раскрасневшейся щечкой к обнаженной груди матери.

Марьяна едва заметно выдохнула, опасаясь разбудить спящую дочку, и обернулась к Николаю, застывшему посреди комнаты с телефоном в руках. Его лицо выражало крайнее облегчение и, вместе с тем, недоверие.

Как тебе это удалось? — беззвучно сказали его губы.

Я — мама! — так же беззвучно ответила Марьяна и гордо улыбнулась сквозь высыхающие слезы.

— НЕПРАВДА! — кричала женщина, стуча по стеклу. — ПУСТИТЕ!

— *Его здесь нет, поверьте,* — уговаривала молоденькая медсестра, но ее никто не слышал. — *Вот идет врач... Успокойтесь, присядьте!*

Мужчина в голубом терпеливо оторвал ладони женщины от двери операционной. Женщина тут же без сил осела на холодный мраморный пол.

— *Он не мог умереть...* — повторяла она в пустоту, ни к кому не обращаясь. — *Ему только двадцать исполняется... в четверг...*

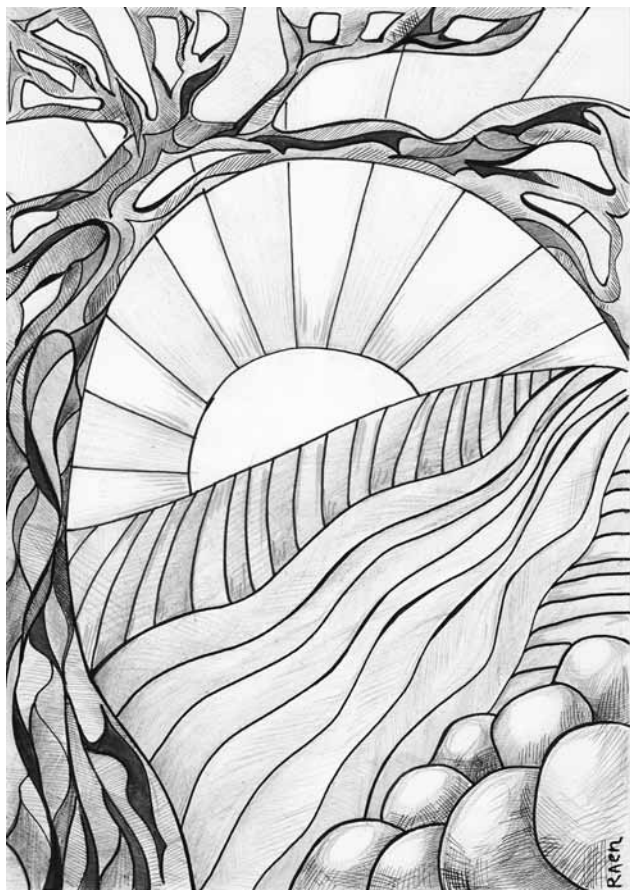
— *Поверьте, он не чувствовал боли,* — тихо произнес мужчина в черном и опустился на пол рядом с женщиной. *В складках его простой, грубой одежды тускло блеснуло распятие.*

Эхо, гулками шагами бродившее по больничному коридору, остановилось, прислушиваясь.

— *Ему не было страшно,* — шепнул мужчина, и эхо согласно кивнуло. — *Прошу вас, отпустите его. Не держите его своими слезами. Пусть он уйдет...*

— *Пусть он уйдет... Далеко...* — пропело эхо, торопливо уносясь в ослепительно белый сад вслед за тем, кого вызвалось провожать.

Далеко... И еще дальше.

Мария ПОЛЯНСКАЯ

КОГДА Я ЗАМОЛЧАЛА

Сегодня я уже и не помню, когда я замолчала. Если я не ошибаюсь, это было в тот день, когда я вдруг ясно поняла, что мне нечего и некому сказать. Когда я почему-то отчетливо осознала, что все, что только можно было в этой жизни вымолвить, я уже произнесла. Не могу доложить, что это приятное открытие, сделанное женщиной средних лет, болтушкой с раннего детства и любительницей шумных застолий и больших компаний. Скажу больше — это очень больно: вдруг перестать видеть смысл там, где он должен был быть и где всего пару часов назад он и находился.

На самом деле замолчать не так просто. Это почти то же самое, что бросить курить, я бросала, знаю. Думаешь, что проклятая сигарета тебе больше никогда не понадобится, но вдруг обнаруживаешь, что она снова неумолимо торчит изо рта. Тогда с маниакальным упорством ты вытягиваешь ее длинное худое тело и сминаешь его в руках, а пальцы привычно тянут новую из только что в беспамятстве купленной пачки. С голосом то же самое — стоит только принять решение, что будешь молчать, как язык нестерпимо начинает чесаться о зубы, а рот сам собой судорожно заглатывает воздух, и вот ты уже говоришь, болтаешь без умолку, несеешься на всех парах, скорость нарастает, воздух свистит в ушах и во рту, и тут ты замечаешь, что все окружающие тщетно пытаются остановить курьерский поезд, но уже поздно, состав летит под откос.

В тот раз все было не так. Я просто проснулась утром и открыла рот, чтобы сказать доброе утро тем, кто живет со мной дома. А потом я просто закрыла рот, потому что поняла, что ничего особенного я все равно не скажу. Все, что наполняет мой дом и мои отношения с близкими, давно обрело зримую, телесную форму жизни — мы живем бок о бок, спим в одной постели, вдыхаем запахи друг друга, тесно до боли соприкасаемся плотью, словом, говорим на языке тела, понятном без слов и предложений. Что нового скажут нашим телам звуки, вылетающие из моего рта? Ничего, ибо все уже выстрадано и сочтено — и боль, и страсть, и телесная нежность, и разлука, и одиночество — язык тела так разнообразен, что словам далеко до его выразительного строя. А уж в искусстве лгать языку тела нет равных. Ведь только в словах так легко обнаружить фальшь и неискренность. Но мое тело — оно никогда не подводило меня, словно воин и пахарь, оно было готово разрубить на куски и перепахать все, что попадалось мне на пути. Именно так я перепахала и перерубила собственного мужа, разумеется, не в физическом смысле слова. Ах, вы и сами видите, как врут эти слова, как ужасно они искажают смысл задуманного! Я всего лишь хотела сказать, что не словами, а умным, податливым, мягким, бездонным женским телом я приучила его к себе, привязала, сделала зависимым от малейших капризов, посадила на иглу острейшего телесного удовольствия. А что слова — разве не они были источником наших ссор, бессмысленных скандалов, когда каждая сторона лишь воображает, что слышит и понимает друг друга, хотя на самом деле слышит и узнает лишь самое себя? Разве могут слова примирить существование двух совершенно разных людей друг подле друга, если они связаны хрупкими мысленными ниточками? Нет, и я это почувствовала еще тогда, когда всю говорила, ломая собственную жизнь колкими неосторожными фразами. Нет, уж таких слов от меня больше не дождетесь, их запас вышел, иссяк, испарился, родник их ушел в глубину сухой почвы. Навсегда.

На самом деле я давно хотела замолчать, но у меня никак не получалось. Раньше я все время была кому-то нужна, мне звонили, ко мне при-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

ходили, теребили за край одежды, трогали за плечо, заглядывали в глаза, лезли языком в рот самые разные люди — дети, мужчины, коллеги по работе, случайные прохожие, словом, все, кто хотел что-нибудь от меня получить. И мне, в ту пору наивной, казалось, что им всем действительно нужна я, а не что-нибудь от меня. Тогда я еще не различала, где кончаюсь я и начинается то, что я в состоянии сделать. Муж хотел от меня детей, мама — внуков, начальники — работы, прохожие — сострадания, любовники — соития, соседи — одолжений, и конца их желаниям не было, а я все выполняла их, словно прилежная ученица, и все хотела быть лучше других и везде получать одни пятерки. Однако все это получалось у меня неважно, и я все время оправдывалась, словно мои жалкие извинения могли сделать кого-нибудь по-настоящему счастливым — ведь никому из них я так и не дала в полной мере того, чего они у меня просили. Это было весьма странно — как будто во сне я вязла в липкой пене слов-предварений, так и не дойдя до конца ни в одном деле. Да, я родила мужу ребенка — всего лишь одну хрупкую, болезненную некрасивую девочку, глядя на которую остро чувствуешь, что бывает, когда природа отдыхает. Да, я старательно выполняла работу, за которую мне временами платили неплохие деньги, но душа моя была так далеко от того, что я делала, и это всегда бросалось в глаза. Да, я занималась любовью с разными мужчинами, но никому из них не отдавалась, а лишь предоставляла в пользование частичку себя — разрозненные части тела, не более того. Да, я ходила по улицам, одалживала соль и сахар, платила за проезд, указывала дорогу к сберкассе, и все это словно происходило в страшном сне — говоришь, говоришь слова, они падают у тебя изо рта, словно белые камешки зубов, крошатся на полу, а те, кому они предназначены, гнушаются нагнуться и поднять эти ничего не стоящие осколки плоти. Я искренне думала, что мои слова, равно как и мои поступки, суть части меня, но на самом деле это было не так. Жаль, что я так поздно поняла, что это далеко не так. Мои поступки зависали в пространстве, словно экскременты в космосе, мои слова падали в пустоту, я же отступала в сторону и начинала все сначала — говорить, делать, говорить, делать...

Больше этого не будет, я клянусь, больше этого не будет, решила я тогда. И с тех пор не сказала ни слова. Должна признаться, что мне сразу же стало легче. Дело в том, что, перестав говорить, я перестала делать. Вслед за словами, несущими опасный смысл, я всегда совершала столь же двусмысленные или вовсе бессмысленные поступки, и этим окончательно запутывала себя, ибо, чтобы оправдаться, мне вновь приходилось прибегать к мелкосетчатой паутине слов, неизбежно влекущих за собой новые бесполезные поступки, и так до бесконечности, пока я сама не начинала терять всякое понимание причин и следствий того, что говорила и совершала. Порой я даже не представляла, как разрубить тугой узел, и тщетно ждала божественного промысла. Нельзя сказать, что ко мне не приходили откровения — нет, они приходили, но смысл их был так темен, что не моему скудному уму было под силу их истолковать. Мы так и существовали по отдельности — я, мои слова, мои поступки, мои откровения, и, в конечном счете, вся моя жизнь.

И началась новая жизнь — в молчании и покое с самой собой. Сначала я стала чужой на работе — да и кто поймет, если болтливая, мало заметная женщина средних лет вдруг подожмет губы и превратится в молчаливую статую с огромными спокойными глазами. На меня ходили смотреть целыми отделами, но вскоре оставили в покое, переведя на работу, не требующую никакого общения с людьми. Мало-помалу все привыкли к тому, что я молчу, и я почувствовала сначала уважение, а потом легкий, едва заметный ужас, окутывавший меня, словно туман в ясный и холодный августовский вечер. Они стали бояться говорить при мне о чем-

либо, кроме работы, они стали заботливы и услужливы, как будто я была существом высшего порядка и требовала поклонения. Затем я поняла, что они завидовали мне, особенно женщины. Меня стали ставить в пример, руководство решило, что меня пора повысить, и вскоре мне сделали интересное предложение. Конечно же, я могла писать слова на листочках и так почти приблизиться к говорящим, но я не желала писать — ведь для меня написанное было бы равновесно сказанному, то есть слову изреченному, а этого-то я больше не хотела. Я лишь неопределенно пожала плечами и вышла на новую должность. К моему удивлению, мне не пришлось ничего менять — мое молчание делало все за меня. Люди понимали и подчинялись мне без слов, на глубинном, животном уровне ощущая мою непреходящую правоту и превосходство. Для меня не было тайн, интриг, тщеславия — я была и весила ровно столько, сколько представляла из себя на самом деле. Я отнюдь не шла вверх по головам — они сами склонялись мне под ноги. Я наконец-то стала самой собой, а не тем, что говорю.

Нельзя сказать, что меня не жалели дома. Скорее наоборот — меня слишком быстро записали в больные, и муж таскал меня по врачам, настойчиво предлагая лечь в клинику неврозов, попить антидепрессанты, съездить на недельку в Турцию, но я ничего не хотела. Мама, вбив себе в голову, что я все в жизни делаю назло ей, тщетно трясла меня за плечи — я молчала. Разом повзрослевшая дочь выразительно крутила пальцем у виска и названивала подругам, говоря, что у матери окончательно поехала крыша. Я просто молчала, как молчала везде, с достоинством и усталостью отговорившего навсегда. Вскоре они смирились с тем, во что я превратилась, и я с удивлением заметила, как изменилось их отношение ко мне. Я поняла, что невольно внушаю им уважение и, пожалуй, что страх. Да, именно страх заставлял их испуганно прижиматься ко мне. Муж осторожно обнимал меня холодными руками, пытаясь уловить в моем теле частичку прежнего знакомого тепла. Мама избегала глядеть мне в глаза, дочь беспрекословно смотрела мне в рот, как будто я собиралась изречь истину. Им вдруг стало страшно, потому что они перестали видеть меня насквозь. Я скрылась от них за пеленой молчания, я перестала говорить и начала думать, я осознала и переоценила все, но не сказала ни слова, и именно это выглядело так пугающе. Они видели, что я знаю им цену, но не знали, какова она на самом деле, и это было страшно. Мир закружился вокруг меня, за полгода молчания я добилась больше, чем за всю свою жизнь, и я отнюдь не собиралась останавливаться на достигнутом.

Замолчав, я стала настоящей женщиной в глазах мужчин. Ведь что такое женщина — сосуд скудельный, словоохотливая похотливая обезьяна в тряпках, думала я, глядя на себя в зеркало. Но я стала другой — мимические скорбные складки у рта, морщины, рожденные бессмысленным смехом, угри как плата за гормональные бури — все это исчезло с моего лица, словно его омыли и разгладили морозным чистым ветром. Мое несчастное мятое тело, отягощенное обещаниями, неосторожно слетевшими с болтливости языка, вновь обрело строгие классические формы и линии. Я осознала, как далека от того образа, который является окружающим в моих словах и поступках, и поступила умно — я отступила назад, в саму себя. И тогда я обрела настоящую, пугающую совершенством и бесконечностью красоту, красоту ничем испорченного истинного образа. Я молча шла по улице, и мужчины смотрели мне вслед. Они целовали мне руки, они заглядывали мне в глаза, они бросались мне под ноги, а я продолжала молчать. Я видела все, но не говорила ни слова, а они так привыкли к словам, обесценившимся ровно настолько, насколько часто они приходили на ум и слетали с языка. Я же ничего не обещала, ничего

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

не просила, ничего не ждала, ни под кого не подстраивалась и ничего не боялась. Это они боялись меня, робкие, неумелые в отношениях с такой странной немой, они ощущали мое нравственное и физическое превосходство, не понимая, в чем его истинная природа. Я же знала все, но молчала. Я не наслаждалась тем, что имела, я лишь получала то, что мне причиталось за всю предшествующую жизнь.

Я была уверена, что права. Впервые я была счастлива и покойна тем, что не была принуждена совершать ежесекундные, ежечасные, ежедневные глупости и насилия над собой. Мне льстило, что я внушаю людям страх и уважение. Я уверилась в том, что почти что непогрешима, словно сам Господь бог вложил в меня это уникальное знание. Дальше — больше, после того, как я упорно промолчала в течение всего телевизионного интервью, у меня появились последователи. Я стала получать огромное количество писем от самых разных людей. Конечно же, как все страждущие, они были глубоко несчастны, женщины, мужчины, дети, старухи, они писали о том, как это прекрасно — наконец-то замолчать, сами не понимая того, что писать уже само по себе было кощунством и нарушением обета молчания. Они признавались мне, что обрели уверенность в себе, гармонию в семье, преодолели проклятие бесплодия, прорвали пелену безвестности, просто обрели себя в молчании. В один прекрасный день, выйдя на улицу в плотное окружение сотен людей, пытающихся дотронуться до меня хотя бы одеждой, я поняла, что больше не принадлежу себе. Они стояли молчаливой грозной стеной, они хотели молчать вместе со мной, под моим руководством. Их огромные печальные глаза чего-то ждали от меня, а я не могла, не имела права сказать им ни слова, ибо мысль изреченная есть ложь. Я молча прошла мимо них, но они не отставали. Они были повсюду, в их глазах я читала горячее желание идти за мной туда, где бы они были счастливы, но я не хотела и не умела вести туда, где могла быть лишь я одна. С ужасом я поняла, что мое молчание перестало быть моим личным достижением, делом моей жизни, моим щитом и противовесом. Особенно больно мне было, когда моя семья приняла решение замолчать вслед за мной. Они радовались как дети, обретая молчание, но я впала в ужас. Все вокруг меня обратилось в золото, словно я была легендарным царем Мидасом, вынужденным просить у богов снисхождения смуть смертоносный дар золототворения с рук. Все, к чему я прикасалась, было отравлено мной. Давно полностью или частично молчали мои коллеги и подчиненные, мои последователи называли себя молчаливками, и я против собственной воли была духовным вдохновителем целой общественной организации, которую свел воедино мой муж, занявший должность вице-председателя. Дочь вела протоколы и, окончив бухгалтерские курсы, всерьез занялась нашим финансированием. Деньги от жертвователей текли рекой, и муж собирался выдвинуть мою кандидатуру на президентских выборах. Общественный фонд «Молчание» стремительно набирал силу и вес, мы переехали в шикарную новую квартиру, я ушла с работы, вела светскую жизнь в окружении двух молчаливых телохранителей, попеременно занимавших со мной любовью, и по-прежнему не говорила ни слова.

Но ведь продолжать молчать и дальше было не просто глупо, это смахивало на самоубийство. Я перестала быть собой, поскольку все ценили во мне не меня, а мое молчание. Я попала в ловушку собственного дара — мое молчание переросло рамки меня как личности и стало против моей воли явлением общественным. Как бы я ни хотела молчать в одиночестве, это было уже невозможно. Десятки, сотни людей молчали, как они думали, «по-моему». Они отняли меня у меня, они взяли у меня самое ценное — мое право быть вне слов — и нагло присвоили его себе, отдали на растерзание всем, проходящим мимо. Но они молчали непра-

вильно — они буквально кричали о своем молчании, они писали о нем, они расхваливали его, они несли его на щите, они учили ему тех, кто только хотел к нему приобщиться, они описывали то, что было свято вне слов по определению. Я знала все это, но прекрасно понимала, что не смогу, не сумею донести знание до тех пор, пока не начну говорить.

И тогда я приняла решение заговорить. Это произошло на одном из расширенных заседаний фонда, во время гробового молчания, посреди стрекота камер, фотовспышек и клацанья клавиш на компьютерах. Я поняла, что больше не могу молчать вместе с ними. Я встала, краем глаза заметив, как напрягся мой муж и удивленно поползли вверх глаза дочери. Мама молча взяла меня за руку, но я сбросила ее пальцы. На столе валялся ненужный микрофон, и я ухватилась за него, словно это был спасительный круг. Люди в зале заволновались. Я откашлялась и открыла рот. Зал напрягся, муж вскочил на ноги и бросился ко мне. Я думала, что вот сейчас я закричу о том, что должна была бы сказать в самом начале. О том, как нельзя молчать заодно с кем-то, о том, что молчание бесценно лишь тогда, когда оно идет из души, о том, что и слова могут быть прекрасны, словно лик господень, если они не искажены ненавистью и глупостью, о том, что бессмысленно молчать ни о чем или для чего-то, о том, как они обманываются, принося деньги и жертвуя временем беспринципным манипуляторам вроде моей дражайшей семейки и ее покровителей, и еще много чего другого хотела я извергнуть из измученной молчанием души и глотки. Но из моего горла не вырвалось ни звука! Я думала, что кричу, но на самом деле я лишь разевала рот, словно рыба на песке. Муж вдруг начал хлопать в ладоши, в зале волной поднялась овация, от аплодисментов задрожали стены. Дочь зарыдала в голос от восторга, и даже мама обняла меня цепкой лапой. Я упала в кресло. В тот день меня официально зарегистрировали как кандидата на пост президента, а муж чуть не задохнулся от восторга, кончив прямо в меня. Утром, пока все, включая уставших от ночи любви телохранителей, спали, я собрала кое-какие вещи и навсегда ушла из дому, беременная сразу тремя детьми.

Сейчас я учусь говорить заново. Каждый день я произношу пять-десять слов, не больше. Последнее время я стала писать, чтобы оставить хотя бы одну правдивую версию того, что произошло на самом деле. Говорить прекрасно, но очень трудно. Мне приходится долго думать о том, что я на самом деле имею в виду, и имею ли я в виду что-то вообще. Я до сих пор убеждена, что лучше сто раз подумать, чем один раз сказать, но если уж я решила сказать, то скажу непременно. Честно говоря, я вполне могу обходиться без слов хотя бы сейчас, за месяц до родов. Врачи говорят, что несмотря на свой далеко не юный возраст, я смогу родить здоровую тройню естественным путем, но уж тогда мне придется говорить намного больше, чем сейчас. Я лишь загадочно улыбаюсь, потому что знаю, что и рожденным от меня я никогда не скажу ничего лишнего. Им не надо знать, что они зачаты от разных отцов, им не следует знать, что где-то далеко у них есть родственники, присвоившие себе право не только на мою жизнь, но и на мою смерть, с помпой отпразднованную в прессе и воплощенную в черном обелиске на кладбище. Им не будет дано право на молчание, ибо его нельзя подарить или присвоить. Его можно лишь заслужить, когда лопнет кровавая мозоль на языке, когда иссякнет пустой источник слов, когда мысли переполнят черепную коробку зубодробительной мигренью. И снизойдет молчание, и наступит вечность без самообмана и суеты. А пока что говорите, говорите, говорите...

Ева РАПОПОРТ

РАССКАЗЫ

Я играю на трубе

Я играю на трубе. Нет занятия лучше на свете! Мама говорит, что я идиот, и папа, не отрываясь от газеты, тоже говорит, что я идиот. Но хоть на самую малость я не совсем идиот — выучился же я играть на трубе.

Сосед снизу барабанит в потолок палкой от швабры и кричит: «Да заткните вы своего идиота, уже скоро час ночи!». Но я продолжаю играть.

Бабушка уносит в другую комнату свои пластинки. Она считает, любовью из ее обожаемых композиторов перевернулся б в гробу, случись ему услышать такую идиотскую игру. Но какой же я идиот, когда, в отличие от бабушки, понимаю, что в могилках все лежат смирно?

Моя сестренка не научилась еще говорить. Она подходит ко мне неуверенными шажками, держась все время за стенку, и если я и идиот, то мне почему-то хватает сообразительности догадаться, что она обо мне такого же мнения, как и все. Только это меня не останавливает.

Я играю на трубе двумя столовыми ложками. Пусть каждый твердит, что я идиот, но какой отменный от удара металла о металл получается звук!

Следы на песке

Каждую ночь, стоило ей закрыть глаза, расположившись на своей жесткой подушке, она попадала туда. Тусклое — она бы его назвала не свинцовым, как это принято, например, в дешевых романах, — а скорей алюминиевое небо, широкая полоса мелкого рассыпчатого песка, с одной стороны омываемая морем, с другой — уходящая в белесый туман, к которому она не решалась никогда даже подойти близко, боясь, что оттуда уже не будет возврата ни в явь, ни в этот навязчивый, много лет не оставлявший ее сон.

На работе все удивлялись, хотя им это было лишь на руку — она почти никогда не брала отпуск, самое большее, проводила несколько дней за городом с родственниками или друзьями. Когда сослуживицы, возвращаясь из разных стран, хвастались своим шоколадным загаром, она оставалась сосредоточенной и равнодушной. Ее бледная кожа не переносила прямых лучей солнца, так что не было и не могло быть ничего лучше того алюминиевого неба, нависавшего, но не слишком низко, чтобы давить, над всегда спокойным, не жарким и не прохладным морем.

А еще там был он. Она не допускала, что это порождение лишь ее сна. В те долгие однообразные часы, что она проводила на службе, на берегу бывал другой человек. После него оставались следы — его ног, его тела, когда он лежал на песке.

Постепенно они начали общаться друг с другом на свой манер. Она выкладывала пирамиды из разбросанных кое-где камней, вытаптывала разные знаки в песке, подальше от воды, чтобы их не смыло приливом. В ответ он надстраивал либо перемещал ее пирамиды, но чаще чертил, видимо, пальцем замысловатые узоры — у него явно был талант к рисованию, — состоявшие из переплетающихся и переходящих одна в другую фигур, напоминающих сердечки.

Они никогда не встречались. Когда один спал, другой — бодрствовал, и наоборот. Разницу во времени она объясняла для себя тем, что этот че-

ловек — достаточно было сравнить след от его и ее ноги, чтобы не сомневаться, что это мужчина — живет где-то очень далеко, совсем на другом конце мира. Скорее всего, он даже не говорил с ней на одном языке.

Но вопреки (или благодаря?) разделявшему их расстоянию и все-таки прочему, между этими двоими начала зарождаться привязанность. Она ложилась на влажный песок и долго лежала так неподвижно, стараясь поглубже запечатлеть контуры своего тела, или находила для него самые красивые и крупные раковины. Он же в ответ вытаптывал и рисовал для нее все более и более замысловатые орнаменты из одних только сердечек. Наверное, он наяву, там, в своей далекой стране был художником, воображала она.

Многие считали ее замкнутой и довольно одинокой, однако следы, оставляемые каждый день специально и только для нее на морском берегу, который лишь они двое могли видеть во сне, не давали ей ощущать ничего подобного.

Она ложилась спать всегда в одно время. В будние дни у нее не было ни малейшей возможности для того, чтобы спать днем, а привыкнув долгие годы жить в своем жестком режиме, она едва ли смогла бы задремать после обеда в выходной день. Ей вообще на сон требовалось не так уж много часов.

Она всегда была собранной и ответственной, за что ее ценило начальство, и все же однажды каким-то чудом сумела забыть на работе ключи от квартиры. Обнаружилось это уже поздно вечером, после службы она еще встречалась с подругой. Взяв такси, — сил трястись на перекладных уже не было, — она вернулась в контору, где ее встретил незнакомый охранник. Ночью заступала другая смена.

Подбежав к столу, она с облегчением обнаружила, что ключи там, а не потеряны, и больше теперь не спеша, возвращалась назад мимо проходной, когда ее взгляд упал на знакомый узор, покрывавший поля последней страницы газеты, где был напечатан кроссворд. Ошибки быть не могло: сердечки переплетались и переходили одно в другое.

На мгновение замерев, она рассматривала в упор угрюмого человека лет пятидесяти с изрытым оспинами лицом и лишенными блеска глазами цвета незрелых оливок, но тотчас же вновь ускорила шаг и, не попрощавшись, выбежала в ночь.

Решение проблем

— Вот, держи, — он протянул мне через стол огромный белый том в потрепанной бумажной обложке, — изучай.

Друзья-технари откровенно надо мной посмеивались, но при всей необходимости мне компьютера для работы, я был совершенно не в состоянии даже худо-бедно его освоить. Если бывают таланты, бывают гении, то должны же существовать и соответствующие им отрицательные величины. Примерно так я себя оправдывал в своих же глазах.

Официантка как раз принесла очередные две кружки пива, и я, отхлебнув глоток, принялся рассеянно листать страницы. «Системные требования», «Установка» — для меня все это было сущей китайской грамотой. Пропустив начало, я открыл где-то на середине.

— О, — хмыкнул я, — «Решение проблем» — хорошее название для главы.

— Ну-ка? — приподнявшись со стула, приятель тоже посмотрел и улыбнулся одним углом рта.

— Вот бы под таким заголовком могли написать что-нибудь действительно жизненно важное, — попытался я развить тему.

Мы одновременно выпили еще по глотку.

— А знаешь, — сказал он, закуривая, — есть такая телега, что написал кто-то книжку, вот такую же, для чайников, про компы, в которой правда есть то ли абзац, то ли страница, где чего-то очень правильное про все вещи сказано, — он затынулся, явно пытаясь заодно собраться с мыслями, и я про себя в очередной раз отметил, что у каждого свои сильные и слабые стороны, и при всей моей компьютерной безграмотности, над которой можно издеваться сколько угодно, со словами я управляюсь куда как свободнее.

— В общем, кто этот кусок там прочтет — тот реально более... ну продвинутым, что ли, становится и живет ему на свете как-то уже совсем по-другому.

— Не думал, что у вас, программистов, тоже есть какой-то фольклор, — я улыбнулся, но как-то достаточно кисло; впрочем, его мало чем можно было пронять.

— Ну, как хочешь вспомнить свою филологическую молодость, — он осклабился, — приходи, проставляйся — расскажем тебе сказок.

У меня зазвонил телефон и на пару минут я отвлекся на разговор с работодателем.

— Только, — продолжил он сразу же, как я повесил трубку, — никто не знает, в какой именно книжке такая полезная штука написана, — я искренне удивился, что он еще не оставил в покое эту историю. — Вдобавок, вменяемые ребята такой ерунды не читают, а те недалекие, для которых подобные книжки печатают, если на что и наткнутся, все равно не поймут, что это, о чем и к чему.

Я вдавил окурок в переполнившуюся уже пепельницу, которую нам не торопились менять.

— Извини, — он быстро опомнился. — Ничего личного. Я не тебя, конечно, имел в виду.

Мы были уже слишком давно знакомы, чтобы мне пришло в голову обижаться. Не все люди, какими бы технически одаренными они ни были, успевают подумать, прежде чем что-то сказать.

Мы посидели еще, успев обсудить футбол и последние новости от кое-каких общих знакомых, пока он не сказал, что ему, наверно, пора, а я, малодушно надеясь отсрочить очередной неизбежный сеанс общения с поистине для меня адской машиной под названием ПК, решил еще ненадолго остаться.

Мы распрощались, он вышел. Я посмотрел в окно: оказывается, принимавшийся пару раз в течение дня накрапывать дождик успел превратиться в нешуточный ливень. Я мысленно порадовался правильности своего решения пока что никуда не уходить, но, сидя в тепле и сухости, счел нужным посочувствовать своему приятелю, оказавшемуся в такую дрянную погоду на улице. Я видел, как он прошел пару метров вдоль фасада, держась при этом под козырьком заведения, потом остановился, набирая, похоже, что-то на своем карманном компьютере — и вот он уже зашагал через улицу под большим черным зонтом, хотя я ясно помнил, что у него с собой ничего подобного не было.

Утро вдвоем

Меня разбудил несильный удар в плечо.

— А теперь — проваливай.

Первые лучи солнца уже пробивались сквозь опущенные занавески. Она сидела рядом со мной на кровати и, кажется, сама только проснулась. В комнате ощущался ни с чем не сравнимый запах пролитого

шампанского, во рту — ставший уже привычным по утрам отвратительный привкус. Голова болела и соображать отказывалась.

Кажется, она еще что-то сказала о том, что ни слышать, ни видеть меня не хочет, ни... и так далее. Почтя за лучшее оставить ее реплики без ответа, я уныло побрел в ванную. Щелкнул выключатель, но в полке загорелась только одна тусклая лампочка. Сколько же я здесь не был? Пару месяцев. Я открыл кран.

— Ты знаешь: я маленькая, не достаю, — она уже стояла у меня за спиной, облокотившись на дверной косяк, и многозначительно смотрела на потолок. — Ты — длинный, дотянешься и со стула.

Я открыл было рот, но она опередила меня:

— Я не сказала, что собираюсь с тобой говорить. Хватит с меня этих твоих разговоров, — и, резко развернувшись, ушла обратно в комнату, а я отправился почему-то на кухню, за стулом, попутно хлебнув воды из стоявшего там чайника.

Она принесла лампочки, я влез на стул. Сколько нужно идиотов, чтобы вкрутить лампочку?.. Голова у меня закружилась, и я поспешил схватиться за стену. Где-то мы с ней вчера случайно опять встретились. А дальше что было? Портвейн? Красное?..

Она нажала на выключатель.

— Ну теперь красота!

Спрыгнув со стула, что чуть не стоило мне потери равновесия на скользком полу, я потащился в уборную. Ручка висела на двери как-то криво, и не то что запереться, даже нормально закрыться было нельзя. Все время пребывания внутри я молил бога, чтобы меня не встретили на выходе с какой-нибудь отверткой, которой я сейчас был в состоянии разве что сделать себе хакари. Но обошлось.

Пока я одевался, прозвучал монолог из серии: и не вздумай звонить мне, никаких больше начать все сначала, и проч., и проч. Уже в коридоре она всучила мне какую-то книжку.

— Ты мне давал.

О том, что у меня вообще когда-то такая книга была, я помнил смутно, но это ничего не означало. Зато у меня не изгладилось почему-то из памяти, как обращаться с замками. Я открыл дверь.

— Ах да. Я там в ЖЖ написала... Прочтешь — ответишь потом.

Дверь захлопнулась. На улице шел дождь. Я надвинул капюшон почти до самого носа. Автобусы по ее улице ходили редко. Впрочем, у меня все равно не было денег на подобное удовольствие. Я сунул руки в карманы, а когда извлек их оттуда, на ладони у меня лежал ее длинный темный волос — больше, чем ничего.

Под пиво и музыку

Я заметил ее рядом с собой, только когда она, прикончив свое, принялась пить мое пиво, полубеззастенчиво, полумашинально. На мой не слишком доброжелательный взгляд — поймите меня! — она отвечала улыбкой. Ничего голливудского, но какое-то обаяние у нее определенно имелось.

Есть люди, которые могут прийти на концерт потому только, что он бесплатный. Кажется, она была из таких. Я не нашел ничего лучше, чем предложить угостить ее пивом, по всему судя, полностью оправдав ее ожидания. Вторая кружка, которая была для нее явно уже далеко не второй, заставила ее еще более расшевелиться, и вот я уже почувствовал когтистую теплую лапку на своем брючном ремне.

— В мире полно нелепых вещей, — не выдержав, сообщил я.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Ага, представляешь, однажды я обнаружила пьяного сантехника, спавшего на полу у меня в кухне, когда я пришла домой, — не замедлила с ответом она.

Во время лучшей, пожалуй, за весь вечер песни она отправилась в уборную, точное местонахождение которой, очевидно, для нее оставалось загадкой.

Вернувшись в еще более помятом виде и несколько виноватая, она шепнула мне на ухо:

— Ты знаешь, у меня пусто на сердце, в квартире и в холодильнике.

Я был готов пообещать купить ей батон колбасы, но не знаю отчего передумал. Музыка для меня на этом закончилась. Дальше были влажные поцелуи с привкусом пива и чего-то еще, далекого от романтики, пустой, плохо освещенный перрон и последняя, кажется, электричка. Вместо колбасы я взял нам дешевого коньяку.

— Ничего, будет что вспомнить, — беспрестанно твердила она, оскальзываясь в грязи по дороге от безвестной станции, когда я помогал ей подняться.

«Влюбляться — так уж без памяти», — думал я, допивая коньяк из горлышка.

Грустный человек, у которого не было ничего

В переходе играли музыку. Бог его знает, где они взяли электричество, но у них была подключена и гитара, и бас, и, кажется, что-то еще. И конечно, у них была неперменная девушка с кепочкой для сбора монет.

А в другом конце перехода сидел грустный человек. У него не было ног. И ему не нравилась музыка. Наверное, потому, что была и правда плоха.

В переходе продавали носки. Самых разных цветов. Вязаные теплые шерстяные, хотя зима уже миновала, и для девушек — капроновые, тонкие. Но грустному человеку не нужны были носки: у него не было ног, чтобы их носить, у него не было рук, чтобы их надеть.

По переходу шли люди. Утром еще сонные, вечером — усталые после рабочего дня, днем — какие-то редкие праздные граждане, иногда иностранцы. Но грустный человек не обращал на них никакого внимания, потому что у него не было глаз.

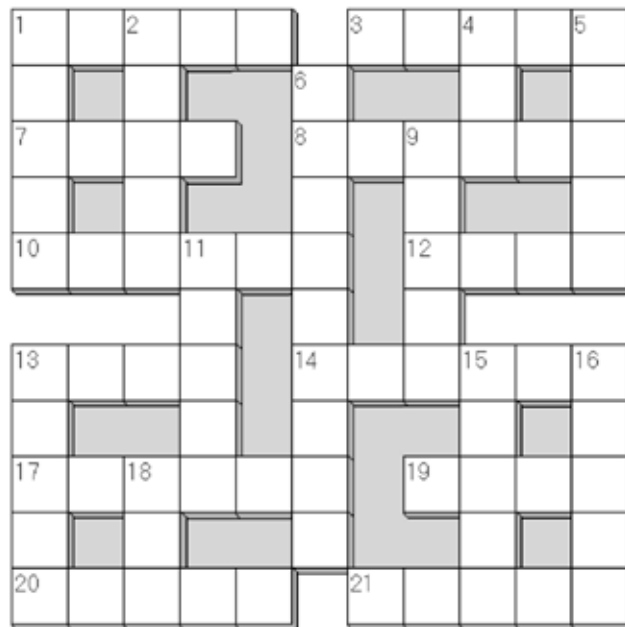
Хотя стены перехода регулярно выкрашивали, с еще большим старанием и упорством — никогда не известно, кто — наносил на них надписи, чаще всего глупые или же непристойные, но изредка такие, над которыми можно было задуматься. Однако грустный человек не задумывался: для этого у него даже не было головы.

В сущности, у него вообще не было тела. У него не было совсем ничего, кроме его грусти. И поэтому он продолжал грустить — чтобы хоть что-нибудь оставалось.

Билет до последней станции

Я возьму тебе билет до последней станции, где трава высокая и жесткая и нет никого. Пустой неметеный перрон и зыбкий туман над водами озера. Оно подобралось совсем близко к дороге, словно тоже собралось ехать куда-то. На последней станции у меня дом, тоже пустой, как и всё здесь. Почерневший от времени сруб и маленькие занавешенные окошки, горько пахнущая полынь и лиловыми звездочками цветущий чертополох в огороде, и прогнившие доски, из которых никто так и не сделал крыльцо. Наколи свой билет на сук старой иссохшей яблони, чтобы удостоверить свое присутствие; прогремев ржавой цепью, извле-

ки на свет божий помятое жестяное ведро, чтобы убедиться, что воды нет. Сюда рано приходит ночь и с неохотой добирается утро, здесь даже комары летают бесшумно и жалят, наверное, самих себя. Но ты едешь сюда не для того. Возьми с собой какую-нибудь дудку, чтобы пронзительным звуком встречать ленивый рассвет, возьми с собой всю память и нежность, чтобы думать обо мне, как я сижу в заброшенном доме на конце совсем другой железной дороги.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Поэтическая лодка. 3. Наша жизнь с точки зрения мойр или парок. 7. Глава Корана и приток Волги. 8. На его взятие Державин написал оду. 10. С ним прощались герои Э.Хемингуэя. 12. Мера стиха. 13. Выходит на грабеж (у Введенского). 14. Неспящий в тихом лесу. 17. Предтеча Фауста и герой романа Т.Уайлдера. 19. Маяковский рифмовал его с кровью, а Цветаева с островами. 20. Дайвер-оборотень из «Лабиринта отражений» (Лукьяненко). 21. Пресловутая жертва жадности.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Аксессуар главного героя «Всадника без головы». 2. Охотник-гольд, прославленный В.Арсеньевым. 4. Повесть А.Куприна. 5. Возлюбленная Ш.Холмса и город на Черном море. 6. Стилистическая фигура, преувеличение. 9. Великан, хранитель источника мудрости скандинавских мифов. 11. Изысканный у Гумилева, граф у Чуковского. 13. Богатырь башкирского народного эпоса. 15. Рыжая героиня «Зари драконов» Энн Маккефри. 16. Денис Давыдов рекомендовал набекрень. 18. Один из викинглов М.Семеновой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА. Горизонталь: 1. Версы. 3. Адрес. 6. Леди. 8. Воля. 9. Фонарик. 11. Ала. 12. Том. 14. Термиты. 18. Алва. 19. Гнев. 20. Покой. 21. Парад. Вертикаль: 1. Вольха. 2. Сило. 4. Девки. 5. Стяг. 7. Графоман. 9. Факт. 10. Каты. 13. Медвед. 15. Едало. 16. Тигра. 17. Карп.

Автор кроссворда - Михаил МАЙГЕЛЬ